ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
Академии имени Н. Е. Жуковского

Издано в рамках международного проекта
«КУЛЬТУРА БЕЗ ГРАНИЦ»

Светлана Васильевна
Савицкая

Светлана Савицкая

НАЗОВИ ИМЯ БОГА

фантастическая трилогия

Москва
2023

УДК 821.161.1-312.1
ББК 84(2=411.2)6
С133

Савицкая, Светлана Васильевна

С133 Назови имя Бога / С.В. Савицкая. — М. : ИД Академии Жуковского, 2023. — 296 с.

ISBN 978-5-907699-44-1

Имя Бога — шифр Вселенной, пароль для достижения заветного желания, реализации истиной цели души. Но как узнать это имя? Ведь генетический код у каждого индивидуален! Распознать таинство удается трём ученым. В процессе решения задачи читателя ждут захватывающие вхождения в Бездну, которая обитаема разными инопланетными существами.

Произведения С.В. Савицкой рекомендованы для чтения:

- МИНОБРНАУКИ России ФГОБОУ «Тверской государственный университет»;
- ДНР Администрация г. Шахтёрск Управление культуры, молодёжи, спорта и туризма;
- Фонд «РусПомощь»;
- Международный литературный проект «Золотое перо Руси».

УДК 821.161.1-312.1
ББК 84(2=411.2)6

ISBN 978-5-907699-44-1

© С.В. Савицкая, 2023
© ИД Академии Жуковского, 2023

ОБ АВТОРЕ

Светлана Васильевна Савицкая — доктор философии по диссертации «Символ, как социально-культурный феномен управления», писатель и переводчик, общественный деятель. Родилась в 1963 году в г. Орджоникидзе СО АССР. Писательский стаж начался еще в школьном возрасте с 1979 году, когда она активно публиковала рассказы, стихи и репортажи.

Известна, как автор энциклопедий «Большая книга женской мудрости», «Большая книга мужской мудрости», «Большая книга семейной мудрости», трехтомника «Книга мудрости на 365 дней», а также уникального научного двухтомника Энциклопедии символов управления «Славянский выбор».

Переведена более чем на 30 языков мира.

Единственный писатель, чьи книги оформляла ясновидящая Джуна. В издательствах «Эксмо», выпущен также альбом «Энергия вселенной» с оформлением Никаса Сафронова. ИД Академии им. Н.Е. Жуковского издала 333 притчи С.В. Савицкой в 4 томах с названием «Притчи для мудрецов». 550 притч для мудрецов стали популярными в разных изданиях, в том числе «Большая книга женской мудрости», «Мудрые притчи для мудрых женщин» (ЭКСМО), «Седые косы» (Индия, Калькутта на бенгали), «Золотой обрез» (Амазон, США на английском), «Таинства русской души» (Германия, на немецком) и в других странах на 30 языках мира. Являются лидерами продаж. Единственный русский писатель, переведенный на цыганский язык.

Кроме притч и энциклопедий вышло около 120 художественных и научных книг, военно-исторический роман «Балканы» был удостоен почетного знака «Самарский крест» от правительства Болгарии и медали Победы, переведен на арабский язык, и выпущен в Дамаске (Сирия) и в Бейруте (Ливан), а также переведен на турецкий язык, выпущен в г. Анталия (Турция).

Проект получил статус «Книга года 2020». Все переводчики и автор вышли на медаль «Туран Биримдии» от Союза писателей и историков Центрально Азии «Янги Овоз». Исследовательский роман «Распутай время» признан лучшей книгой 2011 года в Германии (Гран-При Берлин. Институт изучения русского языка 2011), Сербия вручила писателю «Златну круну». В 2016 году — Гран-При по прозе и Диплом Гомера в Греции. В 2018 году Гран-При Лучший роман года от Военной студии баталистов и маринистов при министерстве Обороны РФ за роман «Балканы». В 2018 г. в Украине на Международном конкурсе «Созвездие духовности» Гран-При Лучшая книга года, с переводом 300 сказок на украинский и выходом двухтомника книги в Киеве. В 2020-том поэма «4 дня на Каспии. Метаморфозы о маме и море» была переведена на английский, грузинский, таджикский, осетинский, персидский и туркменский языки и вышла в Туркменистане, Киргизии и Грузии. Получила Гран-При и золотой орден им. Алишера Навои в Центральной Азии.

С. Савицкая обладатель более 150 лауреатских и почетных дипломов российских и зарубежных конкурсов и проектов.

Светлана Васильевна Савицкая, юрист, доктор философии в области социологии и культурологии, писатель, общественный деятель, её произведения официально рекомендована для прочтения Федеральным «Тверским Государственным Университетом».

АКАДЕМИК ордена Ломоносова Международной Академии Интеграции Науки и Бизнеса (МАИНБ), Член Союза писателей России (СП), Международного союза писателей (МСП) Новый современник, Всемирного союза писателей (ВСП), Мюнхен при ЮНЕСКО, Посол Мира Федерации за всеобщий мир (ООН), Почетный член Академии Международной Академии экологической безопасности (МАНЭБ) по секции Образование, Почет-

ный член Российского общества изучения проблем Атлантиды (РОИПА), Почетный член СП Крагуевац, Сербия. Почетный член Союза Писателей и Историков Центральной Азии «Янги Овоз». Член-корреспондент ПРА (Православной русской Академии). Почетный член Творческого объединения «Лира» г. Штутгарт, Германия.

Обладатель ордена «Трудовая доблесть России» (2010 г.)

«Выдающийся деятель мировой культуры», Сирия, Департамент по выпуску книг автором мира на арабском языке. (2019 г.)

ОБЛАДАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРЕМИЙ от Союза писателей России и Орденов им. Владимира Маяковского (2010 г.), «За глубокое психологическое исследование, смелую творческую новизну и литературные находки романа «Назови имя Бога», Г.Р. Державина (2010 г.) «За высокий литературный уровень повести «Я верю тебе, мама», С. Есенина «Золотая осень» (2012 г.) «За переводы сербских песен в стиле народной поэзии» и медалей А.П. Чехова (2008 г.), А.С. Грибоедова (2009 г.) «За высокое художественное мастерство короткого рассказа», Н.А. Некрасова (2021 г.) за поэму о маме и море «Четыре дня на Каспии», М.А. Шолохова (2020 г.) за военно-исторический романа «Балканы», А.И. Куприна (2022 г.) за фундаментальный труд по переводам авторов мира.

Хрустальный кубок Лос-Анджелес (Америка) за самый популярный литературный проект.

С.В. Савицкая обладатель звания «Лучший автор» более 20 зарубежных и русских изданий, в том числе «Волга», «Смена», включена в Золотой Фонд литераторов Калининградского издания «Берега», ИД Академии им. Н.Е. Жуковского.

Произведения автора, включенные в сотню лучших авторов Элитарной золотой серии Творческой мастерской «Добрые традиции», были переведены более тысячи раз, и более двух с половиной тысяч раз опубликованы в разных сборниках, альманахах, книгах и периодике.

Часть 1. СВЕТИК

Можно ли спрессовать время в роман, в повесть,
в несколько строчек? Можно ли спрессовать любовь?
Так, чтобы она, точно концентрация угольной пыли
бессонных ночей, засияла бриллиантом
на ладони любимого человека
волей гения?

Глава 1. Пробка

Полудымка-полуснег-полудождь-полуморось из-под колёс автомобилей летят не в лицо — на лобовое стекло. Но морщинки у глаз каждый раз вздрагивают, а вдруг… вдруг не успеют защитить они душу от серого МКАДа. Щётки старательно разгоняют маслянистую взвесь.

Темень и ночь наступили как-то вдруг. Тревожит малый уровень топлива в баке. О транспортной пробке, дожидающейся впереди, сначала сигнализируют ноги на педалях. Мгновением позже Светослав обращает внимание и на адские глаза стоп-сигналов передних машин. Приходится снижать скорость. Внутри заныло от досады.

«Я в аду», — загорается внутренним подфарником мысль, потому что красных огней много. Слишком много. А дальше они вообще сплетаются в зловещий клубок мерцающей гирлянды.

Всё медленнее и медленнее их движение в чёрном пространстве дороги. Первые уже встали. Следующие этого ещё не видят, но им приходится тормозить. Ещё тормозить. Ещё. Стоп! Пробка.

Ну вот, очередной кусок жизни съела дорога.

— Подвезёшь, шеф? — открывается правая дверь, заглядывает путник. Откуда он взялся среди машин? Без тёплой одежды.

Не дожидаясь разрешения, незнакомец плюхнулся в тёмный овечий ворс пассажирского кресла. Серый костюм блеснул лощёными складками.

— Подвезу… как же… — проворчал Светослав, приняв эту неожиданность, как должное, — видишь? Стоим.

Он крутанул колёсико радио.

— Никто не мог представить сегодня такого обилия снега, — бойко начало вещать оно, — по метеопрогнозу всю ближайшую неделю ожидалась переменная облачность с локальными кратковременными дождями. Но во второй половине дня выпало более 20 миллиметров осадков, что составляет почти половину месячной нормы. В Москве образовалась пробка суммарной протяжённостью 896 километров. Движение автомобильного общественного транспорта ограничено…

— Это из-за нас, — прервал радиосообщение незнакомец.

— В смысле? — не понял Светослав, приглушив звук.

— Щас поймёшь. Хочешь, пробку разгоню?

Светослав рассмеялся:

— Разгони, — совершенно не поверив, выключил двигатель, чтобы экономить бензин.

Дотянуть бы до заправки. Тысячи таких же машин плотно стояли на внутреннем кольце магистрали, кто — смирившись и затихнув, а кто — рыча моторами, готовый в любую секунду тронуться с места.

— Да легко, — ничуть не смущаясь от неверия Светослава, изрёк пришелец и стал удивительным образом завораживающе профессионально манипулировать кистями рук.

— Мистика какая-то, — водитель даже развернулся, чтобы как следует разглядеть чудо-аниматора.

А тот уже работал. Его потрясающе яркие и молодые глаза, сияющие в полусумраке, вдруг устремились куда-то вперёд за видимое, кишащее красными огнями пространство. Он выпрямил спину. Правой рукой как бы отводил энергетические массы в сторону Москвы. А левой кого-то призывал к себе. Он дирижировал? Или выпендривался? На сумасшедшего вроде не похож… или похож?

Лет сорок — пятьдесят ему. Сухощавый. Стройный. Кожа загорелая, практически нет морщин. Седые волосы немного всклокочены, но достаточно послушно и красиво лежат волнами на затылке. Что необычным было в его внешности, это брови! Слишком длинные для нормального человека, антеннами торчащие в разные стороны, седые брови повторяли направление взгляда, как бы усиливая его волю.

«Холерик», — дал заключение Светослав и неожиданно оторопел, заметив, что колонна огней впереди вдруг тронулась. Их полоса, первая из всех, едва заметно, а потом всё увереннее и увереннее начала поступательное движение вперёд.

Незнакомец торжествующе взглянул на водителя, перестав дёргать руками, представился:

— Юрий Всеволодович, — его брови-антенны приняли положение довольной кошачьей улыбки.

— Так длинно? Может, просто Юрий? — ухмыльнулся Светослав. Он был просто обезоружен увиденным.

— Нет. Можно на «ты», но по отчеству обязательно.

— Хорошо, ЮрВедыч, так ЮрВедыч. Заправимся? Ты не против? — водитель свернул на заправку и протянул руку. — Слава!

— Давай-давай, Славик, скорее, я долго держать это не смогу! — быстро и сухо пожал руку ЮрВедыч.

Водитель послушался. Проворно расплатился. А, когда снова тронулись, спросил:

— Тебя куда?

— К трём высоким башенкам. Я тебе что-то должен?

— А я тебе? — хмыкнул Светослав, — так за что же на нас снегопад обрушился? Можно узнать?

— Да как тебе объяснить? Не поймёшь ведь.

Мужчина только брови поднял от удивления. Как это он, да не поймёт?! Чуть «Форда» бампером не задел от негодования.

— Причина всех бед и неудач людей в том, что пропала вера в Первопричину — Природу Его, Человека — Космического Самобытия. Законы этого мира, видимо, являются следствием существования более тонкого, раннего и сверхразумного Мира. И, как ни странно, именно сейчас этот невообразимо далёкий мир проявил свой интерес к нашему существованию, потому как гибель нашей цивилизации не входит в планы Единой Жизни Космоса.

— Да какая жизнь космоса? Простой автомобильный коллапс. Машин много — дорог мало. Вот и вся нед*о*лга, — подначивал водитель, сразу, однако, сообразив, что рядом с ним человек не простой, — лучше расскажи, почему пробка рассосалась, и почему вдруг снегопад.

— Нетерпеливый какой… забыл, как тебя зовут-то? — сложив брови домиком, спросил ЮрВедыч.

Водитель усмехнулся:

— Светослав меня зовут.

— Святослав?

— Не Святослав, а Светослав. Так мама назвала.

— Маму любить надо.

— А я и люблю.

— Только забыл, что любишь, — с упрёком поджал губы ЮрВедыч.

— А тебе откуда знать?

— Оттуда! Всё, приехали, — хотел выйти незнакомец на метельную дорогу.

— Тебе ж до башен…

— Ах, да.

И не вышел.

Путники затихли. Едва слышно звучащее радио неожиданно заговорило громче, точно невидимая рука крутанула колёсико:

— На планете наблюдается невиданный за последние два века рост количества и тяжести стихийных бедствий. Опасные процессы распространяются по всем континентам и во всех

жизненно важных сферах человеческой деятельности. Особую тревогу вызывают: рост интенсивности неблагоприятных климатических процессов; опасное повышение геофизической активности, включая сейсмическую, вулканическую, гравимагнитную и геодинамическую; неожиданный рост частоты мощных штормовых процессов в атмосфере и в океанической среде; непредсказуемые колебания солнечной активности, температуры, уровня грунтовых вод, расширение площадей и районов крупных наводнений; опасный рост интенсивности осадков в одних регионах и продолжительности засушливых периодов в других. Наряду с этим, наблюдаются сопровождающие эти природные бедствия и синхронные с ними: опасные и неожиданные колебания международной и региональной финансово-экономической конъюнктуры и объема мировой торговли; тревожные вспышки региональных конфликтов, рост интенсивности террористической деятельности и участившиеся случаи принятия неадекватных геополитических решений; опасные эпидемические, психопатогенные и социальные процессы…

Щётки ритмично очищают стекло. Радио переключилось на музыку. Для беседы не находилось общих тем.

— Приехали, — у трёх башенок прерывает молчание гость, суетливо открывает дверцу, небрежно бросая через плечо, — спасибо, пока.

А Светослав снова попадает в пробку.

Глава 2. Стратификация любви

К своей деятельности Светослав относился очень ответственно. Там, за стенами института — социум, его поле деятельности, его хлеб, ум и совесть — ждёт Для изучения. Ждет От него помощи и коррекции.

Требовательный к себе, он никогда не опаздывал до этого сумбурного, непредсказуемого месяца, пока не увидел её: тридцатилетнюю наивную красоту, показавшуюся совершенством. Наполненность неведомым доселе смыслом и завершённость

гармонии форм, слов, движений. И вся богема бриллиантов пятидесятилетних знаний разбились пред нею неожиданно жестоко, разбилась странно, не падая, висит вокруг дешёвыми стеклянными осколками на ёлке души…

— Имя назовите, — просит элегантная девушка, опустив полные недоступности и отрешённости профессионально-озабоченные работой очи в длинные списки.

— Светослав Петрович, — говорит он ей почему-то виноватым голосом, чувствуя себя совершенно глупо, — Большаков.

— Большаков… Большаков, Башлыков, Бахметьев, — бурчит под нос она в окошечке кассы, — Большевиков?

— Большаков, — ещё раз терпеливо произносит он, обиженный и раскрасневшийся от волнения.

— А-а! Вот, Большаков. Распишитесь.

Он получает деньги, вспоминая, что вот уже третий раз представляется ей, но она не запомнила ни имени, ни фамилии. Кто для неё Большаков? Строчка длинного списка кафедры социологии на аванс или зарплату. Не пересчитывая купюры, предлагает коробку «Ассорти». Дива кисло улыбается, обдав ледяным равнодушием зрачков, и тут же опускает глаза, заразившись его виноватостью, неуверенно отказывается:

— Благодарю, но это совершенно не нужно, — укладывает коробку на стопку таких же и других коробок с конфетами. И машинально поднимает глаза на следующего социолога:

— Ваше имя-фамилия?…

Сегодня день зарплаты.

И хочется что-то ещё сказать. Но как? И что? За спиной терзается нетерпением очередь.

Весь его профессиональный авторитет — ноль. Вся его гордость — бред. Две диссертации по необходимой для страны теме не работают здесь, в зоне ПЕРЕМЕН. То, что он может влиять на социум — остаётся реальностью в любой сфере, только не в этой. В этой он — никто!

Светослав идёт по длинному коридору с многочисленными дверьми, где отработал большую часть жизни. Он думает, что славы не бывает слишком много. Не бывает много денег. Власти. И знаний.

Если рассматривать структуру общества по стратификации, то ясно будет видна социальная дифференциация и неравенство на основе таких критериев, как социальный престиж, самоидентификация, профессия, доход, образование, участие во властных отношениях и т. д. Люди неравны от рождения. А иногда становятся неравными благодаря своим личным качествам, либо удаче.

Неравенство — специфическая форма социальной дифференциации, при которой отдельные индивиды, слои, классы находятся на разных ступенях вертикальной социальной иерархии, обладают неравными жизненными шансами и возможностями. Неравенство расстояний между статусами — основное свойство стратификации. У неё четыре измерительных линейки, или оси координат. Все они расположены вертикально и рядом друг с другом: **доход, власть, образование, престиж.**

Людям мало денег. Мало знаний. Мало славы. Мало власти.

А ещё никогда не бывает слишком много любви. Её дается ровно столько, сколько отмеряет Бог. Или сколько выдержит сердце. И вот возникает вопрос: любим ли мы богатых? Нет. Любим ли тех, кто наделён властью над нами? Тоже нет. Любим ли «шибко образованных»? Да, как бы, и не особо. Любим ли «звёзд», постоянно даваемых нам в пример центральными ТВ, таких, как Зверев или Киркоров? Боже, упаси!

Но вот появляется человек, можно сказать, на последнем этапе жизни. Пред которым меркнет всё это. Любовь вне вертикалей. Вне горизонталей. Вне политики. И, похоже, вне времени.

Как стать неравным в любви, а самым вышестоящим в инстанции на сердце? Конкретно выбранное сердце. Единственное сердце. Как? Боже мой, как?

Слава не хотел думать о прошлом и о том, какие женщины были у него до. Была жена и двое детей. И вот — пять лет почти одиночества. Почти аскетизма. До примитивизма! До паразитизма над самим собой. Только работа. Работа. Работа. Кандидатская. Потом докторская. Разве можно влюбиться в пятьдесят? Да так, что свет меркнет? И тошно от него, от белого света делается?

На улице — ненужный снег. Не первый. Его никто не ждал. А он припёрся. Прогноз обещал кратковременные дожди. Да и

вообще, трещало и телевидение, и радио о глобальном потеплении. Интернет кишел статьями о потопе и о планете, вызывающей потоп, и ещё какой-то глупостью. Хотя кто ждёт в Москве дожди в декабре? Но всё равно, никто, по большому счёту, так к снегу не приготовился. Ни дворники. Ни уборочные службы. Ни администрация. Ни автолюбители, «юзящие» на летней резине.

А он? Взрослый, умный и большой мужчина? Заслуженный и признанный. Он забыл о том, что любовь вообще возможна. И не готовился. И не ждал. Что делать с нею теперь, как с нежданным почерневшим от соли снегом? Хотя и увядания души он не ждал тоже. Кто в пятьдесят ждёт увядания?

Остановился в коридоре, и посмотрел в окно.

Защипало в глазах от слёз. Слёз? Он разве умеет плакать? Смахнуть скорее, чтобы не видел никто эту непростительную глупость! Вот ещё!

Душа, не подготовленная для нового чувства, а может, наоборот, давно тревожно ждущая его, как поле под паром ждёт тучных зёрен, пылала и рвалась. Славе захотелось поделиться с кем-нибудь этой тревожностью. А с кем? С матерью? Боже, упаси! С дочерью? Ну, вот уж совсем невозможно. Друзья? А ведь нет у него никаких таких друзей, кому бы душу открыть можно было. Только знакомые, сослуживцы и так называемые «контакты», нужные по работе, забиты в мобильник строчками сомнительной нужности.

Тут он понял истину. Делиться душевными переживаниями можно только с теми людьми, которых глубоко и сердечно любишь. И сделал ещё одно открытие: а ведь он не любит никого, кроме той, что осталась за дверьми бухгалтерии. Никого! Где-то далеко — дети. Ещё дальше — бывшая жена. Ещё дальше жены — мать. Об отце говорить глупо: он его не помнил. Не то, чтобы любил — не любил.

Тут он подумал о вчерашнем разговоре со странным незнакомцем Юрием Всеволодовичем. Наверное, Слава, раздражённый прямолинейными намеками на отношения с матерью, да и вообще, со всей жизнью, его обидел вчера.

Впрочем, эта мысль также быстро ушла, как и появилась.

Дома, в интернете Слава набрал сайт собственного отдела, с него перебрался на бухгалтерию. Вот она, Дорожкина Вера Анатольевна. Скопировал электронный адрес и имя. Нашёл её домик в «контактах». Разведена. Детей нет. Три фотографии оказались неудачными. То есть совершенно плохими, не передающими шарма избранной им особы.

Снег за окном падал тихий-тихий. Белый-белый. Раскрываясь каждой радужной снежинкой на подоконнике одинокого мужчины. Снег совершенно не обращал внимания на то, что никому не нужен, и похоже было, что он нежно-умиротворённо был доволен собой.

Глава 3. Матрицы

Очередная научно-практическая конференция весьма заинтересовала Светослава Петровича одной необычной темой: «Методики коррекции категориально-мыслительной базы и биоэнергетического потенциала». Докладывал неизвестный ему профессор Ю.В. Лебедев.

В лекционный зал Большаков пришёл, как всегда, немного раньше, занял наиболее удобное место. С интересом разглядывал цветные графики и другие материалы по предыдущим докладам.

Постепенно аудитория заполнилась коллегами.

Лектор предстал перед аудиторией в точно назначенное время. Присутствующие видели его впервые, но Светослав узнал его сразу по оригинальному серому костюму и уникальным разлётным бровям.

— Матрицы — одна из форм психографического моделирования, — с места в карьер понёсся Юрий Всеволодович, — они являются интегральными проекциями фрактально-растрового и тоннельно-скважного характера чувственно-понятийных визуальных архетипов. В матрицах, представленных на слайдах, сворачиваются и многократно отражаются в полярных координатах базовые образы с добавлением информационных определяющих знаков, обрабатываемых в компьютерных спе-

циальных программах. Уже разработаны гармонизирующие графические матрицы, по типу круговых диаграмм, которые позволяют производить сонастройку согласно личным особенностям радужной оболочки и психотипа человека. Собственно, если есть вопросы, можно их задавать сразу.

— Можно ли вообще изменить мир, Юрий Всеволодович? Добрый день, — выдал своё присутствие Слава, — Я о наболевшем. О вечном. О любви и дружбе.

— Элементарно, друг мой. Элементарно. Матрицы — это сэмплы процессов и намерений сущности нового уровня. Верхняя часть лба — в ряд четыре точки — это входы в осознание тоннельного восприятия… Матрицы соответствуют движению по этим каналам пространства-времени, являются его проекциями. Когда эти области разряжены, то мозг свободен и может видеть любую точку в истории и переделывать её. Это как воспитание и обучение очень быстрое.

— Любви разве можно обучить? Разве она вообще поддаётся какой-либо логике? Анализу?

— Любовь можно моделировать. Но её можно и вспомнить. Восприятие её можно вернуть через время.

— Бред какой-то, — не сдержался сосед Большакова.

— Ну почему же бред?! — отреагировал на реплику Юрий Всеволодович. — Психографические матрицы могут быть архаическими, архетипическими или эзотерическими, то есть, навеянными древними знаниями и образами. Это усилители, активаторы «универсального спина» психической деятельности мозга, движения и накопления психической энергии, это оптимизаторы и концентраторы визуально закреплённой информации.

— Психология настолько разнообразна, что трудно говорить об обобщениях, — пытался углубиться в тему Слава.

— Психографические матрицы носят индивидуальный характер, они могут быть созданы для каждого индивидуума. Они помогают субъекту нормализовать отношения с урбанизированной средой и решать биоэнергетические, психологические и социальные проблемы. Одновременно с этим матрицы корректируют функциональные, вегетативные расстройства,

эмоциональную и психическую деятельность субъекта в целом, за счет расширения возможностей саморегуляции и возбуждения дополнительных информационно-энергетических «оболочек и каналов». Психографика может поддержать Вас в индивидуальной Эволюции Вашего сознания на пути прогресса личности, конкретно Вашей, например, — поклонился Славе ЮрВедыч, всем видом демонстрируя, что дальше развивать дискуссию на эту тему он не намерен.

Остальную часть доклада Слава слушал и не слушал одновременно. Так бывало часто. Мозг блокировал информационный поток. И всё тут. Кроме того, росло возмущение и даже обида на ЮрВедыча. И опять отторжение, как в первый раз. Слава ведь спросил просто о любви. А что ответил этот научно-популярный Ведыч Всеведыч? Любовь — это что, по его мнению, индивидуальная Эволюция Вашего сознания на пути прогресса личности, что ли? Как можно её усилить или уменьшить активатором «универсального спина» психической деятельности мозга, движением и накоплением психической энергии или оптимизатором и концентратором визуально закреплённой информации? Вот так, взять и прилепить к его любезной Верочке Анатольевне Дорожкиной интегральные проекции фрактально-растрового и тоннельно-скважного характера чувственно-понятийных визуальных архетипов? И при этом называть её координатой базового образа с добавлением информационных определяющих знаков?

Нет. Большаков, допустим, согласен, что его любовь можно изобразить, как индивидуальные гармонизирующие графические матрицы, по типу круговых диаграмм, которые позволяют производить сонастройку согласно личным особенностям радужной оболочки и психотипа человека, её психотипа, психотипа Верочки. Но будет ли это работать?

— Кстати, спасибо, что подвёз вчера, — подошёл уже во время кофе-брейка ЮрВедыч к дегустирующему бокал вишнёвого сока Славе.

— Вчера? — удивился Слава.

— Ну, где-то так, — по-свойски ответил профессор.

— Знаешь, ЮрВедыч, у меня проблема, — без долгих предисловий признался Слава, усвоив содержимое бокала.

— Знаю, ты слишком много о себе воображаешь, — брови странного профессора снова улыбались. И это вызвало симпатию.

— Видишь ли, мне пятьдесят. Да?

— Ясно. А ей?

— Как догадался?

— О, да тут дело хуже, чем я думал, — приобрёл важную осанку ЮрВедыч. — От меня-то что нужно? Тут матрицы не помогут. Если ты о матрицах.

— А что поможет?

— Так серьёзно?

— Серьёзно…

— Уважаемые коллеги! Позвольте запросить помощь зала? — неожиданно громко обратился к присутствующим Юрий Всеволодович. — Если ты находишься на пороге духовного и физического увядания, что может помочь влюбить в себя юную особу?

По фуршетному залу пролетело оживление. Люди подняли головы, заулыбались, решив, что это шутка, некоторые включились в игру:

— Купание в кипящем молоке!

Слава вспыхнул, резко развернулся и направился к выходу, махнув рукой на всё это безобразие.

ЮрВедыч догнал его только у машины:

— Подвезёшь, шеф?- и по привычке без всякого разрешения плюхнулся возле Славы в овечий ворс сидения.

— Подвезу… как же… — проворчал Светослав, — ты здесь зачем? Издеваться снова решил?

— Да знаю я средство. Знаю, — огорошил его ЮрВедыч. — Чтобы привлечь интерес противоположного пола, не обращающего на тебя внимания, как на, ну, короче, как на самца, нужно… А что это у тебя машина не заводится?

— Она с характером. Не заводится, если вредный человек садится.

— Так я полезный.

— Не факт.

Мотор, противореча хозяину, тут же завёлся и заурчал ровно и спокойно.

— Хорошо, поехали. Так что надо сделать? — спросил Слава более миролюбиво, но всё равно с раздражением.

— Приблизиться и… шёпотом…

— И? — теряя терпение, передразнил Слава.

— Назвать имя Бога.

— А, если я атеист?

— Это тоже религия…

На этот раз движение не было затруднено, и при подъезде к трём башенкам ЮрВедыч нравоучительно поднял брови:

— Видишь ли, коллега, наши знания не всеобъемлющи и даже отрывочны в некоторых областях. Ты слышал о том, что Бог есть любовь?

Слава молчал. Машина остановилась. Но ЮрВедыч не собирался выходить.

— Ну, хорошо. О зеркалах знаешь? Об умножении зеркалом накала света? Страсть тоже можно усилить.

Водитель не выдержал. Вышел сам и отворил дверь профессору, показывая всем видом, что разговор окончен.

Хлопнув дверцей непозволительно громко, машина дёрнулась и странновато прыгнула с места, резко набирая ход.

— Назови имя Бога! — крикнул ей вслед высаженный пассажир. — Просто назови!

На сидении Слава нашёл визитку, но был так рассержен, что выбросил её в окно.

Глава 4. Геленджикский синдром

Выборов не предвиделось. Байка, что пункты сбора макулатуры, как и социальные исследования, наиболее востребованы в период выборных кампаний, реализовывалась на все сто. Да ещё из-за проблем с заказчиком планируемые курсы повышения квалификации перенесли на весну. Всем незадействованным специалистам вдруг дали отпуск. Светослава Петровича просто поставили перед фактом. Билет до Новороссийска взял сразу. Без очереди. Номер в отеле на берегу Геленджикской бухты — без проблем. Кому нужен Геленджик зимой?

Пассажиров болтало в плацкартном вагоне, точно в телеге. Поездная бригада попалась весёлая, а руководство, судя по репертуару песен, донимающих пассажиров из репродуктора, скорее всего, одного возраста со Славой. Пластинки они там виниловые ставят, что ли?

«Вот билет на балет.

На трамвай билета нет»…

Что означало сейчас для пассажира: нет билета на любовь и на счастье.

Попутчики Славе были индифферентны. Каждого из них видно насквозь. Эх, угораздило же выбрать профессию социолога! Те не успевали подумать, как специалист уже знал, что они будут делать.

Сейчас мужчина на нижней полке вытрет лысину, закроет страничку с разгаданным кроссвордом и выйдет курить в тамбур; девушка попросит ещё одно одеяло, потому что поезд повернулся левым боком к подветренной стороне, а полнеющая мадам достанет из сумки дико пахнущую курицу, выйдет на остановке и докупит отварной картошки или мороженного.

Всё так и случалось. От этого ныло где-то в правой нижней области шеи. Вот тоска!

Предсказуемость рождала упадок интереса ко всему происходящему.

Неужели когда-то радовал отпуск?

И на кой ляд теперь он ему сдался?

А что прикажете делать, если не ехать в Геленджик? Пойти в бухгалтерию? Потерпеть фиаско (которое очевидно, бессмысленно даже пытаться что-то изменить).

Вот и бегай теперь по углям тоски душевной под монотонные постукивания колёс до самого побережья.

Даже горный и морской пейзаж из окна комфортабельного автобуса не взбодрил путешественника.

Чуть-чуть развеял скучные мысли морской бриз набережной. Вздыбленный зимними ветрами песок походил на шерсть выцветшего за лето медведя. С бывших бойких точек продаж кукольно-бессмысленно глядели в его сторону

женские манекены с помятой грудью. На мужском уцелели непроданные плавки.

Светослав купил их, переоделся. На одной вредности вошёл в ледяное море. Проплыл до буйка и обратно.

Взбодрило. А дальше что делать?

Зимний Геленджик совершенно не походил на летний, сезонный. Как не походили его двадцать на его пятьдесят. Приезжих — единицы. Опустели улицы. Услужливость местных жителей приобрела другой вектор. На лицах горожан тоска. Такая смертная тоска, как будто Слава взял и размножился на тысячи этих людей, одев их тела или поселившись в манекенах с помятой грудью. А тоска в пустых пластмассовых глазах осталась.

Выбрав более-менее удачный вид, Большаков устроился на лавочке рядом с читающим газету мужчиной в сером наблюдать морской закат.

— Это называется Геленджикский синдром, — мужчина оказался профессором Лебедевым.

У Славы широко раскрылись глаза. Опять ЮрВедыч? Здесь??? Как он тут оказался?

— Какой ещё синдром?

— Ну, это так считается. Популярно выражаясь, когда отпускников много, жители, их обслуживая, деньги зашибают. Как только сезон проходит — все впадают в глубочайшие депры.

— А я здесь причём?

— У тебя депры ещё круче. В отпуск прилетел? — спросил тем временем Лебедев.

— Приехал.

— Как в том анекдоте: Водку тёплую любишь? Нет. А баб потных? Тоже нет. Отлично. Пойдёшь в отпуск в феврале. Ха-ха-ха, — засмеялся ЮрВедыч.

— Не смешно, — отвернулся Слава в сторону моря.

— Почему?

— Уж лет тридцать, как не смешно.

Глава 5. Меч Тамерлана

За профессором Лебедевым уже, наверное, с четверть века следило не только КГБ, Моссад и ЦРУ. Контактёр попал и под наблюдение иных цивилизаций.

Сидя в кабинете с людьми без эмоций на лицах, в строгих костюмах и безупречных однотонных галстуках, точно всех их с костюмами и, особенно, галстуками вытачивали тупыми элементарными инструментами камнерезы Гвинеи-Бисау, Лебедеву становилось не по себе от прямолинейности вопросов:

— То есть, Вы не можете попасть на несколько сотен лет назад? — допрашивал старший из них, поэтому самый заинтересованный. Впрочем, он не представился. А может, и представился, но ЮрВедыч не запомнил, как его называть.

— Глупости какие Вы несёте, — не выдержал контактёр. — Конечно же, я могу попасть и на десять тысяч лет назад. И на двадцать. И на миллион, если хотите. Но зачем? Цель?

— Меч Тамерлана. Для убежде ния того, что мы имеем дело со специалистом. А дальше посмотрим.

— Да видел я ваш меч. И прекрасно знаю, где он находится. Вам-то он для чего? Не надо его трогать. Время не пришло.

— Вы предоставьте меч, а мы уж сами разберёмся.

— Странные вы… люди. Ничего не смыслящие в процессах вечности и жизни! В Японии говорят так: «Если меч достали из ножен, он должен попробовать крови»! И правильно говорят, между прочим!

— В смысле?

— Ничего из прошлого нельзя брать! Ничего, кроме мыслей! Видений. Слов! Понятно или не понятно?

«Ну, почти ничего», — уже про себя добавил он.

— Дядя, ты нам зубы не заговаривай, — неожиданно на жаргонном вмешался второй, который тоже не представился. Шагнул угрожающе к профессору.

Но его взглядом остановили координаторы, которые держали энергетический барьер по бокам от ЮрВедыча, грамотно взяв в полукольцо зоны воздействия.

— Фу-ф! Как же тяжело вести переговоры с людьми некомпетентными в биоэнергетике вселенской матрицы!

— А Вы объясните популярно. Мы поймём.

— Поймёте?

— У, — терпеливо кивнув, уставились люди в костюмах.

— Чтобы попасть в прошлое, нужно сделать мост туда. И обратно в настоящее.

— Зачем?

— Без связи с будущим нет настоящего, нет контроля за объективным течением жизни на планете. Нет управления текущим бытием человечества.

— По-моему, он перемудрил… — снова демонстративно сделал шаг вперёд второй.

— Пусть говорит! — прервал главный. — Продолжайте, профессор.

— При отсутствии обратной связи с ***самим собой*** в будущем, человеку из-за кармических ошибок часто становится больно.

— Больно — это что? — новое слово явно удивило главного, и тем выдало с потрохами. — Человечество молодо и самонадеянно, поэтому «не достраивается» до мирового порядка и не контролирует даже половины процессов своей жизнедеятельности.

— Вот именно, — подтвердил ЮрВедыч, уже сообразив, что перед ним наблюдатель. Не землянин. — Из-за чего оно не может достроиться до своего настоящего из субъективно «правильно выбранного прошлого » и, довольствуясь огрызками воспоминаний, мчится вперёд, не разбирая дороги...

— Хорошо. Дадим на это поправку. Нам нужна информация. Название операции — «Меч Тамерлана». Вы попадаете в прошлое. Центр управления за наблюдением хрономагнитного корректирующего импульса уполномочивает Вас изменить влияние искажений проецируемых событий последней четверти двадцатого века, а затем и небольшого дрейфа состояний в двух биосферах первой и второй Земли, что привело к резкому потеплению климата и броску психогенетической мутации. Вы готовы заглянуть в Бездну из нашей лаборатории?

— Мне нужен помощник, — устав сопротивляться ответил ЮрВедыч.

— В следующий раз.

Ничего такого сверхъестественного не представляла комната путешествий в Бездну. Стол. Стул. Кушетка. Стена, кажущаяся плотной, — на самом деле большой экран наблюдения за контактёром.

— Не годится, — попытался выйти из-под контроля Лебедев, — на воле получается качественней.

— Расслабься, — последнее, что он услышал, попав на кушетку, — после сеанса сотрите ему память.

Но всё пошло не так, как планировали люди в строгих костюмах, а как захотел он. Лебедев увидел координаты места попадания импульса. Наблюдение по фронту разбега: *Запад — США — Хьюстон — Центр — Азия — Ирак — Кувейт — Восток — побережье Австралии* ... Провал на сто лет. Ещё на сто… Комната, где вооружённые воины ритуально укладывают легендарный Меч Тамерлана…. Тысяча лет в прошлое. Египет… Затем более глубокое падение. ЮрВедыч — обезьянка, любимая обезьянка Будды…

Вокзал. Аэровокзал Шереметьево. И, похоже, он вернулся полностью в место последнего контакта. Да ещё и материализовался в своём теле. Это удача. Да какая удача? Профессионализм!

Теперь нужно скрыться. Улететь от людей в идеально скроенных костюмах. Они на Земле будут ещё пару-тройку дней. Определённо! Дальше — либо самоликвидируются, либо телепортируются обратно, откуда явились. Надо где-то переждать. А где?

Срочно взять билеты подальше! В Сибирь! На Урал! Да. На Урал! Лебедев хладнокровно набирает первый попавшийся город в справочном автомате.

На аэровокзале начинается паника. Табло вылетов сбесилось. Профессор оглянулся в поисках входа в метро. Со всех сторон замигали синие таблички: «ВХОДА НЕТ!» и «ВЫХОДА НЕТ!»

Голос репродуктора неожиданно поменялся с бесстрастного женского на злобный баритон:

— Рейс в Екатеринбург отменён.

И далее угрожающе зарычал:

— НАВСЕГДА!!!

Лебедев чуть не подпрыгнул. Он, понимая, кому адресован этот выпад, понёсся к стойке регистрации вылетающих, про-

скочил чудом мимо стюардесс, выскочил на аэродром, буквально нырнул в первый попавшийся небольшой самолёт, вырулившийся на взлетную полосу.

Сам не понял, как быстро удалось телепортироваться.

Лайнер стал набирать высоту.

— Как вы сюда попали? — недоумевая, воскликнул стюард, обнаружив «зайца» на борту.

— Чудом.

И Лебедев оказывается непосредственно в кабине управления.

— Прекратить полёт. Садимся! — принял решение первый пилот.

— Не сметь! — вдруг ощетинивается бровями ЮрВедыч.

Взмахом руки он даёт команду лайнеру резко подняться. Самолёт слушается. Затем рука профессора опускается. И самолёт опускается в недопустимо опасную зону.

— Что надо этому сумасшедшему? — кричит лётчик.

— Куда летим? — отвечает вопросом ЮрВедыч.

— К Чёрному морю. Геленджик.

— Продолжайте полёт, не сбиваясь с курса!

... Контактёр в полном бессилье падает в кресло пассажира.

Глава 6. Разговор со стихией

И вот они вдвоём на скамье, наблюдающие море в изнывающем от хандры Геленджике, понимающие, что «гармоничные» люди, навязчиво предлагающие им охлаждённые турецкие персики, своей безнадёгой делают мир ещё большим кошмаром.

— Дарёшьку! Дарёшьку! — кричит кавказец, собравший пустые ящики в тележку немыслимо огромной пагодой и пытающийся пролезть с нею в игольное ушко тротуара.

Светослав Петрович и Юрий Всеволодович долго молчат, прислушиваясь к воплям остервенелых голодных чаек и монотонному накатыванию волн.

— Почему ты ничего не спрашиваешь? — ЮрВедыч не выдерживает первым.

— Можно подумать, ты всё знаешь, — хмыкнул Слава.

— Всё-не всё, а кое-что знаю по-любому.

— Имя Бога, например?

— Это сложно.

— Вот и я говорю.

Солнце зависает над горизонтом полновластной любовью. Свет его фиксируется в глазах, в мозгу и в сердце, дочиста выжигая внутренний негатив. Остро пахнущее сладостной свежей селёдкой море, шевелящееся и живое, постепенно меняет насыщенность света и воздуха. Зовёт к себе, обещая единение с миром Вселенной, каждой волною утверждая и подтверждая непревзойдённое совершенство истины. «Море — тайна, — думает Слава, — и любовь — тайна. И каждый человек, рождающий мысли…»

— И тебя не удивляет, как я здесь оказался? — продолжает искать общения профессор.

— Ничуть. Ты же не министр какой, чтобы в отпуск ездить летом.

— Это правда. А, если я не в отпуске?

— Ну, не из-за меня же.

— Не из-за тебя. Из-за текущих в настоящем магнитно-динамических кратковременных переходных процессов. Но я тебя нашёл по излучениям энергетики. Это не трудно.

— Тебе что, охота общаться на недоступном для социума языке? Давай в другой раз, коллега. Я лучше поговорю со стихией. — Слава встал и пошёл прочь, демонстративно сняв туфли и носки и шлёпая по холодному вечернему песку в набегающих ледяных волнах.

Лебедев, немного замешкавшись, проделал то же самое. Приподнял воротник, чтобы не залетали морские брызги. И практически сразу догнал Светослава на берегу, смешно распушив свою фигуру заправленными в карманы туфлями, носками и закатанными штанинами.

— В том павильоне продаётся неплохое вино. Угощаю, — миролюбиво предложил он, вытащив из пиджака внушительную баночку икры. — Я думаю так: икра может быть и чёрной. Лишь бы хлеб был белый…

— Вот зануда, — улыбнулся Слава, — ну давай. Где там твоё вино?

К трём часам пополуночи, изрядно «нагрузившись», они уже достаточно дружелюбно спорили об информационном иньецировании, межгалактических системах контроля и коррекции биомагнитных полей.

— Хватит. У меня сейчас съедет крыша, — не выдержал Большаков после рассказа профессора об иновременном аппарате, который находится на этаже между двумя заместителями президента в Белом доме и передаёт информацию в будущее.

— Почему? — удивился профессор. — Ты мне не веришь?

— Верю. Но ты столько необычного рассказал. Телепортация. Инопланетяне. Тарелки. Кошмар какой-то. Прямо внутри холодеет и возникает желание пригнуться, — Славу тянуло рассказать о своих переживаниях, но, помня предыдущее фиаско, он банально опасался начать.

— Без эмоций, коллега.

— Почему?

— Эмоции — враг информации.

— Отлично. Значит, любовь — это враг информации! Весьма оригинальная мысль. И, кстати, если уж на то пошло, что тебе от меня нужно? Я думал, всё, что интересует профессора Лебедева, — это пару-тройку ночей перекантоваться в скромном номере социолога на берегу моря, дабы «люди в костюмах» не заставили его снова путешествовать во времени с непонятной для него целью.

— Это так. Но есть ещё одна маленькая деталь, — разливая последнее вино по рюмкам, сообщил профессор.

— Какая?

— Ты должен назвать имя Бога и завоевать тем самым сердце своей красавицы.

— Ну, назови!

— Что назвать?

— Имя назови!

— Вот, ты опять за своё! Не я должен назвать это имя. А ты!

— ЮрВедыч, я пьян, но не до такой степени. Как же я назову имя Бога, если я его не знаю?

— Так что может быть проще? Узнай!

— Нет, ты вообще совсем ку-ку? Иногда просто невозможно с тобой разговаривать. Табурет об тебя разбить, что ли?

— Табурет не надо. За любовь?

— За любовь!

Последние бокалы ушли без закуски, потому как выставленная на стол чёрная икра и всё, что к ней впоследствии было приложено и бережно поделено пополам, в конце концов, закончилось.

— Говори популярно. И без закидонов. Как тебя понимать? — зажал виски ладонями Слава, чтобы лучше воспринимать «бред» профессора, который, собственно, не заставил долго ждать.

— Ты что-нибудь слышал о том, что есть легенда об Имени Бога? Кто его назовёт, тот будет править миром.

— Масонская философия. Тамплиеры. Розенкрейцеры. Мальтийский орден. Конечно, слышал. У Графа Остермана Толстого в «Войне и мире» вся вторая часть об этом: «Адонаи есть имя сотворившего мир. Элоим есть имя правящего всем. Третье имя, имя неизрекаемое, имеющее значение ВСЕГО»… не называется конкретно в романе. Но оно и есть главное.

— Так вот, это неверно. То есть, не совсем верно. Видишь ли, Слава, Бог ведь у каждого свой, как свой генетический код. У тебя — одно море. У меня — другое. У тебя — один мир. У меня — другой. У тебя — одна мать, у меня — другая. Ясно?

— Пока да.

— Отлично. Поехали дальше. Как ты считаешь, что самое главное на земле в данной ситуации?

— Жизнь.

— Глупости.

— Любовь.

— Бред.

— Что тогда?

— Слово! В данном случае — имя.

— Имя Бога?

— Вот, уже движешься в нужном русле. Если с этим понятно, поехали дальше. Возьмём известные конфессии. Ну, называй! У христиан какой Бог?

— Иисус Христос! Да, что ты меня, как маленького?

— Не сердись. Я хочу, чтобы ты понял. У буддистов — Будда? Правильно. У кришнаитов — Кришна. И так далее. У бизнесменов — Мамона с долларами вместо глаз. У атеистов?

— … коммунизм?

— Вроде того. А лозунги помнишь?

Славка засмеялся.

— Ну, ты чего, пьяный, что ли, совсем?

— Да нет, анекдот вспомнил. Приезжает охотник с крайнего Севера домой и рассказывает своим: Оказывается, Карл, Маркс, Фридрих и Энгельс — это не четыре человека, а два. А Слава КПСС — вообще не человек!

— Во-о-от! Наконец-то, пробило! Фетиш — имя Бога. Фетиш! Для молодёжи — Майкл Джексон и Элвис Пресли. Для стариков — Боже, царя храни.

— А для меня?

— Ну, мать ты не любишь…

— С чего ты взял?

— Да ты ей не звонил уже года три… Но что-то где-то рядом вертится. Может быть, бабка?.. Нет. Не то. Отца ты не… Так. Закрой глаза и сосредоточься на самом светлом слове, которое слышал в жизни. Просто сосредоточься. Я не прошу вспомнить. Представь. От чего радость по сердцу разливалась?

— От чёрной икры, — пошутил Слава, — где ты её раздобыл-то?

— Да случайно на склад залетел. Прихватил несколько баночек. Не помирать же с голоду. Всё. Я серьёзно. Глаза закрой. Сейчас в ладони хлопну, и ты поедешь! Давай!

Слава закрыл глаза. Темнота. Только шум моря. Крик чаек. Потом вдруг провал. Яркий солнечный свет. Зелёные холмы деревни. Мама!

Он вздрогнул от хлопка, отгоняя видение.

— Что видел?

— Детство.

— Год какой, не помнишь?

— Нет.

— Замри. Сейчас попробую вернуть. — Контактёр сел головою вперёд, точно пробивая ею стену прошлого. — Бабка! Бабка

твоя умерла в тот день, когда ты имя это слышал в последний раз! С её последним вздохом. Точно. Ну, что ж. Мы можем туда отправиться.

— Что, прямо сейчас?

— Ну да. Точную дату назови.

— Думаешь, я помню? Лето было.

— Место погребения?

— Наверное, в деревне…

— Наверное, — передразнил профессор, — в деревне… Как же тяжело работать с профанами!

Глава 7. Святцы

Покосившейся церквушкой заведовал поп-пьяница. О том, что он пьяница, знали все местные: сердитый дед Алексей, бывший мент в выцветшей одежде, три-четыре уцелевшие бабульки, с какой-то необъяснимой для цивилизации верностью заботящиеся о своих огородиках, и пара-тройка их родственников, время от времени навещавших старое село.

Были ещё новые коттеджи москвичей. Но те вели себя, как в Москве, в церковь по праздникам не ходили. Прятались за заборами. Да, к тому же, не гнушались выбрасывать из иномарок пластиковые пакеты, бутылки и другую мерзость на обочины, а иногда и прямо на дорогу. Они были совершенно уверены в том, что сюда, в лес, за ними должны приехать из столицы «специально обученные люди» за 150 километров от МКАД и собрать за ними всё, что набросано. В Москве это именно так и было: «Мы же платим налоги!».

Поп пил, потому что не с кем было пообщаться в этой глуши. Что могли, к примеру, понимать даже в таких элементарных понятиях, как космизм Вернадского, дед Алексей или несколько сохранившихся местных жительниц, ничего не изучавших, кроме обязательной школьной программы с полвека назад? О чём можно было разговаривать с дачниками, чётко разделёнными на две касты — мужчины и женщины. Мужчины неотрывно следили за последними сводками спортивных событий, а жен-

щины — за чередой приключений нескончаемых сериалов. Эта квинтэссенция «разжёванных и удобоваримых» мыслей подавалась регулярно по всем каналам теле- и радиовещания, точно обязательное ежедневное пойло для скота, всю жизнь тупо продвигающегося к погосту, чтобы массы даже и думать забыли о том, что есть возможность протянуть руку к Его Величеству Божественной книге…

Сельское кладбище ничем таким особенным не отличалось от остальных. Могилки, за которыми ухаживали благодарные потомки, процветали, остальные поросли двухметровой полынью. А теперь всё это заросшее было ещё и завалено по пояс снегом.

Никому из местных не приходило в голову бродить по кладбищу. Особенно ночью. И особенно зимой. На Пасху — другое дело. А теперь…

Припорошенные ели. Поваленный неухоженный лес. Снежная крупа пурги, летящая чуть ли не горизонтально, похлёстывала наотмашь по белым берёзам и белым крышам, где спрятались люди от зимней стужи, по пучкам чёрной травы, торчащей из-под белого снега. Бурьян и крапива держались стойко, привычные к такому обращению. А вот ЮрВедыч и Слава, достаточно легко одетые, оказались как бы весьма некстати под деревянным потрескавшимся распятием и чувствовали себя неуютно.

Снег забирался в туфли и леденил, как леденили недавно морские волны. Бело-синие сугробы в свете луны и тусклой, болтающейся лампочки у входа в церковь пытались окутать и охватить мертвящим саваном каждый бугорок или оградку, каждый крестик или камешек. Завывал ветер. Пиджаки моментально засыпало снежной пылью. Где-то вопил кошак, будто март был уже на носу.

— Чу-чу-вить! Чу-чу-вить! — пересекла дорогу зимняя птичка.

— Чтрик! Чтрик! — подхватилась другая.

— Ну, веди! Как её звали-то, помнишь? — дёрнулся ЮрВедыч.

— Екатерина Лаврентьевна Конюхова. От ворот — третья слева.

Но в нужном месте надгробия не оказалось.

— Зря я тебя вином поил, — устав от бесплодных разгребаний снега на могилах, произнёс ЮрВедыч.

— Думаешь, я пьян? Крест у неё сосновый. Точно помню.

— Кресты деревянные больше десяти лет не живут. Если не дубовые.

— А ты что ждал? Дворянский склеп? Надписи на камне вырезанные? Ангелов мраморных? Проще надо быть, — вспылил Светослав Петрович.

— Не хочу я быть проще. Надо думать, что делать.

— Там книги бывают такие, — кивнул Большаков на церковь, — Святцы, кажется. В них всё записано.

Белыми полосками снег на проводах как бы указывал нужную дорогу. В окнах церкви, украшенных ставнями с резными русалками, горел слабый свет.

Они стали, активно работая локтями, стучать в массивные двери, чтобы заодно согреться. Но двери оказались не заперты.

Большаков давно уж не был тут, а всё узнал сразу. Ведь за десятки лет ничего не изменилось. Дубовый паркетный пол, продавленный посетителями. Арки дверей вправо и влево, за которыми видны полки с книгами до самого свода. Свечи горят. Много свечей. Зачем горят? Кого греют?

— Ух, ты! Вот это богатство! — вытер усы от растаявших снежинок ЮрВедыч. — Раньше книги переписывали. Знаешь? Это было самое дорогое, что передавали по наследству. И, если рукописи попадали в церковь, дарящий мог просить о поминовении вечном своей души.

Позолоченная ризница блеснула в свете лампадки.

— Кто здесь? — к ним вышел небольшого роста лысый конопатый священник в однотонной чёрной рясе с небольшим крестом на ней. Слава узнал его. Тот же поп. Та же ряса. Тот же крест. И даже имя вспомнил — отец Онуфрий.

— Доброго здоровья, батюшка! — достал из-за пазухи бутылку краснодарского вина, как ни в чем не бывало, профессор, а за ней извлёк ещё одну баночку чёрной икры. — Ищем вот книгу, куда всё у вас записывалось. Святцы. Надо бы нам найти, когда похоронена…

— Конюхова Екатерина Лаврентьевна, — помог Слава.

Священнослужитель со скромным поклоном принял дары, пригласил жестом к алтарю, произнёс, засасывая воздух по привычке, точно челюсть на месте:

— Сычас мы её посмотрим. Вы иссдалека?

— Местные, это бабка моя. — Ответил Слава.

— А-а-а-а. То-то, я и гляжу, иссдалека. Мосзет, сяйку с дороги? — поднял святой отец вместо вопроса бутылку. — Маланья лепёссек давеца напекла. Таки с мёдом мосзно.

— Спасибо, батюшка Онуфрий, — ответил Большаков, неловко и неумеючи поклонившись.

Лебедев тут же дёрнул его за рукав, шепнув на ухо:

— Мы не можем долго! Ты что, сбрендил?

— Надо уважить. Скучно ему тут, понимаешь? Иначе — пиши, зря летали, — также тихо шепнул Большаков.

Они прошли за летящей рясой беззубого священника мимо сотен разных икон, простых и штилистовых, которые темнели с большого и двух предельных иконостасов, а также с полок и со всех стен церкви. Коридоры украшали тонкие деревянные колонны, вырезанные мастерами в виде временных спиралей. Как-то по-домашнему глядели лики, встречая пришельцев.

— Хорошо, — миролюбивее согласился Лебедев. — Купол крепкий. Выполнен правильным архитектором. Его наблюдатели не пробьют!

— В смысле?

— В том смысле, что мы для них в лоне храма как бы невидимы…

Священник завёл их в отдельную комнату, более похожую на библиотеку, где уже горел свет. И, потрескивающий от удовольствия ощущать свою нужность, пищал в печи огонь. Иконы здесь были более ценные, облачённые серебряными ризами и украшенные скатным жемчугом. От жара проснулись мухи, и, ещё не осознавая, что не лето, сонно поползли по стеклу.

На деревянный столик отец Онуфрий быстро выставил с подоконника миски с мёдом и лепёшками. Три гранёных стакана. Отвернувшись, ловким движением приладил вставную челюсть, тем самым «вооружившись до зубов» и приобретя способность нормально разговаривать. Разлил вино.

Страшно хотелось скорей продегустировать вино, но батюшка позволил себе отодвинуть эту приятную минуту, дабы прибрать баночку икры в ящик стола.

Сложив руки домиком, быстро прочёл «Отче наш» и пригласил гостей отведать угощение.

Когда глаза их заблестели от скромной церковной пищи, спросил:

— Конюхова, говорите?

— Давно умерла. Лет сорок назад, — поедая лепёшку, ответил Слава.

Священнослужитель достал с дубовой полки запылившуюся толстенную рукописную книгу, быстро нашёл дату смерти бабы Кати. До осени не дожила. Торжественно озвучил цифры для гостей.

— Эх, — вздохнул Слава, — лежит теперь без креста…

— Сама виновата. Устала жить. Отказалась от пищи. — Заметил ЮрВедыч, — «Карма — самый сложный закон Вселенной, ибо он пронзает, контролирует и уравновешивает. Поэтому человек — и собственный спаситель, и собственный палач. Уйти от ответственности невозможно».

— Блаватская? — поднял на него глаза от книги поп, неожиданно чисто выговорив слова, точно вместе с челюстью к нему вернулись и чёткие фразы, — Святая церковь это отрицает!

— «Поменьше невежественных отрицаний!» — утверждал Рерих, — парировал профессор.

— Рерих отлучён от церкви, — спокойно кивнул довольный собой Онуфрий.

— Правильно, — согласился Лебедев, цитируя дословно, — Он писал, что психическая энергия есть Всё. Она лежит в основании проявления мира. И Елена Блаватская утверждала, как раз, что «Человек есть Бог». Это совершенно не идёт вразрез с Евангелием: «Иисус сказал: Я и Отец — одно. Тут опять Иудеи схватили каменья, чтобы побить Его. Иисус отвечал им: много добрых дел показал Я вам от Отца моего; за которое из них хотите побить меня камнями? Иудеи сказали Ему в ответ: не за доброе дело хотим побить Тебя камнями, но за богохульство и за то, что ты, будучи человек, делаешь Себя Богом. Иисус отвечал им: не написано ли в законе вашем: «Я сказал: вы — боги?». Если Он назвал богами тех, к которым было слово Божие, и не может нарушаться Писание, тому ли, Которого Отец освятил и послал в

мир, вы говорите: «богохульствуешь», потому что Я сказал: «Я — Сын Божий, Я и Отец — одно»? **(Евангелие от Иоанна 10.30-37).**

— Греховны не Ваши слова, сын мой, а Ваши сомнения.

— Грех — проявление собственных внутренних законов, уважаемый Отец. По-вашему, не убий и не укради — это аксиома. А по-моему, не убий без надобности и не укради без надобности. Для меня грех — незнание законов энергетики. Для Славы — геленджикский синдром.

— Грехи, самые опасные, — отрицательно покачал пальцем поп, — я считаю, все-таки: Гнев, Гордыня, Злоба, Зависть, Чревоугодие, Прелюбодеяние. Уныние…

— Во-о-от! Правильно. Уныние, то есть слабость духа. Следовательно, грех — это антирезультат! А высший результат — «Высшее счастье — трансформация человека в Бога», сказал Джордано Бруно.

— За это и сожжён на костре, — парировал Онуфрий.

— Да, но, батенька, Вы упускаете тот факт, — присоединился к дискуссии Светослав Петрович, — что три столетия спустя, 9 июня 1889 года, в Риме был установлен памятник, на котором высечено: «IX июня MDCLXXXIX. Джордано Бруно. От столетия, которое он предвидел, на том месте, где был разожжён костер».

Собеседники внимательно поглядели на Славу. Но спорить не перестали.

— Я в курсе, — кивнул батюшка. — И знаю также, что великий Макс Гендель позволил себе неосторожность сделать следующее заявление: «Не будет натяжкой назвать человека Богом». И, всё-таки, «В начале было слово». Эти истины Библии ещё в начале века были подтверждены Генделем: «Гортань опять произнесёт «потерянное Слово», «созидательный Приказ», который под руководством Великих Учителей использовался в древней Лемурии при создании растений и животных. Человек будет тогда истинным творцом...». Об этом говорил в своём выступлении учёный, исследователь, профессор Геннадий Крохалёв на семинаре в Перми 12 августа 1996 года. Он также доказывал, что в начале психической энергии человека было слово.

— Да, но Вы опять же забываете взять в расчёт продолжение утверждения Геннадия Павловича: «Я предполагаю, что этим

«потерянным Словом», «созидательным Приказом» является слово «АУМ». А Библия — весьма посредственный перевод с греческого, где «в начале было слово», звучит, как «**логос**»! А «логос» на греческом имеет массу значений. В том числе: «слово», «мысль», «промысел», то есть сначала был некий «проект» — «ПРОМЫСЕЛ БОЖИЙ»!

— Кто ж против, — согласился неожиданно поп, — проект так проект. Да и «Аум» — та же мантра, молитва!

«Аум» для Славы прозвучало, как «мама», невольно он задумался, тем временем, не теряя нить разговора и одновременно разглядывая книги, обнаружив надпись на корешке одной из них «Гермес Трисмегист». Ничего себе, интересы провинциального батюшки! По детской привычке гадать на интересных книгах, он, с позволения хозяина, открыл том на середине и с удивлением произнёс вслух прочитанное:

— «БОГ — это бессмертный человек, а человек — это смертный БОГ».

— Триединство мира, Бог-Отец, Бог-сын и Бог-святой дух, никогда не имело в виду человека, кроме Бога-сына!

— Хихм! — довольно сложил брови свои длиннючие домиком Лебедев, — Гермесская философия утверждает духовную монистичность Мироздания, — он взял у Светослава книгу и показал присутствующим слова в ней: «ВСЁ должно быть ВСЕМ, что реально существует, иначе ВСЁ не было бы ВСЕМ» и «ВСЁ есть МЫСЛЬ». В переводе на простонародный язык это означает: ВСЁ СУЩЕЕ ВО ВСЕЛЕННОЙ, РАССМАТРИВАЕМОЕ КАК ЕДИНОЕ ЦЕЛОЕ, И ЕСТЬ НАСТОЯЩИЙ ЕДИНЫЙ БОГ, И НИЧЕГО ПОМИМО БОГА, ВНЕ БОГА НЕ СУЩЕСТВУЕТ. Вся неисчерпаемая материя Мироздания, весь Чистый (невоплощённый) Дух, называемый физиками вакуум, все неисчислимые души Мироздания — ВСЁ ЭТО в совокупности представляет собой три Ипостаси Бога Единого, который, по своей сути, есть Мысль Всемогущая или Мировой Разум в трёх субстанциальных видах: материальном (**Бог-Мать**!!!), духовном (**Бог-Отец**!!), душевном (**Бог-Сын**!). Поэтому-то и является бессмысленным вопрос о том, что первично, материя или дух. Материя — уплотнившийся, кристаллизовавшийся Дух (Мысль). Аналогией мог бы

послужить вопрос, бессмысленность которого очевидна: «Что первично: пар, вода или лёд?».

Только у батюшки давно был заготовлен ответ. Он осторожно, чтобы не обидеть непрошенных гостей, взял в руки книгу и, открыв её на заранее отмеченной закладкой странице, прочёл:

— «Существует Единый Творец или Владыка всех этих Вселенных. Место. Число и протяжение не могут сохраняться без Творца. Порядок не может существовать без места и измерения, необходимо должен быть Господин». «О, мой сын! Дай Богу Имя, которое подходит наилучшим образом, назови Его Отцом всех вещей, ибо Он Един и Его чистое Действие — это быть Отцом. Если ты хочешь, чтобы я употребил смелое выражение — Его Сущность — это рождать и творить. И как ничто не может существовать без Творца, точно так же Он Сам не существовал бы, если бы Он не творил беспредельно... Он есть то, что есть и то, чего нет, ибо то, что есть — Он проявил, то, чего (пока) нет — Он держит в Себе Самом», «Он не имеет тела и имеет много тел, или, вернее, все тела, ибо нет ничего, что бы не было в Нём, и всё, что есть — это Он Единый. Вот почему Он имеет все имена, ибо Он есть Единый Отец, и вот почему Он не имеет имени, ибо Он — Отец всего. Всякая вещь есть часть Бога, а потому Бог есть ВСЁ. Творя всё, Он творит Самого Себя, никогда не останавливаясь, ибо Его активность не имеет предела, и точно так же, как Бог безграничен, творение не имеет ни начала, ни конца». Приведённое высказывание Гермеса Трисмегиста о Боге созвучно краткому философскому замечанию Иисуса Христа (Евангелие от Иоанна): «Верьте Мне, что Я в Отце, и Отец во Мне...», что означает: «БОГ — во ВСЁМ, и ВСЁ — в БОГЕ». Там также сказано: «Бог есть дух, и поклоняющиеся Ему должны поклоняться в духе и истине»....

Собеседники умолкли. Произошла неловкая пауза, и отец Онуфрий победно произнёс:

— Вы не побудете минут пять-десять без меня, нужно отойти поправить свечи?

И плавно вышел.

Секунд пять Слава глядел вслед развевающейся чёрной рясе, затем спросил:

— Что теперь?

— Вот теперь самое сложное. Чтобы попасть в прошлое, нужно для равновесия оказаться на пару минут в будущем. Потом — вернуться в настоящее. И уже потом искать что-то в глубинах времени, — устало вытер глаза, поневоле лишённые сна этой ночью, профессор. И дальше шёпотом тихо-тихо продолжал, — в будущем долго не задерживаются. Там ничего не надо.

Слава заволновался.

— Не дрейфь! — хлопнул его по плечу профессор, — все могут оказаться как в прошлом, так и в будущем. Эти измерения, они вокруг нас. Всё зависит от человековосприятия. От проигрывателя, а не от пластинки. Понимаешь? Нужно только настроиться.

Слава кивнул. Лебедев на всякий случай палец приложил к губам:

— Тогда поехали! Мы фактически окружены стеной из звёзд, доходящие до нас со всех сторон от этой стены фотоны вследствие диссипации одновременно уменьшают температуру, скорость, частоту и т. д., именно поэтому мы ещё не изжарились на звёздной сковородке…

Усевшись поудобней, он принял позу йога, закрыл глаза.

И в следующую секунду… вроде бы ничего и не изменилось, только еле заметный вихрь, напоминающий движение воздуха над свечами, укутал контактёра. Профессор оказался как бы в неком энергетическом коконе, который, бешено вращаясь, впускает и выпускает из себя только необходимую для него или для кого-то информацию и энергию.

Лебедев открыл глаза. Они ничего не выражали.

— Эй! — тронул его за рукав Слава. — Ты где?

Тот дёрнул головой:

— Вот это новость!

— Что?

— Эту церковь представляешь?

— Да.

— Под нею и над нею в пространстве и во времени ещё около ста церквей. На этом же месте. Понял?

— Ну-у-у… как бы нет.

— Здесь. Сейчас. Ходят тысячи людей. Души ушедших. Их контуры. Они плавные, как голуби. Они ждут своего вре-

мени. Я видел книгу «Бытия». Я держал ее в руках. Недолго. Она лежит вот тут, — указал профессор на стол. — Вседержители в белых одеждах открыли мне её на середине, мысленно приказали: «Смотри, если ты такой крутой! Поймёшь ли?».

— А там?

— А что там? Рисунки. Матрицы. Я листал! Там всё есть. А в конце я понял. Веры разные. И Боги разные. А площадка у всех одна. И она живая. Над ней видна вся система. Единая. И наш мозг эту систему не воспринимает.

Короткие фразы распалившегося профессора прервали тихие шаги возвращающегося хозяина.

— Ещё чайку? — вошёл он в библиотеку.

Глава 8. Путешествие в будущее

— По поводу аномального снегопада в Москве. В действительности, на этот раз это были не Зимородки, а следствие работы лучевого хрономагнитопроекционного транслятора из будущего. «Времянка» из 2237 года. Наблюдатель Зак этого просто не мог знать. Кстати, Зимородками таких «стрелков», как Зак, называли разнесённых во времени субъектов, обладающих феноменальным ментальным полем или развитым моделирующим мышлением, которые с помощью непрерывного потока мыслеформ, проникающих, часто бессознательно, в будущее или в другие измерения, колонизируют континуум своими ожившими там мыслеформами и перегружают континуальное биомагнитное поле! — выговаривал профессор, перекрикивая метель, разыгравшуюся не на шутку, пока они шли обратно к могиле бабы Кати.

— Обязательно это делать с могилы? Может, вернёмся к морю? Позавтракали бы сначала…- засомневался Слава, когда они пересекли линию ворот.

— Не перебивай! — огрызнулся профессор, — я же тебя готовлю к более ответственному шагу, нежели поджаривание яичницы в скудном номере Геленджика! Так вот, Зимородки воздействуют каталитически на точки обратной связи во времени биоинформационной энергии Земли. Они перегружают основ-

ную интеллектуальную или ментальную сеть планетарной жизни, создавая путаницу для потомков, которым трудно понять, что или кто появляется перед ними: голограмма, живой человек, интеллектуальный биоробот или дубль... Зимородки приносят непредсказуемые изменения в контур циркуляции «управляемой энергии Жизни», заражая всё вокруг, да ещё и вперёд, новыми и новыми вирусами психогенетических мутаций...

Они пришли.

— С Зимородками всё понятно. Буду паинькой. Могила — здесь, — показал место захоронения Слава. — Я точно помню, сейчас не ошибаюсь.

— Хорошо. Садись!

— Что? На снег?

— На снег. Садись правильно. Вот так. Однажды я сел неправильно. И меня после три дня выворачивало и мутило. Ложиться тоже нельзя. Конечности вытягивать. Ни в коем случае! Неспроста йоги там и прочие придумывают разные идиотические позы. Главное — не застрять посередине и не попасть снова в реальный мир. Он доступнее. Только измерения разные. Не сворачивай на живые площадки матриц. По снам других людей и других существ во Вселенной, которые в этот миг делают то же самое, путешествовать тоже прикольно. Но ты должен сосредоточиться на главном. Понял?

— Холодно сидеть.

— Сейчас теплее станет. Это не идея. А генератор. Я всю эту систему сам закладывал. Я не какой-нибудь организованный командным путём групповой эксперимент. Тем-то сразу стирают память на 98%! Я одиночка. Вот они за мной и охотятся, как в своё время за профессором Крохалёвым, который, сам понимаешь, почему умер не своей смертью, — отчётливо выговаривая каждое слово под аккомпанемент метели, вещал контактёр и при этом старательно усаживал трясущегося от холода и важности момента Большакова на могилу его бабушки. — И ты запускаешь города и измерения, где земля хранит всю информацию. Нам станет она доступна, если правильно настроить…

— А, если неправильно?

— Тогда — фить, летальный исход, — засмеялся ЮрВедыч.

Слава дёрнулся.

— Шучу. Руки к телу прижать! Готов?

— Да.

— Начинаем. Координаты, время, тело. Есть. Заходим в канал…

— Стой!

— Что ещё?

— Я боюсь. Объясни ещё раз, что нужно делать. Голова кругом!

— Ну, хорошо. Я тебя отправляю в будущее. Там — буквально пару минут. Для равновесия. Я же говорил тебе это сто раз! И только потом — в прошлое.

— Одного?

— Нет. Ну, нет же. Одному тебе нельзя. Я всё время буду рядом. Но когда полетим в прошлое, то материализуюсь как бы в другой субстанции. Как, ну как сиделка твоя с горшком. Ясно?

— Ясно.

— Если захочется что-то спросить, — отвечу. Только ты меня видеть не будешь. И не дёргай по пустякам. Особенно в будущем. А то меня стошнит! Вот и всё.

— Как это стошнит? Ты же будешь… в субстанции!

— Потом стошнит. Когда вернёмся!

— Понял. И кем я там, в прошлом, буду?

— Бабушкой своей разлюбезной ты и будешь, Екатериной Лаврентьевной Конюховой, только умирающей.

— Не… — начал подыматься с могилы Слава, — бабушкой не.

— А как ты ещё хочешь? Очень удобный момент. Она умирает. Дух её отходит. А ты в ту же секунду в её тело — шасть! И я за тобой. И смотрим из глазных дырочек на всё происходящее, как из иллюминаторов Титаника. И продолжаем сидеть, пока не узнаем Имя, то самое имя, из-за которого мы всё это и затеяли, собственно, коллега.

— Но там же будет моя мать!

— И что?

— И, значит, я буду сам, только маленький.

— Очень хорошо! Увидишь себя своими глазами. Отца увидишь. Деда там.

— Отца, похоже, и не было. И деда тоже.

— Вот и выяснишь заодно. Кто, как, кого. За что. По какой причине. Этого того самого. Сюрпризов обещаю массу! Драйва — взахлёб обожрёсся! Давай, решайся. Холодно. А то выверну пространство, и полетишь в драный Геленджик персики турецкие лопать.

— Ладно. Поехали, — согласился Слава. — Как там надо садиться правильно?

— Вот и умница. Давно бы так. Начинаем путешествие. Пошёл! Глаза закрой, дур-ра! Лопнут! Ой-йи! На что только не готовы идиёты ради любви! — последнее, что услышал Слава и закрыл глаза.

Удивительно красивые, как разросшиеся разноцветные кольца Сатурна, сверху вниз прошлись полевые диски, меняя магнитопептидные поля бегущих, плывущих и стоящих в разных фазах движений переходников. Поля менялись, как поднятые вихрем огромные цыганские юбки при бешеном вращении; так люди оказываются в безумном танце перехода...

3000 год. Светослав Большаков с ЮрВедычем попали в чат мыслеобщения ЕДИНЕТа. Участников — миллионов тридцать. Со всех сторон обозначились пользователи. Окружили.

— Вы из прошлого? О! Новенькие! Вирус! Запрещено! Глупости! На полицию нарваться хочешь? Да, ладно. Давай пообщаемся! — раздавались отовсюду мысли.

— Ты — Ленин? — обратились к ЮрВедычу.

— Нет. Я не Ленин.

— А мыслишь так, будто Ленин. А ты случайно не Крымский?

— Крымский родится только в 2050-м! Балда! Я — более ранний залёт.

Прибывали всё новые и новые пользователи. Слава растерялся. Не успевал моделировать ответы. ЮрВедыч успевал, и вообще держал ситуацию под контролем.

— Администратор! Администратор! — заволновались голоса.

— Вам следует покинуть площадку, у нас не исторический, а развлекательный чат, — заявил приятный голос администратора. — Согласно законодательству прибывших из прошлого всех стерилизуют. Прочищают память. Но, если вы освободите чат мыслеобщения немедленно, мы не будем вас задерживать.

Нам не нужны неприятности. И вам тоже. Торопитесь. Полицейский патруль и стиратели уже входят в систему.

— Поехали! — без предупреждения скомандовал ЮрВедыч и закрутил вихревыми потоками Славу, увлекая вглубь.

И они снова оказались на той же могиле.

Некоторое время Слава смотрел выпученными глазами на ЮрВедыча.

— Обалдеть! Кому рассказать — не поверят.

— А ты не рассказывай!

— Что это было? Объяснить можешь?

— Это создатель всё знает. А я и доли не знаю, — огрызнулся профессор. — Там, в будущем, мы только наблюдатели. Его ещё не было. И брать оттуда что-либо или оставлять вообще невозможно. Понял? Оно может развиться так. А может так и не развиться. Всё зависит от тебя. От меня. От бабы Кати. От батюшки-философа, что нас мёдом угощал.

Контактёр замолк. Но вдруг спросил, прищурясь:

— Может, завтра? Что-то я подустал.

— Ну, уж нет. Умерла, так умерла. В тело бабки, так в тело бабки!

— Молодец! Никаких завтра. Ну, смотри. Сам напросился. Щас. Щас. Пару минут дай отдышаться. И поедем.

— Руки прижимать и глаза закрывать зачем?

— Всё просто, — деловито разглядывал плюсы-кресты погоста Лебедев, — конечности при себе — чтобы переместиться без приключений, не тормознуться в канале. А глаза — это чтобы душу сохранить. Глаза — зеркало души?

— Зеркало.

— У людей в черепушке, в коре головного мозга, — море функций. Через глаза ты всё воспринимаешь, анализируешь и передаёшь сведения нервам. Зрение намного превосходит ассоциативные зоны других органов чувств: обоняния, слуха… Одним из переносчиков информации, как известно, являются фотоны, наиболее распространённые из всех элементарных частиц в мировом пространстве. Они вылетают из атомов с поверхностей предметов, и именно благодаря им человек воспринимает окружающую действительность. Однако, если глаз

способен фиксировать фотоны, то, вероятно, он может и сам излучать эти материальные частицы.

— Лебедев, короче можешь? Холодно! Знаю я об этом. Читал в журналах. На лекции ходил. Слышал, что опыты учёные проделывали. В центре комнаты спиной к исследователям садился человек, на которого в определённые моменты должен был смотреть другой. В случае если испытуемый чувствовал взгляд, он сообщал об этом. В исследовании приняло участие более сотни добровольцев. В 95 процентах случаев люди ощущали направленный на них взгляд! В затылочной области возникало мимолетное чувство давления, будто дуновение ветерка.

— Правильно. Потерпи. Я ещё не восстановился. И что за дурацкая привычка перебивать! Дай мысль доформировать. Так вот. В 70-х годах прошлого века доктор технических наук Сергеев проводил исследования со знаменитым экстрасенсом Нинель Кулагиной. В одном из опытов Нинель Сергеевна должна была усилием мысли отклонить лазерный луч. Однако произошло то, чего никто не ожидал. Цилиндр, через который шёл луч, заполнился светящейся дымкой, а сам он пропал. Геннадий Александрович, сидевший напротив испытуемой, посмотрел ей в глаза и... ослеп! После этого он долго лечился, пока зрение наконец-то восстановилось. Но взгляд некоторых людей, как оказалось, может не только ослепить, но и убить. Зловещей славой убийцы пользовался в 80-е годы девятнадцатого столетия в Сицилии один из жителей Мессины. Люди, завидев его, заранее сворачивали в переулки. Они опасались стать жертвой. Однако никто не мог ни привлечь этого монстра к ответственности, ни даже предъявить обвинения. Потому что убивал он весьма оригинальным способом. Взглядом... И всё же, судьба наказала его. Однажды он остановился у витрины магазина и долго рассматривал своё отражение в зеркале... Именно это и стало причиной его скоропостижной смерти. Я это видел. Лучи, исходящие из его глаз, отразились от зеркала и нанесли убийце ответный удар. По имеющимся наблюдениям, взгляд человека, находящегося в состоянии крайнего эмоционального возбуждения, также может оказаться очень опасным. Факт этот известен издавна, поэтому не случайно приговорённым к смертной казни завязывали глаза.

— И «мальчики кровавые в глазах»?

— Правильно мыслишь! Лучи способны обладать огромной силой воздействия на другого человека. Поэтому не так уж невероятно предположение, что орган зрения — это своего рода инструмент, с помощью которого можно определённым образом влиять на окружающих. Иначе как можно объяснить широко распространённую на Востоке и на Западе веру в «сглаз».

— У Бехтерева, кажется, был такой труд — «Боязнь чужого взгляда». Бехтерев дал точный диагноз Сталину. И тоже закончил жизнь неестественной смертью.

— Вовсе не из-за диагноза, мой друг. Бехтерев ближе всех подобрался к путешествиям в Бездну. Мы говорили сегодня о Крохалёве, который, кроме всего прочего, научился фотографировать и фиксировать человеческие мысли, галлюцинации в виде голографических изображений. Крохалёв экспериментально доказал, что человеческие глаза способны излучать не только страх, любовь или ненависть, но и энергию: мысль материальна, её можно зафиксировать на фотоплёнке.

— А потом?

— Торт с котом! Всё засекречено. Крохалёв ушёл в небытие, как и Бехтерев. Я, не в пример тебе, вижу, как отлетают от человека мысли и эмоции, их можно сопоставить по энергетике и становится очевидным, что энергия сознания в сотни раз эффективнее энергии эмоций. Мне не надо её фотографировать, я вижу её с закрытыми глазами. Во времени. Если глаза не закрывать — можно не только ослепнуть, но и погибнуть.

— То, о чём мы говорили.

— Да, то, о чём мы говорили. Потому что прошлое нам завидует. А будущее — пренебрежительно уничижает. И та и другая энергия времён, собранная из миллионов индивидуумов вне зависимости от цвета их глаз, смертельна! Поэтому я говорю тебе каждый раз — закрой глаза. Иначе при переходе будет больно.

— Понял. Хотя, много текста. Мог бы объяснить короче.

— Мог бы и короче. Но тогда бы не отдохнул. Ну что? Готов?

— Да я уж околел от холода весь, коллега!

— Ну, тогда поехали! Гла-за-а-а!!!

Глава 9. Зимородки

И всё же, переместиться без приключений не удалось.

На мгновение Большакову стало очень холодно. Темно. Затем комфортно потеплело. Его резко притянул на орбиту и завертел оранжево-красный кокон со множеством колец, точно планета-луковица в разрезе двигалась и изменялась, маня в свою суть. Мягкий свет обволок энергетическим облаком, он переливался и струился, как ласковый поток воздушных масс. Поражённый происходящим, восторженный человеческий разум непроизвольно освободился от сковывающих и мешающих созерцать инструкций и правил. Слава протянул руку, чтобы ощутить движение света. Рука выглядела как-то необычно. Приглядевшись, Слава рассмотрел под прозрачной кожей-оболочкой жилы и мышцы, капилляры, и в них — множество кровяных движущихся шариков, излучающих свет, подобно окружающему энергетическому облаку. Это произошло за сотые доли мгновения. Человек попытался управлять своей энергетической рукой. Дотронулся до яркого оранжевого кольца.

Сигнал перехватили. Лебедев улетел. А Слава застрял на вираже кольца, попав к Зимородкам.

Командор смотрел на проявившееся изображение переходов, как на живое движение Змея, а не просто работу Канала. Зак следил за проявляющимися точками субъективного взаимодействия или, точнее, за людьми, которые резонировали на импульс в разных странах и в разное время, сидя в кабине ТПС и размышляя о роли личности в истории...

«Кто это, Зимородки, или Наблюдатели?» — размышлял Большаков, пытаясь вспомнить, что о них рассказывал профессор, и подглядывая, как Зак внимательно изучает диаграмму генетического кода... Прошлое расслаивалось на параллельные полосы измерений, и эти полосы, тонкие, но тяжёлые, жили своей беспристрастной жизнью. Имена отважных испытателей, оставшихся там при переходе от одной такой полосы к другой, навсегда вписаны в историю Человечества... Зак вполне осознавал свою роль «канализатора», человека, впускающего и выпускающего Жизнь, где и куда угодно ...

— А-а-а, так это же создатель интеллектуальных роботов Мейлори! — воскликнул Зак.

Слава внутренним зрением ощутил, что за ним и рядом с ним стоит чуть ли не половина всего Комитета, и ещё кто-то в серых комбинезонах. Когда только они успели появиться? Зажглась жёлтая движущаяся точка.

— Облучён и квитирован 21 февраля 1991 года. Юрий Всеволодович Лебедев, — произнёс Зак.

Облучён и квитирован?

— А это кто? — указал Командор на субстанцию Большакова. Обернулся всем корпусом. Уставился в упор на то, что у Славы внутри.

Слава тоже взглянул на свои внутренности. Его чуть не стошнило.

Мысль: «Бесшабашный и очаровательный Лебедев, пугающий своей невероятной психической активностью и всепроникающим влиянием как на Славу, так и на весь этот странный Комитет, «облучён и квитирован», — жаром обдала внутри его правого полушария.

Затем быстро произошло какое-то движение в комнате; на мгновенье всех ослепила яркая вспышка света, а Слава оказался внутри цветного светового кокона... напряжение психики достигло предела.

Внезапно в его шиворот вцепилась рука ЮрВедыча, поволокла за собой, утаскивая в другую реальность.

В канале вокруг них в сером мареве, скрипя, как старые мачты, сменяя друг друга, прокручивались десятилетия.

Более всего Славу удивил «дрейф событий» или схема времён, ощутимые графические кривые отклонения во времени и пространстве. Было многое другое, не менее интересное, но гораздо опаснее «фантастики»... Похоже, Зак и его команда хотят приобрести власть над всем миром — контролировать «плохие» государства, разделив мир на людей и нелюдей.

Болтанка в чёрном межвременном пространстве длилась доли секунды. Но показалась вечностью. Непосредственное «лучевое» влияние или тонкая, точечная коррекция определённо породила ориентированные события и контакты, правиль-

ность которых не вызвала сомнений. Большая и спокойная рука Будущего развела полярности по субъективной сети планеты, сложившиеся фронтальные отношения стран для большей глубины управления и контроля. Выходило так, что у человечества нет другого выхода: оно обречено на физические конфликты из-за собственной субъективной бездеятельности и максимально изощрённой формы политического и экономического вампиризма; это происходило из-за «психогеографической» инерции, слабой энергии сдерживания агрессии, которая вырабатывается в процессе историко-генетической жизни народов и государств за довольно длительные промежутки времени.

Такова суть: и красива, и жестока одновременно... На этом коррекция закончилась, а контроль с объективной обратной связью-трансляцией событий в XIX век начался.

— Мы на месте. Через несколько минут она должна совершить последний вздох и произнести имя, — напомнил ЮрВедыч, мысленно ущипнув Славу за бок. — Больше не хулигань.

— Где я? — глаза Большакова ещё закрыты. Но в него, похоже, уставились глаза Смерти. Они так засияли, что мысленная голова Большакова вдруг начала увеличиваться в размерах, становясь гигантским надувным шаром. А глаза Смерти продолжали лить внутрь поток пульсирующей «электродуговой» энергии, и, видимо, информации. Так продолжалось долго, невероятно долго — жизнь, ещё одну жизнь, или, по крайней мере, полжизни, после чего Слава понял, что ещё немного, и он сойдёт с ума!..

И открыл глаза.

— Воды? — спросила молодая женщина, похожая на его мать. Заботливый её взгляд ожидал ответа.

Глава 10. Мама

— Мама? — ответил ей Слава.

— Наденька? — одновременно проскрипел в той же голове старушечий голос.

— Екатерина Лаврентьевна, давайте покушаем, уж неделю ничего не ели! — засуетилась невестка. — Компотик остыл в сенцах.

Борщец горяченький со сметанкой! Бурачок свой созрел. И картошки молодой подкопала. Давайте? А? Надо сил набраться. Вы ещё до ста лет жить будете.

— Нет, — молвила старуха, — сто лет жить вредно для здоровья! До Петрова дня мне не дожить.

Но тут не выдержал Светослав, почувствовавший нестерпимый голод в желудке из-за многодневного бабкиного поста в совокупности с переживаниями богатого на приключения пути:

— Да, матушка! Борщеца!

— Ну, вот и хорошо! — метнулась обрадованная Надежда в кухонку, забыв задёрнуть занавеску.

— Ма! И компотику захвати! — крикнул Слава вслед.

Крикнул. И устал. Тело стало вялым. Вернее, то тело, одно на двоих со старой умирающей женщиной. Руки-ноги еле шевелились.

Как бы то ни было, преодолевая сопротивление старой женщины, Светослав с охоткой утолил голод и почувствовал, как приятная истома растекается по телу, а вместе с ней появляются силы и эмоции. Уходить в лучший мир сегодня уже не хотелось.

— Не умерла? — удивился до самой глубины самосознания прибывший, как ему казалось, к разбору невидимый профессор Лебедев. — Вот это сюрприз! Значит, не было последнего вздоха и, соответственно, не произнесено заветное имя! Что же теперь делать?

— Ни малейшего понятия, — откровенно признался почувствовавший себя опять виноватым и никчемным Слава. — Подождём пока.

Воодушевлённая разительными переменами в настроении свекрови, мама Славы не знала, как ещё угодить Екатерине Лаврентьевне. Поправила подушку.

— Надюш! А, Надюш? — решила поделиться своими мыслями приободрившаяся старуха.

— Да, слушаю, — ответила та.

— А я сёдни смерть видела.

— Да полно Вам!

— Верно говорю. Точно прожектором свет на меня снизошёл. И ослепил всю. А теперь ещё и два голоса во мне поселилися.

— Это ангелы небесныя слетаются. Вам в помощь! — откликнулась Надежда.

— Вот будете хорошо кушать и скоро поправитесь. И со Светиком играть будете. И сказки ему сказывать на ночь.

Светик? Да. Светослав. Светик. Так когда-то звали его. Только давно. И от этой мысли в душе Большакова что-то перевернулось. Запело. Мама говорит о нём! Высветились неясные старые воспоминания. Тёплые лужи после летнего дождя, душистая земляника с молоком и сахаром, румяные пирожки с луком и яйцом. Огромным усилием он поднял голову от подушки, заглянув за цветастую занавеску, с надеждой увидеть единственное в доме, что помнил из детства — свою комнату. Но не увидел. Плюхнулся обратно в жёсткий улёженный пух, пахнущий смертью.

— Тебе, должно быть, неприятно за мной ухаживать, — сказал он матери, обессиленный, — тело стало дряблым. Кривым. Вонючим. Не способным себя обслужить.

— Ну что Вы, родная! Вы не понимаете. Я так Вас люблю, — искренние глаза Надежды заволокло слезами жалости ли, любви. — Вы не думайте, что Вы противная. Вы прекрасная. Вы же — мой маленький Светик! У него ножки, как у Вас. Такой же формы. И ручки, как у Вас. И губки. И волосёнки вьются. Как же мне Вас не любить, если я в Вас своего сына вижу?! Давайте вытрем щёчки! Отдыхайте, милая, поспите. Я Вам шторки задёрну.

— Не надо шторки! — не сдерживая слёз, возразил Слава, — пусть будут.

Он глядел на мать так, как будто видел её в первый раз в жизни. А по щекам катились от возрождённой любви горячие слёзы старости. Она сейчас моложе его нынешнего. Какая красивая она у него, оказывается, была! Сильная! Нежная! Белая, как зайчонок! Как любила не мать — свекровь… Руки загорелые. Юбка в цветочек. Кофточка опрятная, аккуратная, внутрь заправленная. Сама на работу скора. Не суетлива. Надёжна. Волосок к волоску зачёсан бережно и убран в тяжёлый пучок на затылке. И дома, и на огороде всё спорится. Отчего же они врозь оказались? Что простить не мог ей? Почему любить перестал?

— Сядь со мной. Посиди. Отдохни! — поймал он за руку мать. Задал вопрос, что давно его мучил, — как же ты одна-то?

— Да почему ж одна? Не одна. Вот и Вы со мною.

— Выброси его письма. Сожги! — встрепенулась старуха в теле, собравшаяся было вздремнуть, — не сын он мне

боле. Ты, невеска, роднее яго. Варнак. Пусь сгинет в лагерях, поганец!

— Не надо Вам волноваться. Разве можно удержать ветер печной заслонкой?

Но старуха распалялась и вскипала изнутри, разметав в своей голове и Лебедева, и Большакова:

— В семье не без урода! Мать родную уважать перестал! На беременну девку с топором! Не прошшу! Не прошшу гада Петьку! Смени фамилию, Надька. Возьми девичью. И вот ещё. Там, у сундуке деньжата е. Не ставь мне каменный памятник. Рябенку отдай на учение. Пусь в город едет. В интернат. Пусь человек из яго вырастет. А останется в деревне — до пенсии быкам хвосты крутить будет! Не нать ему это. Он бядовай! А сама выходи замуж за приезжего офицера Серёчку. Вон как на тебя смотрел. Жись свою наладь с Серёджиком. Не стоит Петька, чтобы яго так вот уважали. Вернось берегли. Уезжай. Брось меня, старую. Не корми! Смерти я хочу.

— Вот ещё! — резко поднялась Надежда. — Отдохните, дорогая. Пойду скотину встречать.

Славе необходимо было время прийти в себя от потрясения. И он лишь вздохнул, выдав себя:

— Хочу домой!

Екатерина Лаврентьевна безошибочно определила в этой фразе своего внука.

У неё и ответ всегда был готов:

— Как же! Домой! Там сидит хромой! Портянки сушит. Тя задушит.

Думы её сконцентрировались на приятном. Она любила мечтать, как из её родной кровиночки вырастет когда-нибудь прекрасный, всеми уважаемый человек Светослав. Она будто видела, как он ухаживает за её могилкой, как переезжает в город и обучается на хорошую профессию, а фамилию возьмёт от матери. Ну и правильно. Отец, что варнак. На десять лет посадили. Горяча голова без Бога! Вот так-то. Поделом ему, ироду.

Захотелось бабке тотчас увидеть внука.

— Светик!!! — завопила бабка что есть мочи.

— Аи?! — отозвался ребёнок.

— Светик, поди сюда!

Глава 11. Светик.

В горницу вбежал четырёхлетний мальчонка. Глазёнки голубенькие горят. Щёчки порозовели от бега. Кудряшки светленькие — в разные стороны. На боку — пластмассовая сабелька.

— Это я! — шепнул Лебедеву Слава.

— Вижу, не дурак, — ответил тот.

— Светик! — ласково заулыбалась бабка.

— Я не Светик! Я Светослав Петрович! Я уже не маленький! Поняла? — рассердился мальчик, топнув ножкой. — Поняла? Ты поняла?

— Поняла-поняла, — сдалась бабка, — не буду. Принеси-ка письмо, что на столе на кухне мать оставила. Фотку покажи!

— А сказку расскажешь? Давно не рассказывала.

— Расскажу.

Светик бегом метнулся на кухонку и обратно. Принёс фотку.

— От он, варнак. Петька! — показала старуха фотку самой себе.

— Похож! — заметил Лебедев.

— Ни капли, — рассердился Слава.

— Так будешь сказку слушать, али как?

— Буду! — с лёту взобрался ребёнок на матрас, попрыгал, наслаждаясь скрипом бабкиной кровати. Заглянул в глаза бабули, а на самом деле — в свои.

Замерла душа у Славы. Забыл про дыхание. От этого у бабули чуть не остановилось сердце.

— Дыши! — вскричал Лебедев. — Беду накличешь!

— Приляг! Приляг со мною, голубочек, — задыхаясь, молвила старуха и сама улеглась на подушку ещё глубже, почти заснула от изнеможения.

Светик послушно и доверчиво улёгся, поглядывая на старую женщину.

— Ба-а, про русалку, — напомнил о себе внук.

Большаков и Лебедев понимали, что баба Катя не то, что языком, даже мозговой извилиной сейчас пошевелись была не в состоянии. Но эти детские глаза заставили ЮрВедыча взять инициативу на себя.

— Можно и про русалку, — согласился профессор, приспосабливаясь управлять голосовыми связками бабули. — Слушай, что поймёшь. На землях, где обитали древние цивилизации, учёные ищут клады. А рядом столько других миров! Возьмём, к примеру, Херсонес. Скифы. Затем — греки. Красивые женщины подплывают к берегу. В белом шёлке. На головах — синие высокие шапки. Через триста лет там уже римляне. Ещё дальше — византийцы. Ещё дальше — татары.

— А русалки?

— Ну, я и говорю, раньше греков и скифов за 100 миллионов лет жили рептоиды. Они теперь Зимородки. Наблюдатели. Какая археология? Планета вся живая! И так, как земля хранит информацию, так и мы, если правильно её настроить, можем проникать в любые временные слои. Понял?

— Угу, — кивнул ничего не понявший, но довольный от сочетаний стольких новых слов ребёнок.

— А русалки — это остатки древней цивилизации. Сейчас — просто проекции.

— А как они говорили?

— Не так, как мы. — Профессор защёлкал языком.

— А под водой?

— А под водой они цокают по-лягушачьи, вот так: пуа, пуа, пуа, по-по пы, будто пузыри пускают. У них такой язык.

— А как же сирены? Они же, ты говорила, красивые, и так чудесно пели, что зачаровывали путников? Ба?

— Ах, ну да. Страшенные эти сирены, хуже атомной войны. Когда русалки много миллионов лет назад соединились с нибирийцами, выходцами с планеты Нибиру, родились страшные и жуткие сирены, похожие на смесь чукчи с рыбой. Но голос их оказался воздушного управления. Ловя потоки и струи воздуха, сирены могли ими манипулировать, издавая нечеловеческое многоголосье. Ещё в Петровской России волхвы могли их слышать и звали Квакерами. Жены квакеров — сирены — это уже другая раса, которая ещё общалась с людьми. На побережье Чёрного моря иногда выносит зарубочные проточенные камни. Это у них были камни-оповещатели. Как наши письма.

— Русалочная письменность?

— Да, именно.

Пока профессор блистал познаниями о прошлом планеты, ребёнок засыпал, закрывая глазки.

А Слава неотрывно глядел на него, с интересом разглядывал мельчайшие подробности на лице Светика — себя самого в детстве. Редкие и кажущиеся беззащитными кудряшки сдувал со лба, вытирал тыльной стороной ладони пот, гладил загорелые детские ручки и ножки.

— Такой маленький, — вздохнул глубоко Слава, с умилением хмыкнул, — он как будто нарисован из одних окружностей.

— Странный ты. Ты детей своих любил? — шёпотом спросил профессор.

— Да, наверное. Мои дети — это совсем другое. Они уже большие. Вредные.

— Да, дети — совершенно другая энергетическая субстанция…

— Вот сейчас я смотрю на него…

— На себя.

— Ну да, на себя того, каким остался там, в прошлом. Это совсем другое. Точно не я.

— Так это и не ты. Это твоя проекция.

— Сам ты… это слово. Ты хоть можешь понять, сборщик информации, что может чувствовать сердце? Что оно вообще может чувствовать?

— Конечно, могу. Я же не зверь какой. Я тебя сюда и затащил, чтобы ты вспомнил, как любил свою мать. Как она тебя любила. Как бабка… Чтобы ты снова это прочувствовал… социолог хренов.

— Она уснула, кажется. Глаз не открыть.

— Тсс! Мальчишка видит будущее. Его сейчас везут в интернат. Похоже, после смерти бабы Кати твоя мама всё-таки отдала тебя на учение.

— Так и было. Но я отчётливо уже не помню. Я, кажется, слишком ершистым был, грубил ей в письмах. И потом считал, что всего добился сам. Она от меня отказалась.

— Она хоть жива?

— Кажется, да. Не звонил давно. Не находим мы никогда общего языка.

— Общий язык можно найти только с возлюбленной, — хмыкнул профессор.

— Пошляк!

— А ты — идиёт! У тебя такая мать классная. Сам бы на ней женился…

— Обидела она меня.

— Чем?

— Не любила. Мне казалось всегда, что не любила.

— Дурак.

— Вижу, что дурак.

— А Светик действительно славный. Хочешь увидеть его сон?

— Хочу.

Глава 12. Сон Светика.

— Глаза закрой! Обожжёшься! — предупредил ЮрВедыч, — с четвёртым щелчком — нагваль…

За глазами — видения, похожие на звёздную пургу. Полосы света, движущиеся справа налево, точно страницы будущих или прошедших прожитых лет, где яркие столбы — самые сильные воспоминания. Густая тёмно-зелёная пустота, совершенно непонятная для Светика, но очень хорошо распознанная будущей взрослой копией Славой, не была однородной.

— Рассмотрим простейшую модель, — вводит в сон профессор Лебедев.

Он стоит у доски. Ведёт лекцию. В зале полно студентов. Один из них — Светослав Петрович. Второй — Светик. Они сидят по разные стороны кафедры. И профессор крутит головою, чтобы растолковать им свою мысль.

— Проведём окружность с центром О и соединим две точки окружности отрезком, проходящим через центр, получим отрезок АОВ. А и В — бинарная пара. Ты и твоя мадам бухгалтер — бинарная пара. Но представь, что кратчайшее

расстояние между А и В не прямая, а дуга — из-за полевого влияния Центра О — гравитационного, электростатического и т. д. (сферическая модель, геометрия Лобачевского-Римана). Получим не «Центр» пересечений, а множество (бесконечное, кстати), расположенное по окружности на некотором радиусе от Центра О. Величина этого радиуса зависит от силы поля (О). Внутри этого радиуса — ПУСТОТА. Это и есть непознаваемое — нагваль, сердце или айн-соф. Вовне, до внешней границы круга — известное познаваемое — тональ, вне круга — неизвестное познаваемое — доступно после разрушения круга (то, что называют «смертью»… сном). Добро пожаловать в Бездну!

…Февраль. Рыхлый снег. +5. Ножки Светика проваливаются до самой пожухлой травы. И сразу же холодает. — 0 градусов. Наст держит даже взрослую мать. На солнечных местах — разбитая колея, в лесу дорога лучше…

…Светик маленький. Забирается на крышу и прыгает в глубокий снег. Там его теряют…

…Светик маленький. Поле тюльпанов. Он ищет подснежники…

…Светик маленький. Они с ребятами катаются на подвесной тарзанке у реки…

…Светик маленький. Он посередине года попадает в интернат. Ссорится с новой группой. Пишет матери письмо. Она не отвечает…

… Снова лес. Ни души. Лишь звериные тропы. И ветер. Зависимость от этих троп — идти по следам. С дороги свернёшь — по колено в снегу…

… — Аууу! — кричит Светик, — Где ты? Аууу!

Ребёнок быстро устаёт. Выбивается из сил.

Славке хочется взять его на руки. Пожалеть, прижать, согреть, выдернув из холодных лап одиночества, познанного так рано. Но как это сделать? Светик — он сам!

Дикое, холодное поле одиночества. Айн-соф! Смерть. Сон. Пустота. Нагваль. Одиночество на всю последующую жизнь. На сорок пять лет, как один час до сегодняшнего дня… Пустой Геленджик. Слава бредёт по песку. Круг синдрома безысходно-

сти. Его догоняет профессор Лебедев. Вытаскивает из-за пазухи баночку с чёрной икрой.

Пенные волны шумно хлещут снегом, рассыпаются пылью у алтаря. Батюшка Онуфрий кричит, развернув книгу Бытия, перекрикивая пургу:

— Все знают имя Бога! Только забыли!

Светик виновато смотрит на него. Он посреди церкви. В руках мел. Мальчик чертит вкруг себя окружность, чтобы защититься от попа. Но не успевает соединить концы: его неожиданно хватает за руку невесть откуда появившейся профессор Лебедев, пророчески шипит прямо в ухо:

— Если в круге есть выход, это уже спираль!

От испуга Светослав просыпается. Просыпается старуха. Похоже, она видела тот же сон.

Тянется рукою к ребёнку. Гладит. Слава позволяет говорить ей, потому что не находит нужных слов. Он не знает, как себя утешить. А старуха знает:

— Баю-баю, баюшки.

Прискакали заюшки.

Люли-люли-люлюшки,

Прилетели гулюшки.

Стали гули гулевать,

Стал мой Светик засыпать.

Спи-усни, сни-усни.

Угомон тебя возьми.

Слава смотрит из старухи на себя самого. В его ощущениях она напоминает огромный экран видимости, где круговым подоконником служат глазницы…

Глава 13. Милые беседы о главном

Мать просыпалась рано, в четыре утра. Они не видел её почти. Но верно и нежно ощущали присутствие и тёплый запах. Молоком пахла матушка. Тёплым, летним… Она доила корову. Приносила кринку в дом. Поила старуху. Выводила корову на росу к пастуху. Шла в огород поливать. Потом — в правление,

она работала секретарём-машинисткой. Светик бегал от матери к бабе Кате. От бабы Кати — к матери.

Иногда подбегал к постели умирающей, расцвечивая однообразие непосредственной детской улыбкой. И все домашние ждали его, как ждут весёлый торопливый ливень знойным летом.

С работы Надежда приходила после пяти вечера. И сразу бралась за хозяйство. Прибирала, готовила, кормила бабку. Читала ей вслух.

Иногда после кормления свекрови мать прикасалась ласково рукой ко лбу старухи. И Светослав вспоминал радость этого прикосновения. Узнавал вибрации и теплоту энергии матери. Как? Как он мог забыть всё это? Самое дорогое, что было у него в жизни, это горячая рука матери на его лбу. Лёгкое, короткое, нежное прикосновение…

— Ну что? Узнал? — интересовался появляющийся время от времени Ведыч Всеведыч у Славы результатами внедрения в тело.

— Нет. Не узнал. Какие-то общие фразы. Может быть, это слово Любовь?

— Да нет. Не любовь. Это слишком просто, несмотря на то, что Бог есть любовь.

— Что тогда?

Постепенно и пространство, и мысли Славы суживались до размера комнатушки, огороженной занавесками. Желтушное солнце временами заглядывало за шторки умирающей женщины, но тускнело, бледнело, и какое-то постаревшее убиралось прочь.

Испытание для Светослава Петровича — попасть в мир полуживой старухи, где не хочется ни есть, ни пить, ни жить, по большому счету, было на грани выдержки. И, если бы не глубочайший интерес к себе самому, только в детском тельце, и не родившаяся спонтанно любовь к матери, точнее, возвращение этой любви, или времени любви, ему пришлось бы совсем плохо.

Сам феномен проникновения двух посторонних субстанций в чужое сознание, возможно, уже повлиял на временной континуум. Во всяком случае, энергетическая и биологическая подпитки конкретно изменили дату кончины бабы Кати.

Два дополнительных источника сознания и усиленное питание делали своё дело.

Старуха не собиралась теперь умирать, время от времени бралась за вязание. Спящее или полуспящее тело постоянно боролось за движение. Цеплялось за крохи радости на земле. Что именно держало её здесь?

Самым невыносимым для Большакова являлось регулярное многочасовое бездействие в периоды старушечьего забытья. Тогда безысходное состояние — комната, откуда нельзя выйти, тело старухи, — всё напоминало Светославу кокон невылупившейся бабочки, которая сама себе прядёт серый будущий саван.

И от этого можно было сойти с ума.

Понимая состояние соседа, ЮрВедыч в такие периоды старался хоть чем-то «убивать» время.

— До сих пор останки умерших зарывали или замуровывали. Шведские учёные предлагают их…проращивать, — начинал беседу Лебедев.

— Каждый Бог требовал своих каких-то условий. Каждая цивилизация по-разному относилась к потусторонним силам. Легенды древних египтян, к примеру, гласят, что у человека есть дух «ка» (олицетворение жизненной силы) и дух «ба» (**душа**, которой могли обладать только боги и фараоны). Через некоторое время после смерти «ка» и «ба» соединяются, принимая облик индивидуума, каким он был при жизни. Вот поэтому так дотошно бальзамировали египтяне умерших царей. А ещё кошек, поскольку считали, что душа у этих животных тоже есть. Англичане, кстати сказать, пошутили потом, вывезли бальзамированных кошек удобрять свои поля. И Боги их почему-то не покарали. А наоборот, урожаем наградили отменным.

Славянские народы, напротив, думали, что душа должна как можно быстрее после смерти освободиться от тела, поскольку оно тянет вниз. По этой причине сжигали тела усопших, помещая в глиняные горшки и закапывая курганами. Оставляли лишь праведников. Мощь от слова «мощи», то есть могучий — это тот, кому помогают святые предки. По преданиям, такие останки помещали на пни старых деревьев и своеобразно заму-

ровывали. В русских сказаниях — «избушка на куриных ножках, без окон, без дверей».

Индусы до сих пор верят в жизнь до и после смерти, в существование души и её эволюцию. Как пел Владимир Высоцкий: «Кто верит в Магомета, кто в Аллаха, кто в Иисуса…».

Тысячу лет, со времён крещения Руси, да и остальных европейских стран, покойных хоронят прямо в землю. И скоро на ней не осталось бы места, если бы не технический прогресс. Приключения трупов на планете в наши дни самые разнообразные.

Чикагская компания, к примеру, научилась делать искусственные бриллианты из пепла кремированных. Представьте себе, из одного человека среднего телосложения можно изготовить до 50 бриллиантов весом от 0,2 до 1,5 карата. Производство кристалла занимает два месяца и стоит от 3 тыс. долларов за 0,2 карата, до 22 тысяч за один карат. Наденешь кольцо с таким бриллиантом на палец, и Бабушка, можно сказать, всегда будет рядом.

— А мы умирать не собираемся! Не дождёшься! — вспылил Слава неожиданно пискливо, как маленький Светик.

Глава 14. Ссора.

— Тебе же имя Бога надо узнать, так давай что-нибудь соображать, — инициировал ЮрВедыч пассивного с утра Светослава.

— Значит, Бог, — начал перечислять Лебедев. — Ещё можно сказать: Господи. То есть, Вседержитель. Всевышний. Всемогущий. Предвечный.

— Предвечный?

— Да, Предвечный. Именно Предвечный. Сущий. Бессмертный. Сый. Господь.

— Господь уже было.

— Хорошо. Творец. Предвечное существо. Создатель Вселенной. Есть Бог счастья и доли. А есть небог, обездоленный.

— А ещё?

— А ещё есть Богородица, Белобог, Чернобог, Дажьбог, Стрибог. Разные есть имена. Тебе какое надо?

— Самое нужное.

— Так и выбирай. Божество тебе надобно, Божье естество или Богатство?

С улицы послышался топоток сандаликов, детский смех и хлопанье калитки; по всей вероятности, Светик бежал домой.

— Светик! Светик! — обрадовалась Екатерина Лаврентьевна, она уже устала от диалога голосов в своей голове и хотела как-нибудь прекратить это безобразие.

— Всё, Лебедев, заканчивай, — засуетился Большаков, — устроил тут передачу «Что? Где? Когда?»!

— Слав, я же и разозлиться могу. Мне тоже держать мировую матрицу уже сил нет.

— Ну, и не держи! — психанул Светослав.

— Да пошёл ты лесом! Вот весь в отца! — не выдержал профессор и без предупреждения покинул опостылевшее тело старухи.

Старушка тут же уронила голову на подушку.

— Ты чё сделал? — из тела, испустившего дух, завопил Слава. — Ты чё сделал, я тебя спрашиваю? Ты зачем убил бабушку?

— Я убил?

— Ты убил!

— Я не убивал. Она сама умерла!

— А ну верни всё, как было!

— Я те чё, Господь Бог?

— Да! Именно! — горячился Слава. — Бабушку верни на место, пока ребёнок не появился! — потребовал у Лебедева уже потише Большаков, сотрясая всю его энергетическую проекцию.

— Она тебе зачем, на честном же слове держится, всё равно от неё нужного слова не добьёшься! — упёрся рогом профессор.

— Тебе не понять. Это моя кровь. А держится она на имени Бога! Бабушку верни, последний раз говорю!

— Да пожалуйста…

— Светик! — протянула руки баба Катерина, встречая внука. Обняла его, мудро улыбнулась, никого в голове не обнаружив, потому что и профессор, и социолог тут же притихли.

Глава 15. Розовый рассвет

Тихо посапывала баба Катерина.

— Почему ты не спишь? — спросил ЮрВедыч Светослава уже под утро.

— Мне стыдно.

— В смысле?

— Перед тобой. Ты столько для меня сделал. А я просто свинюка неблагодарная.

— Это так, — скромно согласился профессор.

— Я понял.

— Что ты понял?

— Я понял одно. Бог есть любовь.

Как всегда, в четыре проснулась мать. Направилась корову доить. И Светик за нею.

— Свежая мысль.

— Ещё какая свежая! Мы сегодня сможем вернуться домой?

— Там сидит хромой… портянки сушит. Тебя задушит! — почему-то вспомнил прибаутку бабы Кати Лебедев.

— А серьёзно?

— Сможем. Смотри, Светик залез к окну. Тянет к бабе пальчики.

— Баба спит. Хоть и глаза открыты. Это он ко мне их тянет, — развернулся всем телом Светослав, перевалился к окошку, дотянувшись до него ладонью и почувствовав всеми пятью пальцами прохладу утреннего стекла.

Там, на улице, ему улыбался мальчик, копируя все движения Светослава-бабушки Катерины. Он тоже растопырил пальчики и тоже дотронулся до стекла. Только с внешней стороны окошка.

Стекло стало теплеть в местах прикосновений их пальцев.

— Светик! Молочко парное будешь? — позвала мать.

И мальчик мгновенно исчез, точно его не было.

— Полетим. А там, как звёзды сложатся, — вздохнул Светослав. Внутреннее сознание постоянно возвращало его к последним словам бабули перед бегством ЮрВедыча из её тела и первым — после его возвращения.

— Глупец! Нужно самому учиться складывать звёзды, так как надо. Если ты принял решение, выдвигаемся сейчас. Очень удобное время, на самом деле.

— Она без нас умрёт?

— Она и с нами умрёт.

— А Светик?

— А Светик останется с мамой.

— А там? В будущем он её найдет?

— Как звёзды сложишь, Светик.

Слава усмехнулся. Он всё ещё не мог привыкнуть к экстравагантности профессора.

— А если нас эти твои Наблюдатели повяжут?

— Да пошли они! Надоели! Наша цель — создание направленного, возможно управляемого результата... Руки только не растопыривай! Готов?

— Ох, и любишь ты заливать. Будь проще.

— Сам будь проще! Глаза закрой, балдыщща! Сколько раз говорить?

— Готов!

— Тогда поехали.

Ночное кладбище под завывание вьюги встретило также неуютно, как и проводило. На этот раз они оказались на ухоженной могилке с мраморным обелиском, хранящим светлый облик покойницы и надпись: «Конюхова Екатерина Лаврентьевна».

— Всё-таки мы изменили временной континуум! — не то с восторгом, не то с разочарованием, перекрикивая ветер, заявил профессор. — Ну, что? Теперь в Геленджик?

— А ну его. Может, сразу в Москву? Ты сможешь вернуть день получки?

— Смогу. Но мне придётся лететь с тобой.

— Зачем это?

— Чтобы ты не купил ту дурацкую коробку конфет!

— Откуда ты знаешь?

— Обижаете, коллега! Садись. Поехали. Руки прижал! Глаза закрыл!

— Помню!

……..

— Неужели Москва? Так быстро? Что, уже всё?

— Да нет. Всё только начинается. Звёзды ты ведь не сложил, как надо. Да и галстук ещё не выбрал. Или так пойдёшь?

— Пойду так.

— Не поймёт.

— Поймёт.

— Ты что-то придумал? Нет? Признавайся! Ты что-то вспомнил?

— Пока не скажу.

— Нет. Назови имя Бога, если ты его почувствовал.

— Не могу. А вдруг не сработает.

— Ну, как знаешь. Гляди, покраснел весь!

— Где?

— Шучу!

— Идиёт!

— Сам ты это слово!

— Я о матери, ЮрВедыч. Всё о ней. Великие Гималайские Учителя утверждают: «Благословенны препятствия, ими растём!». Они же говорили, что сильные духом никогда не рождаются на пуховых перинах или в теплицах, а самые прекрасные цветы растут у самых трудных дорог. В лёгкой жизни душа не развивается, не мудреет. Человек божественен, в нём дремлют все силы Космоса, но чтобы их разбудить, развить, нужны условия. Как-то спросили у Рериха: «Что может сделать человек для Человечества?». И он ответил: «Самый большой подарок, который человек может принести Человечеству, это улучшить самого себя».

Утро родилось розовым-розовым. Таким холодно-розовым бывает оно только на севере, но не здесь, в Москве. Слава, которому пришлось вспомнить о щетине и электробритве, замечает в зеркале, что виски тронула леденящим крылом зрелость, да и оставила по бокам свои перья.

— Знаешь, какая у меня мать?

— Знаю.

— Нет. Ты не знаешь! Мудрая она у меня! Мудрая! Я не понимал тогда. Теперь понимаю. Она — беленькая, как зайчонок. В крови альбиносов не хватает меланина. Понимаешь?

— Понимаю.

— Первые двое детей у неё умерли. Да и третьего, меня, она не больно-то берегла. К самостоятельности приучала. Чтобы сам гулял в лесу и волков не боялся. Чтобы сам на речку ходил. Сам — к скотине. Сам — с ребятами. Везде — сам! Сам! Сам! Я, ты же видел, тоже сначала белый был, как она. Потом, когда в интернат отдали, темнеть начал, как отец.

— Это горе в кровь меланина добавило. И?

— Что и? Ничего и! Я и не думал… что так вот они любили меня… и я их любил. И… люблю. Икры не осталось?

— На.

— Где ты их берёшь, эти баночки? Рожаешь, что ли?

Глава 16. Имя Бога

Пробка. Снег снова выпал обильно и щедро. И ещё продолжал падать сквозь очищенный прозрачный воздух в радужных утренних лучах. Снег будто бы разглядывал сам себя, как разглядывает собственные новогодние локоны девочка, впервые оказавшись у зеркала в бальном платье. Славка выехал рано, ожидая катаклизм. На правом сидении рядом с водителем — Лебедев. Он в обычном суетливо-приподнятом настроении, несмотря на очередную бессонную ночь. Глазёнки блестят. Брови шевелятся.

— На, — протягивает Лебедев Славе мобильник.

— Что там?

— Сюрприз.

Длинные гудки.

— Мама?

— Да, сынок.

— Мама… — у Славы на глаза наворачиваются слёзы. — Я люблю тебя, мама, — говорит он, давясь чувствами недавно пережитых событий.

— И я люблю тебя, Светик.

— Как ты, мама?

— Коровку новую купила. Та совсем мало молока стала давать…

— Мама, прости, …я не звонил…

— За что ж прощать, не звонил — значит, складывалось всё хорошо, а сейчас, наверное, ещё лучше вдруг стало…

— Я приеду?

— Давай, к весне. Сад зацветёт, и встречу по-людски…

Телефон отключен. Славка тупо смотрит на пустую картинку мобильника, вопросительно поворачивает голову к профессору.

— Что? Что! — огрызается тот, чувствуя укор во взгляде и с места в карьер начинает нападать, — мать-то твоя психолог покруче тебя будет!...

К своей деятельности Светослав относился очень ответственно. Там, за стенами института — социум, его поле деятельности, его хлеб, ум и совесть, — ждёт Для изучения. Ждет От него помощи и коррекции.

Требовательный к себе, он никогда не опаздывал до этого сумбурного непредсказуемого месяца, пока не увидел её: тридцатилетнюю наивную красоту, показавшуюся совершенством. Как назвал это состояние Лебедев — «На всякого мудреца найдется хоть одна дура, от которой он без ума!».

Он едет к ней. Сегодня он снова едет к ней.

Он знает, что сказать. Он уверен в себе, как никогда.

Дива, к которой он летел, ради которой дёргал за усы Вечность, удивлённо улыбнётся, обдав ледяным равнодушием зрачков, и тут же опустит глаза. А, может, всё-таки остановит на нём взгляд? На секунду? Ему хватит секунды, чтобы разложить пред нею звёзды? Хватит!

Что говорить? Какая разница!

И вот он застыл в режиме ожидания, напрягшись наполненной информацией пружиной факса.

— Имя назовите, — просит Мечта о Счастье, опустив полные недоступности и отрешённости профессионально-озабоченные работой очи в длинные списки.

— Светик, — говорит он ей, уверенно улыбаясь, как старой знакомой, с которой играл в детстве в одной песочнице, да и сейчас не прочь пошалить.

— Светик? — подымает очи Дива. Невероятно! Она… Господи. Нет! Она, царевна Несмеяна! Она теперь улыбается совсем

не холодно. А скорее, задорно. Похоже, Славка её заинтересовал. И даже рассмешил.

— А фамилия у Вас есть, Светик? Светик — это что за имя? Я раньше такого не слыхала, — прыснула в кулачок мгновенно помолодевшая Дорожкина. Она оборачивается на коллег-подружек из бухгалтерии, чтобы разделить и с ними веселящую новость. И те, оторвавшись от бумажек, тоже окружают великовозрастного детину, назвавшего себя именем ребёнка, назойливым вниманием взглядов.

— Это Светослав Петрович Большаков! Мать моя, разлюбезная Надежда, назвала меня так однажды, — деланно кланяется влюблённый пятидесятилетний юноша, — Заметьте, Большаков! Не Башлыков там какой-нибудь, Бахметьев или Бурмистров. Большаков бывает один. И на всю жизнь.

— Вы уверены, Светик?

— Больше, чем когда-либо!

— Тогда распишитесь!

— Без раздумий могу расписаться с Вами и под любым, более интересным документом. Да, кстати, есть такое мнение, что икра может быть и чёрной. Лишь бы хлеб был белый.

Сегодня день зарплаты.

В незастёгнутом пальто Светослав Петрович вылетает из дверей. У машины ждёт ЮрВедыч:

— Ну, что? Получилось?

— Звёзды нужно складывать самим! Ты прав, Лебедев. Тысячу раз прав!

— Ты по-человечески можешь объяснить, что ты ей сказал?

— Я назвал имя.

— Какое имя?

— Светик!

— Светик??? И что теперь?

— А теперь мы вместе едем в отпуск. В Геленджик! Представляешь? Море! Чайки! И мы вдвоём! Счастье!

— Втроём!

— Никаких втроём! И даже не думай! У меня медовый месяц!

— До трёх башенок хоть подвезёшь?

— Подвезу... Как же. Видишь? Встали.

— Это из-за вас. Ничего. Сейчас всё разгоним. Глаза закрой!

— Что-о?

И снова радужные круги. На этот раз вместе с машиной оба оказались в Бездне между мирами и временами. Энергетический кокон автомобиля Светослава распался на мириады светящихся точек. Лебедев замагнитил их рукою в верхний карман пиджака.

Кабинет Командора казался мутновато-призрачным, потому что друзья наблюдали за ним из параллельного пространства. Ему докладывает какой-то учёный, вырванный с кафедры в лабораторию Зака:

— Для выращивания рептоидов в балансе Земли температуры в регионе Центрально-Европейской части должны в течение трёх месяцев держаться у отметки нормального зародыша.

— 36,6 градусов??? — восклицает Лебедев.

— Ну и что? — не понимает Большаков.

— Как это, что? Представляешь? В Москве температуру летом от 30 до 40 градусов, поддержанную искусственно?

— Да, классно!

— Что классно? Что классно? От жары гипертоники сдохнут. Трава станет белой! А пожары?

— Что пожары?

— Полетели, — без слов скомандовал Лебедев.

Мгновенно вывернув карман и радужную оболочку на обычную дневную земную на МКАД, под гудение машин Лебедев и Большаков медленно катятся в затрудненном движении в районе трёх башенок. Только жара мгновенно наполняет вдруг каждую клеточку организма. Пот, как в сауне, покрывает всё тело. Оно становится липким. Чужим. Противным. Хочется снять кожу. Сбросить, вылезти из неё ужом.

Видимость, как в тумане.

Градусник показывает плюс 38.

Жара сразу заставляет сбросить верхнюю одежду и включить кондиционер.

— Что происходит?

— Мы на полгода впереди в Москве. Сейчас узнаем. Радио включи.

— Аномально жаркая и сухая погода установилась в Москве и области, — сообщило радио. — Обычные для этого периода температуры с начала месяца были превышены на 8-9 градусов, кроме того, в городе почти не было дождей. Количество вызовов скорой помощи в Московской области не сокращается уже вторую неделю, сообщают в понедельник РИА Новости работники подмосковных станций скорой помощи. Власти Москвы ведут активную работу по предотвращению возникновения пожаров в зелёных зонах столицы в период аномальной жары, что позволяет снизить ущерб от возгораний до минимума. По данным МЧС, площадь пожаров в Подмосковье сократилась почти на четверть — с 174 до 126 гектаров. Город страдает от гари и дыма, которые наносит из Подмосковья, Рязанской и Нижегородской областей. В Москве ожидается двадцатый за лето температурный рекорд. Треть из проверенных газонов в Москве в жару не поливалась. **Содержание кислорода в воздухе почти на четверть ниже нормы. Отключения электроэнергии участились в 2-4 раза.** Московские власти констатировали, что смертность в столице в последнее время «подскочила» вдвое…

— Рептоидов выращивают, паразиты.

— В смысле?

— Ты же слышал сам, нужно несколько месяцев температуру держать, которая необходима для поддержания жизни зародыша.

— А потом?

— Они, скорее всего, производят гибриды. Сами на нашей планете жить более трёх дней не могут. И приняли решение скрестить «хорька, барсука и штопора»… забавные, должно быть, зверьки!

— Похожие на людей?

— Да, в людском теле, судя по всему.

Слава глядел по сторонам и не узнавал столицу. Трёх башенок, по крайней мере, не было видно, хотя стояли практически под ними. Исчезла разница между светом и тенью, и весь город погрузился в серые полутона сплошного туманного дыма. Такой Москвы ему никогда видеть не приходилось! Внезапно он вспомнил случайно услышанную фразу «облучён и квитирован»… Что она означала?

— А ты, случаем, не рептоид? — покосился он с опаской на Лебедева.

Тот громко захохотал. Брови, невероятно длинные его брови, которых Большаков не видел ни у одного человека на свете, зашевелились тараканьими усами.

— Где б ты увидел рептоида с голубыми глазами?

— Но тогда, «бабушка-бабушка, зачем тебе такие большие» брови?

— Эх, касатик, — загадочно улыбнулся Лебедев, — сейчас очутимся прямо у башенок. Только в том времени, откуда прилетели. Пиджак одевай. Выключи кондиционер. Глаза закрой.

— А что с рептоидами?

— Пока не знаю. Есть тут один человечек. Надо будет потолковать, — Лебедев нащупал в кармане консервную баночку, — поехали!

И…

Снег! Слава не удержался и, вспотевший, вышел без пиджака после жаркого смога в этот снег, только что выпавший у МКАД. На него косились другие водители, зябнувшие в своих авто.

— Господи! — упал он на колени, сгрёб ладонями непорочную охапку леденящих снежинок, — Вседержитель. Всевышний. Всемогущий. Сый. Господь. Сущий. Бессмертный. Предвечный…

— Предвечный? — подошёл вездесущий Лебедев.

— Да, именно Предвечный!

— Ты что? Молишься, что ли? Ты же атеист!

— Не мешай!

— Если ты по поводу рептоидов, так не переживай! Они эти опыты уже сто раз проделывали. Ну, не годится им наша планета для проживания! Расслабься, Слав. Да и мы тут на что? Вселенская матрица… она не позволит…

На Москву падал снег. Просто падал. Туманом загораживая небоскрёбы. Оседал на линиях электропередач.

— Я не хочу в будущее, — тихо сказал Слава.

Зазвонил мобильник.

— Светик? — весело прожурчала Дорожкина.

— Да, солнышко моё! — ответил мгновенно изменившийся в лице Большаков, — да, уже еду за билетами…

— Гхы-гхы-гхы! «Со-о-олнышко», — гоготнул Лебедев.

Большаков победно глянул на него, закрывая лягушку телефона:

— А что? Может, вправду, жизнь-то налаживается? Так ты со мной?

— Я-я-я, — скромно опустил хитрые голубые хулиганистые глазёнки профессор, — только прослежу, чтоб тебя рептоиды не украли. — Засветился весь и довольно плюхнулся в овечий ворс сидения, — ведь ты же должен и меня понять. Так прикольно наблюдать за разворачивающимися на глазах новыми любовными отношениями! Всё равно, что глядеть премьеру Голливуда.

— А в будущем тебе разве это посмотреть нельзя?

— Ты изменил положение звёзд. Я, правда, до конца не понял, как ты это сделал, …как ты додумался, коллега!

— Так ты подсказал.

— Да? Склероз! — стукнул себя по лбу деланно Лебедев.

Снег пошёл с ещё большей силой. Наверное, Бог, Сый, Бессмертный, Всевышний, или как его там, решил порадовать москвичей роскошным подарком, зная, что впереди будет дождь. А потом жара. Дым… Только почему-то столица не радовалась. Гневно повизгивая резиной автомобилей, МКАД шорами держала взволнованную кишку пробки. Злобно включали и выключали моторы водители, выбрасывая из окон искусанные окурки в снег. А он всё падал. Белый-белый. Чистый-чистый. Непорочный. Сый. Всевышний. Неубиваемый.

У Славы в голове мелькнула фраза Лебедева о том, что бесполезно спорить, что первично: лёд, вода или пар…

Снег. Первичен снег.

Снег умиротворённо пытался освежить замученную, издёрганную людьми землю. Но Слава знал, что этот снег уже в прошлом.

Часть 2. МАМА

«Если тебе предстоит пройти через ад,
иди как можно быстрее».

(Уинстон Черчилль)

Глава 17. Марсианская цивилизация на планете Землян

Луковица солнца так остро брызнула в глаза, что у Лебедева выступили слёзы. Беспощадный полдень завис в пространстве, как звук очень далекого колокола. В водовороте небесного солнцестояния время закрутилось вокруг алмазно-белого светила бесконечно много раз в секунду. Гипнотически. Подобно часам, у которых сбились настройки.

Контактёр провалился в будущее, увидев сад и женщину. К чему бы она ни прикасалась, невысокая седая женщина, всё отдавалось ей пышным урожаем. О таких говорят, мол, обладает человек даром «зелёный палец».

Вот только почему это не свершившееся пока событие с «зелёным пальцем» вдруг примагнитило? Эта крестьянка не глядела на него сквозь время. Обычно так жены общаются с

мужьями, с которыми прожили не один десяток лет, с любованием, укором и глубинной философией!

Что это за новая проекция?

Приманка Наблюдателей? Не похоже.

Что тогда?

Мы все надеемся на будущее, а оно — на нас!!!

Три дня Лебедев просыпался среди ночи в предчувствии второй части пророчества, воспринимая его, как глобальный кошмар новой любви, нутром, как кошки, чувствуя предстоящую точку сборки или звёздный перекрёсток наложения миров. Теперь не ЮрВедыч строил планы переместиться во времени, а пространство виброметалось, примериваясь галактически вброситься и пролететь сквозь него…

* * *

Причём, вперемешку с будущим почему-то просачивались в мозг очень древние видения гибели марсианской цивилизации, проходили сквозь кожу, ломали спайки и связки сознания…

Ужас и Страх. Страх и Ужас. Фобос и Деймос — так называются два марсианских спутника-астероида, как и Луна, повёрнутые всегда одной стороной к красной планете из-за синхронизации угловых скоростей вращения вокруг своей оси и вокруг планеты. Для контактёра они отражались в стёклах витрин, маячили над облаками ошалелыми привидениями, жужжали в ушах.

Лебедев, беременный этими предчувствиями, зажимал солнечное сплетение, даже когда пил утренний кофе, и старался скорее уходить от людей, чтобы те не увидели в зазеркалье ярких встревоженных голубых глаз приближение астероида.

Его вдруг отбросило за 70 тысяч лет назад.

Астероид всё-таки достиг Марса.

Чирк…

Огромный железо-никелевый астероид убийственной дискообразной формы с заострённой внешней кромкой, размером не более десяти километров в диаметре, залетевший из-за пределов солнечной системы со скоростью около 720 километров в секунду, неумолимо приближался к Марсу. Из-за его относи-

тельно малых размеров и запредельной скорости[1] марсианские космические силы заметили космический объект слишком поздно и ничего уже предпринять не смогли. По выполненным расчётам астрономов, этот астероид-киллер должен был пронестись в трёхстах километрах от поверхности планеты, но, к огромному разочарованию, каким-то роковым образом именно в точке пересечения орбит астероида и единственного спутника Марса — Альгены пути их сходились.

Диск астероида, словно клинок самурая, врезался в нижнюю треть Альгены. Спутник содрогнулся. От сокрушающего удара Альгену разорвало на две неравные половины с огромным количеством крупных и мелких фрагментов в клубах расплавленной породы и облаков пыли. Вместе с Альгеной погибла развёрнутая на ней военно-космическая база; успели эвакуироваться только два вспомогательных космических корабля. Взлетели многие, но почти все сгорели в адском пламени.

Катастрофическое для спутника столкновение почти не отразилось на скорости астероида, лишь на пару десятков градусов изменив направление его полета. «Убийца» теперь летел к Марсу.

Трагедия, развернувшаяся на ночном небосклоне на глазах изумлённых марсиан, выглядела как огромных размеров электродуговая сварка, вулканический взрыв, необъятный фейерверк на полнеба — и всё это одновременно. Охваченные ужасом жители не могли оторваться от этого космического спектакля. Круглоликий, воспетый поэтами любимый спутник постепенно разделялся на два объекта неправильной формы в окружении более мелких светящихся фрагментов. От этой группы космических обломков по направлению к Марсу стремительно перемещался, всё более увеличиваясь в размере, огненный болид. На планете поднялась паника. Часть населения бросилась укрываться в подземных сооружениях.

К счастью, скорость астероида по-прежнему была достаточной, чтобы в значительной степени сохранить свою орби-

[1] Максимально зафиксированная в пределах солнечной системы скорость астероидов не превышает 51 километр в секунду.

ту в борьбе с мощной силой тяготения Марса. Удар пришёлся по касательной, «убийца» срезал полярную шапку планеты и скрылся в бесконечной Вселенной, оставив за собой катастрофические последствия.

Ударная волна от столкновения прокатилась по всему Марсу. От смещения массивов горных пород были разрушены подземные коммуникации и убежища. Укрывшиеся в них жители либо погибли, либо были заживо погребены в грунтовых толщах. Вихрем пригнуло голубоватую серь-траву, вырвало с корнем крупные кусты и деревья. Необъятные облака пыли стали распространяться по всей планете, закрывая горизонт.

С пирамид управления под названием «Ключи от неба» сдуло мелкие вертушки. Лишь тяжеловесные зеленовато-бирюзовые космолёты, межпланетники-гиганты, не сдвинулись с места.

Теперь у Марса образовалось два спутника — оба неправильные эллипсоиды. Наиболее крупный, размером около 22 километров в условном диаметре, приблизился к планете на расстояние до 6000 километров, и его угловая скорость увеличилась до трёх оборотов вокруг Марса ежесуточно. Он наиболее опасен: он продолжает снижаться, что вскоре приведёт к его падению. Это непрерывно генерирует страх. Так его и назвали. Второй спутник намного меньше — до 12 километров в условном диаметре, в несколько раз дальше от планеты. Но вызывает он только ужас[1].

Воздействие ударной волны, однако, оказалось не главным. Сконцентрированный до пределов плазмы магнитный импульс железо-никелевого пришельца в совокупности со сдвигающим эффектом его динамического воздействия отразились на магнитных полюсах планеты. Они одномоментно сместились на четырнадцать градусов, что оказалось достаточным для нарушения магнитного поля планеты. Деградация магнитного поля неизбежно повлекла за собой постепенное «сдувание» беззащитных перед космическим ветром воздушных масс. Атмос-

[1] У планеты Марс есть два спутника: Фобос (греч. φόβος «страх») и Деймос (греч. δείμος «ужас»).

фера начала заметно разряжаться, а радиационный фон на поверхности — каждодневно повышаться.

Астрономы дали неутешительное заключение: «Через некоторое время планета Марс станет полностью непригодной для жизни. Единственная возможность выжить — колонизировать соседнюю планету Земля. Но она уже подходит к точке максимального сближения с Марсом и скоро начнёт удаляться. Если через неделю космолёты с марсианами не покинут планету, цивилизацию не спасти». Была объявлена всеобщая мобилизация.

Не теряя ни минуты, организованно, строго по разработанному графику народ устремился загружать в корабли конструкции многофункциональных обитаемых комплексов, блоки кристаллических аварийных и строительных диспетчерских систем, посевной фонд злаков, оружие, продовольствие, одежду...

Один за другим направлялись они в наиболее пригодную часть суши Землян — в МезоАмерику. Для гигантских бирюзовых космолётов-межпланетников, размером в несколько километров с обоймами прикреплённых контейнеров, едва успевали подготавливать посадочные площадки.

С первыми колонистами прибыли группы естествоиспытателей. Изучая грунт, учёные-натуралисты определили, что растения, произрастающие на Марсе, вполне могут пригодиться и на Земле, если за ними специально ухаживать. Главное — они нашли жидкую воду; воды имелось предостаточно. Пойменные площади сразу засевались кукурузой. Высокие и грубые в своей жестокости, пришельцы обнаружили мелкого роста аборигенов…

Второй десант прибыл на следующий день. Россыпью блох казались сверху мелкие летательные аппараты. Марсиане не стеснялись обходиться с местными бесцеремонно. Если на Марсе по межгалактическому закону было запрещено занимать чужие жилища, здесь это никем не запрещалось. Если на Марсе из-за контроля рождаемости половые отношения с женщинами разрешались один раз в месяц и по контракту, здесь «половозрелых самок» имелось предостаточно без всяких табу. Кроме всего прочего, на земле, кустах и деревьях росло много чего

съедобного. А из перебродивших кактусов можно было «выгонять» хмельные напитки для разжижения марсианской крови.

Жилые и административные дома-трансформеры быстро разворачивались, как зонтики, тысячами. Под управлением кристаллов они, теряя в весе, становились легче пёрышка, двигались вместе с внутренними компьютерными коммуникациями в нужном направлении, меняли форму, объём, цвет, состав. Работали на солнечных батареях.

Полмиллиона марсиан осваивалось на Американском континенте уже с третьим десантом.

Энергия, не пуганная, первобытная, сладкая добывалась из растений, воды, эмоций землян. Разорвал пополам детёныша — энергия! Изловил трепещущую девчонку, затащил за камни — энергия! Вынул из груди сердце обезьяны — местные трясутся от ужаса — энергия! Кровь лилась рекою. Контейнеры энергий прессовались, консервировались, собирались впрок!

На другие континенты пока не совались. Там всё было занято белыми племенами, управляемыми волхвами. Пару раз обожглись от столкновений. Успокоились. Занялись местными.

Шаманы и племена быстро обучались технологиям марсиан. Но всё больше энергетической пищи требовалось для расширения цивилизации — аппетиты росли. Пришельцы очумели от жира!

В подготовленной земной колонии марсиане ожидали прибытия своего Верховного Предкацля.

Верховный Предкацль Марса Оноул оставлял свою почти безжизненную планету, уже приобретающую бурый оттенок, точно запёкшаяся кровь, последним. Будучи самым искусным из всех путешественников во времени, он готовился к непредвиденным телепортациям, поэтому облачился в тоги, снабжённые крепкими кожаными ремнями коричневых летающих рептилий Кацаалей, отливающие зеленоватою чешуёй, на которых матово поблёскивали золотые пряжки.

Приземлившийся корабль Верховного Предкацля был меньше остальных, но ослепил встречающих блистательной свитой и роскошью. Сам он вышел, украшенный зелёными перьями летающего гигантского змея-ящера Кецалькоятля.

У подножья каменной усечённой пирамиды собрались и марсиане, и люди.

На верхней площадке — около ста волхвов.

Неожиданно в самый пик торжества на небе появилась несанкционированная точка, быстро превратившаяся в бесшумно приблизившийся вольфрамового цвета шар, из которого вышло пятеро существ трёхметрового роста человеческого вида с бесстрастными красивыми лицами и удлинёнными глазами. Телепатически они озвучили текст Галактического Протокола предупреждения:

— Вы понимаете, Оноул, что 500 тысяч развитых марсианских существ на маленькой Земле полностью испортят технологиями органический процесс развития людей. Они ведь, как дети!

— А мне плевать! — заорал Предкацль, — мне надо думать о своём народе, а не о землянах!

— Мы предупредили Вас, — спокойно ответили Наблюдатели, исполняющие функцию санитаров Галактики. — Далее пеняйте на себя.

— Я думаю о том, что Марс больше не годится для жизни!

— Мы предупреждали Вас и по поводу Марса. Вы не слышали законов Галактики, — также без движения губ отреагировали трёхметровые существа.

— Так это вы погубили Альгену с военно-космической базой? Мой Марс???

Галактический санитарный патруль без комментариев вернулся по аппарели на летающий шар и мгновенно удалился, сначала превратившись в далёкую точку, потом исчезнув вовсе…

— Из-за этих гадов мы должны теперь приспосабливаться к тому, что нам всем противно! — кричал вослед разъярённый Предкацль, но, оглянувшись, решил восполнить отток энергии на землянах.

Земля, не в пример Марсу, давала хорошие урожаи. Местные женщины были желанны и доступны. Численность человеческой популяции, сколько их не истребляй, саморегулировалась за счёт стабильного воспроизводства. Генетики путём практических опытов создавали в лабораториях новых земляно-марси-

ан. Оккультисты быстро среагировали, как черпать энергию на смерти. Америка уже захлёбывалась от крови, льющейся у каждого выстроенного в виде усечённой пирамиды взлётно-посадочного пункта. Аборигенам вырывали прилюдно сердца, отрезали головы, распарывали животы и вынимали внутренности…

Профессор Лебедев сопротивлялся, как мог, видениям прошлого, но, стоило закрыть глаза, как вихри подхватили звёздным распыляющим смерчем. Вырвавшись из темноты, профессор вошёл в тело шамана, которого будил марсианин:

— Вставай! Налу! Вставай! Оноул снова собирает всех на своей площадке!

Ступени, слишком высокие для человеческого роста, Налу преодолевал с трудом. Болели щиколотки от дефицита кислорода, жажды. Благо, он захватил с собой и спрятал в карман одежды кожаную фляжку с водой.

— Глаза вниз! — орал глашатай под гудение карибских раковин, царапающих вибрациями нервы многотысячной толпы. — Боком! Поднимайтесь боком, чтобы не смотреть в лица богов!

Вода помогала преодолевать судороги в старческих ногах шамана. Внизу собрался, казалось, весь народ. И наверх подниматься не хотелось. Колонизаторы уже настроили для своих летательных аппаратов высокие каменные площадки в виде монументальных усечённых пирамид. И люди земли почитали эти новые сооружения, как храмы — пристанища богов. На самой крупной из них, так называемой теокалли, ждали приближённые Предкацля. Вот с кем всегда оказывались шутки плохи. И, поднимаясь по ступеням, местным служителям культа запрещалось смотреть наверх в лица тех, кто прилетел с неба. Путь на площадку Предкацля шёл не прямо, а спирально по граням пирамиды, всё время поворачивая направо, повторяя рисунок восходящей вихревой свастики. Налу был старым шаманом и, кроме усталости, не опасался уже ничего. И контактёр в его теле тоже был относительно спокоен.

Когда все собрались, шаманы дружно подхватили одинокие трубные звуки, и теперь уже весь пантеон в золотых одеяниях звучно заиграл на океанических раковинах. Оноул подошёл к шаманам Земных племён совсем близко:

— Сегодня, шаманы, вы получите статус жрецов Великого летающего бога-ящера Кецалькоатля, — торжественно и убеждённо демонстрировал Оноул аборигенам собственный космический корабль. — В честь этого события справедливый бог Кецалькоатль требует к себе пять тысяч молодых красивых женщин… Ежедневно, с каждым восходом солнца в течение десяти дней вы будете приводить по пятьсот девственниц, как сегодня, и приносить их сердца в жертву великому Кецалькоатлю!

Земляне смиренно замерли.

Огонь, зажжённый марсианами в центре теокалли, вздрогнул. Отблески пламени отразились на привезённом крупном хорошо обточенном круглом чёрном жертвенном камне с выемкой посередине и с медным кольцом.

Пять сотен девичьих стонов единовременно вырвались из груди. Шаманы сделали шаг назад.

— Это ошибка! Какая-то ошибка! — эмоционально не сдержался профессор Лебедев, воззвав к присутствующим голосом Налу.

— Что ты сказал? — вгляделся в землистое лицо аборигена Оноул, — опусти глаза! Кто ты такой, что можешь со мною говорить? Так говорить?

— Не важно, кто я! Важно, что нельзя убивать этих женщин! Планета опустеет, и некому станет рожать детей! А если не станет детей, некому будет возделывать поля и собирать урожай. А если не будет урожая, то вы и ваши люди не доживут до седьмого ливня!

Предкацль опешил от неслыханной дерзости шамана, и это заставило его вглядеться внимательнее в структуру его энергетического поля. И тогда Оноул ухмыльнулся.

— Хорошо! Кецалькоатль отказывается от этих женщин. Он справедлив. Но поднявшему глаза я сделаю Кама-нада-рдрату! — и без предупреждения впился в зрачки Лебедева, находящегося в Налу.

От боли и стыда ЮрВедыч, с разорванным в клочья сознанием, заорал не своим голосом. А Оноул ворвался во временной континуум, отлистывая тысячелетие за тысячелетием рёбрами контактёра. Промелькнула катастрофа землян, потоп, Вавилон-

ская башня, Париж, Россия, Китайская стена, а за нею — дерзкий бросок Гагарина в Космос…

— Кама-нада-рдрату… — орал Лебедев, вскакивая с кровати…

Из глаз его вылетел сизовато-дымчатым смеющимся змеем Оноул, завершая процесс телепортации посредством чужого тела в теле шамана, чтобы вернутся к теокалли.

— Бррр… — стряхнул наваждение Лебедев, — ну, зараза! Паразит!

Глава 18. Мыслительные метания Лебедева

Ни в одном источнике ЮрВедыч не мог найти нужную информацию о древней мексиканской цивилизации.

Небольшая копия Статуи Свободы — символа Америки, поселилась на рабочем столе профессора. Он долго пристально вглядывался в неё, ожидая нового Кама-нада-рдрату, но безрезультатно. А только по желанию вернуть себя в дни марсианского пришествия не получалось.

* * *

Счастливый Большаков, «с потрохами» покорённый Дорожкиной, был теперь усердно вовлечён в медовые месяцы. Встрепенувшийся вместе с ним окружающий мир стремительно замелькал новыми красками в непрерывном калейдоскопе событий. Зиму сменила весна, за нею уже махало платочками лето, заставляя жалеть и грызть локти за преждевременно отгулянный в зимнем Геленджике очередной отпуск…

Вроде прошла секунда — и он второй раз женат! Миг… а от первого брака уже стали взрослыми дети! Один за другим родились внуки… И это происходило само собой, как бы его не касаясь, как будто у Бога и мировой матрицы после временной передышки, уместившейся в зимне-весенний переход, были на Большакова совсем иные стратегические планы.

Миг, один миг — и в заведениях несколько раз сменились коллективы… и вот уже Светослава Петровича узнавал разве что валидатор, идентифицировав черты лица по электронно-

му пропуску… Миг, один миг — но как горько и несправедливо постарела беззащитная перед беспристрастным временем мать…

Разглядывая её образ на фотографии, Большаков грустил больше от невозможности вернуть богинеподобное, обрамлённое светлыми, очень светлыми волосами материнское лицо с персиковыми щеками и сверкающей синевой глаз.

Но в чём парадокс времени? Иногда годы для судьбы являются лишь мгновением. Зато мгновение превращается в вечность, если он не может созерцать любимых глаз Верочки. Накатывают думы, а любит ли она его также вселенски-страстно, или нет? Сердце верило, что их чувства взаимны. Её глаза не могут лгать.

Они не менялись, эти чарующие озёра жены и матери, оставались нестареющими. Ну, разве чуток углублялись глубинные их тени. Очи двух главных женщин жизни Светослава Большакова как были любимыми, так и оставались, вынуждая ежедневно задыхаться от нежданного открытия: Любовь вечна!

* * *

С мамой он теперь общался регулярно. Созванивались каждую неделю.

— Буду помирать, ты особо не переживай. Я ж не навсегда...

Странное это заявление матери преследовало повсюду. Произнесла с улыбкой, даже как-то ласково. И Славка не особенно-то обратил внимание.

Ждал весны, как договорились.

И ждал, когда расцветёт сад, чтобы показать жене родимый дом.

Дорожкина становилась ему всё ближе и ближе. Большакову нравилось в ней всё. По сути, она напоминала молодую картошку, не разваристую, не приторную, не перекрахмаленную. Вот и не мог он до конца наесться.

* * *

ЮрВедыч, оставшийся на весь остаток зимы без счастливого Славки в гордом одиночестве, не отчаивался вовсе, а пытался

разгадать переплетение пространства, зовущего на приключения самое мягкое место его естества — его удивительный и неповторимый мозг!

Мысли дерзкими, своевольными чертями роились то в мозгу, то, казалось, уже вокруг. Скакали, пощипывая и покусывая! Приходили они и во снах, сопровождали в метро — запрыгивали на плечи чуть ли не на каждой ступеньке эскалатора. Иногда Лебедев даже жалел, что оказывался без блокнота и карандаша, ведь дельные мыслишки стали с возрастом просто забываться, стираться из памяти. И, добравшись до чистого листа бумаги, как до зеркала, профессор редко обнаруживал там отражение!!!

Но бывали другие мысли, рождающие мировые открытия в построении матриц и графов. Возможно, что это являлись уже не мысли, а помыслы. Промыслы. Выводы. Как тот самый пресловутый «логос», о чём спорили друзья с Онуфрием в старой церкви. Такие мысли не уходили. Они были венчаны с профессором небом. Не мысли уже тогда вились-увивались за Лебедевым, а уж он следовал за ними. Лишь ведомый. Они ведущие. Те мысли, в которых заложены ГЕНЕРАЛЬНЫЕ КОСМИЧЕСКИЕ Цели. Символы. Откровения. Смыслы.

* * *

Настоящая весна наступила лишь с началом мая.

Но зимний холод, арктическими языками цепляясь за ноги наступающему теплу, не давал земле прогреться.

Будущее дразнило неизведанностью. Там душа будет вживаться в другие тела.

На перепутье Лебедев «сломался». Завис в компьютерных играх. Позволил себе уйти от реальной жизни настоящего, будущего и прошлого. Совсем. В виртуальный мир.

Проделал путь от начинающего юзера до геймера. Повторил цикл развития эмбриона в животе матери. Только в вирчуэл — в электронной утробе, с такой же выдуманной нематериальной душой.

Будто в околоплодных водах, в океане зарождается новая жизнь. Пока это маленький червячок. Вселенский разум наблю-

дает за развитием этого червячка на предмет отклонения. Усложняет условия. «Созревший» мыслительный орган проводит по спиральным кольцам развития, вводит в социум. Предоставляет новых людей со всё более совершенным разумом. С новыми возможностями. В новом воплощении.

А если есть изменение уже на той стадии червячка, Вселенная вглядывается в его утробное развитие с интересом и неким любованием.

— Вот он — рост цивилизации! — вопит осиливший сложный уровень компьютерной игры профессор. — Вот оно — будущее Земли! Галактики! Космоса! Вот оно — поступательное совершенствование души, формирование расы! Как всё просто. В памяти системы всегда откладывается возможность праправнукам червячка совершать развитие — совершенствоваться в творчестве. В созидании нового…

Это было мировое открытие! Нечто рождается на девяносто девять процентов в точности, как предыдущее. Но именно на этот один процент и направлены усилия Бога. Космоса! Мириад звёзд. Она символична, эта игра. Это победа жизни. Да. Но привычки другие.

Уставившись в монитор, профессор пытался собрать в единое целое бессвязные отрывки мыслей — то, что являлось важным в эту минуту.

— «Я не виновата, что учителя меня выбрали!» — кричала из монитора образовавшаяся душа. Создание базы будущей цивилизации теперь зависело только от неё…

* * *

Лебедев представлял, будто на машине времени проникал в этот мир, или в мир ушедший, или в будущий, а попадал в компьютер!

Очаровывался им. Управлялся им. Кенди-Кенди — его личико. Милое, с большими глазами, как у инопланетянина. Мощное квантовое управление машин.

Жить в машине, сказочно интригующей пространство, ему нравилось. Привольно даже как-то. Бейся себе в гейм. Ни за что не отвечай. Всё делает программа.

Может, также играют в нас те самые боги с того же пресловутого Марса, или с Нибиру, что развели миллионы тварей на земле?

В море — рыбы. В небе — птицы.

Люди — в геймах. Лебедев снова и снова зависал в компьютерной игрушке. Как хорошо было видеть мир картинками. Комиксы увлекали. Лишали воли.

Надвигалось что-то страшное. Или неизведанное, что, по сути, одно и то же.

И Лебедев так в вирчуэле копил силы.

Но дёрнулись остатки воли. Разум отбросил его к римлянам на пять тысяч лет назад. А потом будущее примагнитило, и он снова попал в чат. И выбраться уже не мог без посторонней помощи. Ослаб.

И лишь Светослав, завершивший дела и коротавший время перед ужином, выдернул его из зазеркалья телефонным звонком:

— Нельзя! Зачарованный! Приколдованный виртуальностью, играющей в людей…

— Вот что я понял, — обрадовался другу едва пришедший в себя ЮрВедыч, — подпитка виртуальной энергией у людей иногда бывает колоссальная. Потому что создание каждого нового виртуального мира — что рождение ребёнка. Инвариантов выбранных событий — тысячи.

— Лебедев, ты сумасшедший! Я тебе, как социолог, говорю. Оставь компьютер! Там происходит сужение сознания.

— Объясни. Почему сужение? Мне кажется, я…

— Представь схему. Соцсеть разрешает пять тысяч друзей. Но видят тебя лишь двадцать. Видят только те, кто тебя одобряют. Ты убираешь не понравившиеся тебе комментарии. И несимпатичных тебе людей. Создаётся иллюзия некоторого нарциссизма. Все, кто в соцсетях, — правы! Их поддерживают друзья и родственники. А если кто-то скажет другое мнение, его либо удаляют, либо обвиняют в том, что человек завидует. Это опасно отсутствием личностного роста, Лебедев. То же самое в гейме. Ты проходишь путь, который тебе рассчитали заранее создатели пути…

— Ты в меня не веришь?

— Лебедев, ну ты попал! Ты попал в компьютер! В ящик! Ты деградируешь и скоро превратишься в клетку. А система? Простит ли она твоё блуждание? Ты перепутал материнское лоно и машину! Ты идиот!

Контактёр, наконец, обиделся, понял, что словами ситуацию не разрулить и «отправил» себя в параллельный мир. Да не только лишь себя, но и Славку захватил. Оттолкнулся от его телефонной трубки и упал глазами вперёд. Зрачки стукнулись о преграду межвременья, как о поверхность воды.

Вспышка обожгла обоих.

— Что ты наделал? Ослепнем! Ты же сам учил … А-а-а-а.

— Видишь? — зацепил за локоть Славку ЮрВедыч и протащил на несколько сот лет вперёд, — Единет, как общий мощный планетарный компьютер, реализует все исторические базовые знания суперповерхности и всех, кто до, и тех, кто сейчас, и каждого вновь рождённого организма, ещё не отделившегося от матрицы Времён! Здесь уже не Иисус Христос берёт на себя все грехи: и те, что до него, и те, что во время, и те, что после, а то, что ты назвал ящиком! Машина! Единет!

— Это надо было делать, похитив меня из дома за полчаса до ужина?

— Да! Именно за полчаса до ужина! Ибо впереди нас обоих «ждут Великие дела»! Поверь. Потому что через сто лет человекам надоест жить. Они чаще будут выходить в астрал. Как в отдушину. Таково безрадостное будущее. Романы и книги превратятся в короткие сообщения. Мини-общения. Мини-истории. Жизнь начнёт скукоживаться. Интересы — упрощаться. Увлечения компьютеризируются. Механизмы известны. Путь предопределён. Но личный путь, всего один процент — твой личный шанс на спасение. Он сможет сотворить новый виток цивилизации!!! Спасение, твоё и моё, — в развитии Бездны! И, если Бог взял на заметку твою душу и позволил нам сейчас говорить об этом процессе, обсуждать его, осмысливать, значит, у Вселенной появился шанс!

Друзья оказались снова в Геленджике. Город уже вовсю готовился к курортному сезону. Однако пляж пустовал. И они, не сговариваясь, засучили штанины и пошли бродить вдоль берега по мягкой, не агрессивной, но всё ещё холодной морской волне.

Большаков глубоко вздохнул и облегчённо положил руку на сердце, которое за полгода «букетной жизни» отвыкло носиться по мирам за Лебедевым.

— Это беда! — тем временем продолжал доносить свою тревогу за отставший на пару тысячелетий от его разума мир Лебедев. — Заниженная колоссально самооценка современных душ — вот проблема космического масштаба!

Профессор, совершив замысловатое движение рукой, даже защиту от Наблюдателей поставил, чтоб не помешали ему выговориться. Теперь тонкие эфирные экраны не давали возможности проникнуть враждебному миру в обсуждаемую тайну учёных.

Лебедев говорил громко и возбуждённо но, кроме Славки и волн, его как бы никто больше не слышал.

— А знаешь, в чём реальные Эфиры сумасшедшего космоса? Наша Галактика Млечный путь, ну, можно сказать, две третьих её величины, прямо сейчас заглядывают в нас. Ты чувствуешь?

Славка помотал отрицательно головой.

Он этого не чувствовал.

— А-а-а! — продолжал его внешне не очень адекватный друг. — Многотысячными глазами! Изучают души! Дозрели ли мы до них? Нет? А это, это очень интересно. Дайте-ка полюбоваться Лебедевым и Большаковым, — ёрничал профессор, — полюбопытствовать…

Славка терпеливо слушал. Он привык к таким выпадам друга.

— Эти любознательные и любомудрые сверхсущества, эфиры-гиганты, могут нюхать наши миры! Трогать их! Заглядывать в глаза! — кричал Лебедев. — Нюхать глаза наши, — и Лебедев стал изображать, как нюхает собака, — фу-фу-фу!!!

Тем временем эфирные существа оболочно-серебристые и голубоватого искристого цвета действительно окружили их, выходя из моря, как богатыри, и на долю секунды даже Славка смог их увидеть. А может, показалось.

— Им очень интересно поддерживать нашу жизнь, — продолжал профессор, деланно кланяясь невидимым божествам, — наблюдать за развитием нашей жизни. Участвовать в ней. Направлять тех, кто видит, чувствует, иногда слышит, как котят к блюдцу с молоком знаний. Тех, кто понимает, что они

шепчут глазами в глаза. Феномен безвременного прошло-будущего галактики. Он многозвёздно прекрасен.

— Однако же, — улыбался Большаков, — тысячи лет психопаты рвутся не к знаниям, а к деньгам и власти.

— Это были нижние астралы. Грубо говоря, их антиподы. Они достали Вселенную!!! — отмахнулся Лебедев. — И Наблюдателей галактических тоже, кстати.

Вышла луна, как одна из главных релаксов. Её изрезанное волнами на тысячи длинных светящихся лент отражение засветилось в море.

Лебедев взял за руку Славку, и они очутились на кухне, где Верочка дожаривала к ужину курицу.

Облицовочная плитка со стен столовой сотнями глаз уставилась на собравшихся людей.

— Видеть в плитках разные лица... — спросил Лебедев хозяйку, — у кого-то получалось?

— Тысячу раз, — ответила скорая на мысль жена Большакова. И обняла супруга, снисходительно поглядывая на гостя.

Керамическая плитка, раскрашенная, как ляжет краска, являла обитателям дома каждый раз удивительные образы!

— Прошу за стол! — пригласила Верочка.

К её удивлению, ЮрВедыч вежливо откланялся. Один из образов на стене настойчиво сигнализировал, что ему немедленно следует оказаться у своего компьютера.

Для того, чтобы накинуть на плечи вихревой плащ путешественника и оказаться на рабочем месте, потребовалось не более секунды.

На мониторе он узрел отражение трёхметрового наблюдателя, галактического санитара.

Не поддаваясь волнению, а больше что-то пытаясь ответить, только уже себе самому, Лебедев спокойно и рассудительно произнёс:

— Перемещаться в слоях времён — это моя жизнь! Да?

— Да, — подтвердил наблюдатель.

— Отражение в плащанице.... или в компьютере. Ты слышишь меня? Ты рядом стоишь? За спиной? Или из соседней галактики?

Отражение на этот раз промолчало.

— Я знаю тебя? Я знаю, …я уже видел тебя, и, кажется, сотни раз. Да?

Отражение опустило глаза.

— Я прав в этом, да? Люди, некоторые души, не перевоплощаются. Это Наблюдатели. Они превращаются в камни. В скалы. В водопады. В деревья. В изображения на иконах. В статуи. В старых кукол. Они застревают в них. Пугая. Манипулируя. Поглощая энергию. Скажи «да»! Только одно слово.

— Да.

— У тебя разные образы. Всегда разные лица! Игра волн и моря. Пены морской. Релакс луны в Геленджике…

— Ты — один из посвящённых! — металлическим голосом утешило привидение. — Ты уникален! Ты это хотел услышать?

— Угу.

Осмысленный взгляд стража времени погас. Он медленно растворялся.

— Эй! Погоди! Раз ты пришёл… и так спокоен… Мне пора готовиться к главной работе?

— Готовься! — ответил утвердительно беззвучно взгляд.

Глава 19. Рождение Надежды в Вере

Верочка Дорожкина ещё не привыкла к присутствию в её жизни взрослого мужчины, и сейчас, после бани, она невольно залюбовалась новоиспечённым мужем. Да и замерла от возрождения сознания, увлекаясь очарованием разноцветной красоты, показавшейся ей божественной. Розово-алые, распаренные в парилке щёки. Неправдоподобно тёмно-голубые глаза. Чуть тронутые на висках сединой вьющиеся тёмно-русые волосы. Деликатная нежная улыбка правильно очерченных ярких губ, не скрывающих ровного ряда здоровых зубов. Но главное — свет любви во всех словах и жестах, как ответное восхищение ею, её телом, лицом, душой, поступками. Всеми, до единой, мелочами. Предупредительная вежливость и уступчивость, зрелость, солидность, что называется мягким характером.

— Большаков! Ты меня балуешь! — не удержала она восхищения и добавила почему-то почти шёпотом, — ...ты... такой красивый...

— Да где там?!... Тоже, скажешь, — смутился мужчина, зачем-то поправляя чуб.

А ведь это любовь, наконец, пробудила взаимность, мутную пелену нелюбви с глаз снимая.

* * *

Высохла в лесу осина, что неподалёку от дома матери стояла без веток. Ветки давно ветром оторвало. Не осина, а столб, местами без коры даже.

Почему не срубить!

Взяла Надежда топор. Срубила.

— Дум-м-м! — упало сухое дерево. Стукнулось оземь кривой верхушкой.

Распиливала долго. Умаялась. Отвозила на тачке по несколько брёвнышек. Поколола на дрова. Устала.

Медленно покормила птиц. Медленно вышла во двор.

Стояла. Смотрела в небо. Что та сухая осина без веток. Детей вокруг — никого. Весна. А сердце не радуется. Устало радоваться сердце вёснам.

Что в том небе Надежда разглядеть пыталась?

И от грусти, наверное, пролилась печаль неизбывная с неба. Да не дождём, а запоздалым холодным снегом.

Зима!

Печаль та песнею снизошла. Песней разлуки. Укутала саваном первую зелёную траву.

* * *

Под утро снился Славке сон, точно идёт он по вишнёвому саду, чёрные ветви так густо усыпаны цветами, что их почти не видать! Слегка качает их ласковый ветер. Ароматные, тончайшие, легчайшие лепестки цветущих вишен срывает и бросает Славке под ноги. И идёт будто бы Славка прямо по ковру из белых этих лепестков.

И видит: навстречу ему в блистательном светлом платье — мама! И будто бы она молодая совсем. Белокурые её волосы, как у зайчонка, ветерок ласково колышет. Руки она раскинула. Побежал Славка, как ребёнок, чтоб быть поднятым от земли…

И проснулся.

* * *

— Светик! Черёмуха! — воскликнула Верочка.

Муж тут же среагировал, как на приказ. Остановил машину.

Невдалеке от просёлочного бездорожья источало блаженный аромат широкое, высокое черёмуховое дерево. Влекомые его великолепием, как заколдованные, влюблённые моментально оказались под ним. Губы к губам потянулись. Руки — к рукам.

Весна!

В порыве страсти забыли обо всём: и о том, что в любую минуту могут явиться Наблюдатели, что ЮрВедыч также готов зыркнуть из-за дерева, что едут, наконец, в дом материнский.

Всё!

Целовались, в белопенных ветвях укрывшись, безумные — мозги навылет! Доцеловались до одури. До ломоты вселенской. Слились телами так яростно, что треснула подушка неба, и пошёл из неё белым пухом майский снег.

Видать, туча, на родительский дом некстати майским снегом опрокинувшаяся, до них добрела по небу.

* * *

Расходилась по округе майская гроза. Ветра много. Дождя мало. А по краям тучи — снег. Не всем достался, а кого-то достал.

С крыши дома Надежды ливнем сбило пыльцу, да всё на слив в поливную бочку! Нектар зеленоватый молоком взбило.

Закрутило коловратом пыльцу в водяной воронке, что смерчем Карибским вернувшуюся… осень!

Занялась Душа, уставшая жить. Поддалась очарованию вихревых потоков. Отлетела.

— А-а-а-а…

* * *

Вдруг за цветом черёмуховым увидел Светик чёрный круг-кольцо внутри бездны многозвёздной. В круге чёрном — голубая галактика с синим ободком. И — яркая вспышка, точно лист кленовый разорвавшаяся звезда, сверхновая, по центру которой яркий бело-жёлтый свет, от которого шли трещины прожилок. Всё ярче лист тот галактический голубым огнём горит, точно зовёт и манит заглянуть в этот дикий первозданный свет животного любовного обоюдного оргазма.

Вечность!

* * *

Чёрный круг галактический среди звёзд — труба-ход. А внутри — красный лист кленовый с бордовым окоёмом. По центру — белый огонь всепожирающий, точно глаз, остро глядящий внутрь души, не мигающий. Приближающийся.

Смерть. Рождение. Междусмертие. Междужизние.

Замерев, созерцала Душа Надежды растущий от него, от этого света, красный лист кленовый, и рассыпающийся, точно кто-то взял звёздный костёр этот, да и разворошил. Мощный энергетический всплеск в тот самый миг, когда Верочка, разрываемая эмоциями, закричала, и Светослав в унисон застонал в экстазе, разбил пространство на множество красно-огненных углей во тьме. Хлад космический гасил эти шипящие угли. А точка света выросла в апельсин. Апельсин — в арбуз. Арбуз — в солнце. Солнце — в широкий божий свет, окутавший мягкой нежностью облаков туманное молочно-облачное озеро нового рождения.

Душа успокоилась. И обрела на миг то, о чём мечтала.

Безвременье!

* * *

А-а-а… — безудержно и бесстыдно, пока сознание не вернулось в реальность, выплёскивался торжествующий крик любви Веры Анатольевны Дорожкиной над черёмухой.

Светом белым вдруг высветило небо. А в лоне её зародилась новая Душа. Пенкой закрутилась, втолклась к сердцу ближе

толчками мощного поршня любви. Ввернулась спиралью времён. И стала её личным продолжением.

Песня!

* * *

Пока любились сердца под благоухающей цветущей черёмухой, вьюжила вокруг планета, белой пеленой влюблённых занавешивая. А как отлюбились, так и снег перестал.

Яркое весеннее солнце живо белизну опавшую небесную выжгло. Трава напилась, зазеленела новой силой. Соловьи наперебой песню солнечную подхватили, кто попереливистей, да на все лады оркестром триумфа.

Загрохотал гром, суля путникам не то новый дождь, не то снег, не то град.

— Поехали!

Сели в машину. Покатили дальше. Сняли на несколько дней в ближайшем отеле. Без звёзд.

Сказка!

* * *

Как померла, земля ещё мокрая, тяжёлая, холодная была. В такую картошку посади — не взойдёт!

А мать отлежала в гробу три дня. Тёплый дождь землю пролил. Черви взрыхлили. Выползли к теплу. Знак хороший.

Середина мая, а земля уж прогретая и рыхлая, что пух! Лёгкая.

Соседи на кладбище зарыли тело, что пустой использованный душою контейнер. Дальше по делам своим деревенским разбрелись, кто куда.

Жизнь!

* * *

Доехали-таки влюблённые до деревни, где мать жила. Калитку отворили.

И всё, как в своём сне, увидел Славка. И сад, весь сплошь розово-белый. И лепестки под ногами дорогу ему белую выстелили. Аромат, как в раю.

Только никто не выходит из дома.

Никто не встречает.

— Вы к кому? — кричит соседка из-за забора.

— Я к матери приехал.

— Так опоздал ты, милок. Мать-то твоя не дождалась. Померла…

Смерть!

Глава 20. Вековая печаль

Заключённая в хвостатый зародыш, Её Величество Душа страдала. Возможно, в разы сильней, чем мучился когда-то передающейся по наследству невостребованностью Большаков. Хотела забыть что-то. Горькое. Гордое.

Одиночество!

* * *

— Назови имя Бога, — шепнул мятежной Душе ЮрВедыч.

— Как узнать имя Бога?

— Ты называла уже…

— Когда?

— Вспоминай! Ты должна выстрадать, осознать…

Душа зарыдала на груди ЮрВедыча, так лишь алкоголики рыданиями упиваются в тяжёлом похмелье или отпетые грешники, что выворачиваются у ликов святых в церкви.

— Не хочу-у-у больше жии-и-ить! — рыдала бедолага…

ЮрВедыч испугался. Мгновенно телепортировался обратно.

* * *

— Слушай, тут такое дело… — явился запыхавшийся профессор перед Большаковым прямо на кладбище.

— Принимаю твои соболезнования, — скупо отреагировал на появление Лебедева Славка. Желваки играли на щеках.

— Видишь ли… как тебе это популярно объяснить… — озабоченно зашептал ЮрВедыч, — твоя Вера беременна.

— Да, ладно? Когда успела, у неё ж эти дела только были???

— Я даже знаю, кто там внутри…

— ???

— Там мать твоя, Слав!

Светослав так выпучил глаза, что они стали квадратными.

— И она страдает,… боюсь, мы потерять можем плод…

— И что делать?

— Назвать имя Бога.

— Опять?

— Опять. Только не тебе. А ей. Матери твоей. Надежде! Она там жуть как изводится. Вообще мрак! Не знаю, что делать,… правда. Может, ты с ней поговоришь?

— И что предлагаешь?

— Я? — сделал равнодушный вид профессор. Но ненадолго. Тут же продолжил заговорщицки шептать, как будто кладбищенские могилы могли их подслушать. — Ну, раз мы смогли в мозг к умирающей Катерине Лаврентьевне вдвоём войти, то в околоплодные воды — все шансы!

— Ты только, прошу тебя, ничего Верочке не говори! — включился, наконец, в сложную проблему Славка.

— Да она ещё и не знает, что беременна. Сроку-то несколько дней! Душа-то там вообще не знаю, как зацепилась. Еле-еле теплится…

— Сердешная! — Славка вздохнул, думая, говорить или не говорить ЮрВедычу о пережитом счастье… решил сказать, — это мы под черёмухой, видно… видел я там эти пептидные круги безвременья.

— Значит, мать твоя как раз в ту минуту и отошла в мир иной, и, практически, тотчас оказалась в твоём зародыше!

— Я не верил бы в это…если бы…

— А ты верь. Теперь твой единственный Бог — МАМА! Теперь вникай. Бог твой, мать, и он же твой не рождённый пока ребёнок в ба-а-альшой беде! Будущее её и твоё, и моё, и Верочки от нас зависит. Слово надо для неё найти. Понимаешь?

— Да, понимаю, — ответил Славка, — слово! Сначала было слово — промысел Божий… Мысль.

— Сначала была тайна!

* * *

— Не мешайте мне вкушать световое блаженство рая, — прошептала Душа ЮрВедычу.

— Уходите!

— Я расту…!

* * *

— Мама?

— Мама? Ах, да. Ты — мой сын. Я помню тебя. Ты меня не любил.

— Любил!

— Нет. Я знаю. Здесь никто не может обманывать.

— Значит, я говорю правду.

— Да? Тогда почему мне всю жизнь было одиноко?

…

И боль разрезала две души.

И третью — ЮрВедыча, что находился рядом:

— Вот ведь, вляпался! Я же говорил! Даже из машины вышел! Мать любить надо!

* * *

В это время по непонятной причине изжога обожгла желудок беременной женщины, и полился изо рта поток горькой воды. А потом лишь одна кислота, ядовитая, едкая, схватившая зубы так, что эмаль растрескалась.

— Почему беременных тошнит?

* * *

Новое путешествие дало новый ответ Души:

— Ты не любил меня, — сказала она Богу-Сыну, Богу-Отцу единственную свою правду и не ужаснулась её безобразности. Так нескромно показалась она. И далеко не деликатно. Совсем не так вела себя в жизни. Теперь она не боялась обидеть. Не боялась огорчить. — Ты не помогал, когда картошку копала. Поясницу от лопаты ломило. Только баней и спасалась твоя мать. А ты не помогал!

— Мама! Мамочка! Ты родись только, родненькая! Ноги! Ноженьки твои целовать буду! Какашуленьки за тобой с пелёночек выстирывать. До гроба любить тебя буду! Мама!

Душа улыбнулась.

Ничего не ответила.

Нежностью окутало пространство.

Благодатью.

— Я верю. Но я не хочу больше маяться. Устала я, Светик мой.

* * *

Объединённые единой тайной, ЮрВедыч с Большаковым чаще стали уединяться на лестничной площадке, хотя ни один из них не курил. Верочку временами слегка подташнивало, и она, не понимая, что происходит, запланировала визит к врачу.

Профессор наседал на Большакова, не умолкая, рассматривая разные версии общения с матерью. И при личном общении. И по телефону. И во множественных сообщениях, которые посылал, пока Славка спал с женой. Приходилось на ночь даже отключать телефон, спасаясь от его «мозговых штурмов».

— Лебедев, — не вынес дикого прессинга Славка, — а чё ты писателем не стал?

— В третьем классе вышел в пространство, подсмотрел, как гусляр песню-сагу излагает у перекрестья трёх дорог. Ну и в его стиле-манере настрочил сочинение на тему, как я провёл лето: «И поехали мы. И видим — лес. И зашли в этот лес. И было там грибов видимо-невидимо. И…»

— И что?

— Учительница по русскому языку и литературе позачёркивала все мои «и» и влепила позорный трояк. Ибо если ты ученик, а не писатель, и тем более не исследователь, не учёный, изволь выучить правописание этого года цивилизации! И не путай времена со стилем!

Глава 21. Первое шевеление

Верочка готовилась стать матерью, ибо тест показал две полоски.

Светику она объявила эту новость, торжественно вереща. Тот прикинулся, что ничего не знал, и подхватил на руки. Закружил по комнате. Устроил пышный вечер в лучшем ресторане Москвы.

Плод зрел. С внедряющимися в околоплодные воды собеседниками его сознание общалось неохотно. Это значило, что сама Душа ещё не приняла окончательного решения: рождаться ей на этом Свете или нет.

Контактёры чувствовали за собой особую ответственность и почти ежедневно нарушали Законы Галактики, дёргая бесконечно Бездну путешествиями. Безнаказно это долго продолжаться не могло. Ошибка перемещений однажды должна была произойти. Так и вышло.

— Что вы тут беззаконие устроили? — неожиданно из окружающего пространства ввалились в женское лоно Наблюдатели, — вы понимаете, что нарушили все возможные положения основных Галактических законов?

ЮрВедыч мгновенно сник, зная, с кем имеет дело. С теми, кто Марс от жизни отключил! Неудачное движение, и его распылят, развеют:

— Да мы тут душу-самоубийцу-страдалицу спасти стараемся…

— Что-о-о? Карму? Да как вы посмели разрывать кольца Сансары?

Наблюдатели приступили к санитарным функциям, начали квитирование окаянного неуловимого Лебедева. Он бы давно ретировался, но не бросишь же Большакова одного.

А для того было очевидно, что без профессора вся их миссия становилась бессмысленной. Напряжение нарастало.

— Это я виноват! — заслонил друга Славка. — Я!

— В чём? — равнодушно запросил дополнительную информацию старший, — в чём ты виноват? Сам-то хоть понимаешь?

— Не любил я её так, как…

— Как?

— Как сейчас люблю!

Любовь и Знания — две сути, зачем направляют Наблюдателей на Землю. Санитары замешкались. Ведь человек назвал код одного из них:

— А как сейчас? Любишь?

— Больше жизни… — твёрдо и тихо прошептал Светослав, удивившись собственному прозрению. Сердце его заплакало. И он почувствовал, что сердечко его будущей дочурки тут же откликнулось и ответило трепетным биением, только чуть быстрей.

— То есть ты готов на обмен? Мы квитируем тебя, а он останется?

— Готов, — не дослушав вопрос, воскликнул Большаков.

И тут что-то вдруг произошло со страдающей душой матери.

— Не да-а-а-а-ам! — зарычало всё её естество. — Это мой дом! И это мой сын! Я всю жизнь ждала смерти, чтобы посмотреть сон рождения! Чтобы выяснить до конца, где и в чём причина, и как убрать эту вину! Не мешайте мне думать! И вспоминать!

Эмбрион дёрнулся всем тельцем, одновременно заслонив собою и Славку, и ЮрВедыча, и, радуясь тому, что первое шевеление получилось, вторым движением уверенно задвинул незваных гостей по стенкам утробы.

— Вон отсюда! Это мой сон!

Наблюдатели, удивлённые такой решительной воинственностью, а больше сконфуженные пикантностью своего нахождения, мгновенно удалились. Ведь занимать чужие жилища межгалактическим законом, который они ревностно охраняют, как раз категорически запрещалось.

— Ого! — удивился профессор.

— А вы что тут делаете? — грозно продолжала защищать своё пространство мать, обращаясь уже к контактёру и к сыну, — вас это тоже касается!

Упругая и восхитительная женская энергия выставила их из собственного околоплодного моря, как песок с дорожки смела.

В тот миг беременная странно улыбалась, прикрывая шевельнувшийся животик. В окно бухгалтерии она увидела, как, сломя голову, вбегают ЮрВедыч и Славка, перебивая друг драга, вопят:

— Что?

— Как?

— Как ты себя чувствуешь?

Ладонь Дорожкиной на животе.

Туман в очах волооких:

— Зашевелился.

— ???

— Ребёночек зашевелился.

— Запомни это число, — тут же успокоился ЮрВедыч, погрозил пальцем Верочке.

— Зачем? — улыбалась красавица, заглядывая в себя, прислушиваясь, а вдруг ещё раз шевельнётся,… а вдруг показалось?

— Половина срока! — поднял глаза вверх ЮрВедыч. — Отсчитывай ровно четыре с половиной месяца, и в срок родишь.

Женщина взяла руку Славки и тоже приложила его ладонь к животу.

Чувствительные пальцы распознали из чрева мягкий толчок. Такой неожиданно нежный и тёплый…

* * *

Больше мать их «к себе» не пускала. Сердилась, наверное, что в непотребном месте потревожили.

Лишь ЮрВедыч прорвался однажды на секундочку, расспросил, тактично обхаживая, как всегда:

— Ну, ты же знаешь имя Бога.

— Знаю, — ответила душа Надежды.

— Так назови…

— Я подумаю…

* * *

— Она должна забыть то время в нелюбви… — размышлял сын, бродя по коридору, как оцелот в клетке. Контактёр, наблюдая за ним, водил головой, словно зритель на теннисном матче.

— Чтобы ей забыть, надо жить в любви.

— Это слишком просто.

— А как?

— Ей надо назвать имя Бога.

— Светик?

— Ну, ты дурак! Какой Светик?

— Почему дурак?

— Говорил же — мы разные, у каждого свой Бог.

— Но ведь она моя мать, значит, Бог у нас один.

— Вообще не факт! Ты — мужчина. Она — женщина. У тебя — ДНК, у неё — митохондрия…

— Ну и что?

— Ну и всё!

— Ну и аргумент!

ЮрВедыч отвернулся, замкнулся в себе, достал из кармана газету, долго разворачивал. Пытался читать. Хотя текст всё время был вверх ногами.

— Ну, ты-то знаешь имя бога?

— В этот раз знаю!

— Тогда зачем весь этот балаган?

— Затем!

— Ты опять?

— Ну, если ты до сих пор не понял, зачем тебе объяснять?

— А ты попробуй.

ЮрВедыч заметил, что газета перевёрнута, отбросил её:

— Тут вообще сложная комбинация должна произойти. Это её желание. И её мир. Ты-то, кстати, страстно желал назвать имя Бога. А она, представь себе, не хочет! Планета жива, пока случаются три парадокса: Выше закона — любовь! Выше права — милость! Выше справедливости — прощение! Это как в первой октаве основной аккорд — до-ми-соль. Понимаешь? Тут не только дочь. Тут ещё мать и её мать, и её мать-мать-мать. И так далее, до Вселенской Богини Ма-а. Гармония. Музыка. Случай. Понимаешь? Там, где-то в той цепи либо не было милости, либо не случилось прощения! Когда ребёнок произносит первое слово, он в то же мгновение забывает предыдущую жизнь. Чтобы кодовый замок переключения из круга на спираль сработал, нужен ключ.

— Срабатывало?

— Сто раз! …со стрессом, правда…

— Ну да, ты ж у нас гений!.. У тебя всё срабатывает сто раз!

— Во-вторых, — перебил ЮрВедыч ехидства друга, — ребёнок, даже зная имя Бога, может его не назвать, поскольку не знает, что это надо сделать, или не хочет жить вовсе, пока он не забыл предыдущую жизнь во сне рождения, который длится, грубо говоря, до года, хотя у всех по-разному. Может, и один день!

— И зачем?

— Как это, зачем? Чтобы реализовать мечту или цель, которую не достигает из рождения в рождение из-за индивидуальности собственной кармы, типа круга такого колюченького.

Славка улыбнулся:

— Похожего на кленовый лист?

— Точно. Так ты его видел!

— А ты подсматривал?

— И третье, — несгибаемо продолжал мысль ЮрВедыч, и, похоже сам пытался ответить на вопрос, прямо в диалоге формируя мысль, — душа в промежуточном состоянии получает колоссальную возможность. Вот и подумай сам. Твоя Великая мать, всю сознательную жизнь прожившая без сыновней любви и без поддержки, в потенциале похожа на некий энергетический резерв и человечества вообще, и космоса и, по большому счёту, Вселенной. Бездонные базы данных, жизней, прожитых до неё не одним поколением. И резервы эти не реализованы. Отсюда суровость. Я бы сказал, древняя какая-то обида. Задолго до тебя образовавшаяся. И, похоже, по любви.

— По несчастной?

— В том-то и дело, что по счастливой. Но что-то там не так однажды пошло. Тут надо отлистывать жизнь за жизнью… а она видишь, что творит? Не пускает нас в свою «обитель».

— И говорить не хочет.

— А ей всего-то и надо…

— Вот-вот… и я о том…

Глава 22. Монтесума и Малиналь

Весь превратившись в струну, профессор потерял покой и сон в решении этой небывало сложной задачи. Лебедев ждал, когда Душа Надежды позволит отдаться воспоминаниям. И, учуяв однажды временной проход на пятьсот лет, увлёкся этим путешествием. Никем не замеченный…

* * *

Проезжая по своим владениям в южной провинции Ануака[1] в окрестностях приморского города Табаско, расположенного рядом со столицей Теночтитланом[2], правитель империи ацтеков Монтесума II заинтересовался звуком барабанов ритуального обрядового танца невинных парней и девушек, что по обычаям местного племени проходил после благодатного ливня. Казалось, от мощного энергетического резонанса, генерируемого синхронно и агрессивно движущимися вокруг огня полуобнажёнными молодыми индейцами, вот-вот сойдут с неба звёзды! Тогда император со свитой направился к костру в сторону рассекающих пространство ремней и перьев.

Замерла в туманном мороке кормилица-река Табаско[3]. От поля восходил удивительный тяжёлый аромат сытой земли, воспаряющей после дождя. Зудели насекомые. Из леса доносились пронзительные сладкоголосые переливы чёрно-синих крупных птиц, чьё пение было не в силах заглушить бормотание обезьян. Горделиво красовались тугие лианы с многочисленными гирляндами экзотических цветов, подобных хороводу пышных юбок европейских модниц.

А танцующие исступлённо благодарили небо за обильный ливень, оросивший кукурузные поля.

Но не это, в конце концов, поразило правителя ацтеков, у которого уже было более полутысячи жён, а лишь ноги граци-

---

[1] Государство ацтеков, которое располагалось на территории современной Мексики.

[2] Современный Мехико.

[3] Сейчас её название Рио-Табаско.

озно двигающейся загорелой девочки. Лишь стройные линии её идеально сложенных изящных форм. Лишь тонкая талия. Лишь крепкие авокадо полудетской, не полностью сформировавшейся груди. Лишь высокий лоб, свидетельствующий о редком благородном уме. Лишь крутые круглые скулы. Лишь нежный необычный остренький подбородок с выемкой посередине. Лишь крохотные нежные ушки, которые ласково захотелось вдруг взять губами. Лишь пёстрое пёрышко на шнурке, подрагивающее на шее ловцом сладких неземных снов. Лишь дивные очи, сверкающие в ритме обрядового танца. В ту роковую ночь ярко горели они, точно самое чистое золото на солнце.

Молодая кровь, в которой так нуждалось сердце невысокого коренастого вождя, реальным шансом продления жизни ударила ему в голову.

— Ты! — властно воскликнул Монтесума, — подойди ко мне!

Ряды танцующих смешались. Остановились на взлёте и поникли ритуальные костюмы, сплетённые из ярких перьев. Подбежала жена местного вождя — мать девушки, бросилась к ногам властителя, низко опустив лицо, касаясь рукой земли, как перед богом:

— Малиналь! Моя девочка… ещё мала…

Золотой упал к ногам женщины.

И лишь пыль увидела её скорбную слезу.

* * *

Обласканная солнцем, великолепная столица воинственной могущественной страны ацтеков Теночтитлан раскинулась в райских кущах среди озёр, наполненных рыбой. Над жилыми и хозяйственными строениями величественно возвышались остатки инопланетного пришествия — каменные пирамиды с возведёнными на их усечённых вершинах храмами. Вокруг города простирались бескрайные поля тыквы, подсолнечника, картофеля, помидор, кукурузы…

Всё это кормило многотысячный народ и помогало содержать армию, покоряющую соседние недружественные племена. В Теночтитлан везли девчонку, обезумевшую от происшедшего. Везли через пустыню, поросшую кактусами, американским

алоэ-агавой и разнообразными колючками, что не произрастали у реки.

Глаза Монтесумы время от времени так смотрели на неё… так, точно всепроникающие ицтли, вытаскивающие сердце, испепелённое заживо в груди! Такими изогнутыми ножами из вулканического стекла обсидиана с названием «ицтли» одним ударом жрецы вспарывали грудь несчастных для жертвоприношения богам на круглом чёрном ритуальном камне на теокалли.

Монтесума ночью не стал её трогать. Ему было достаточно тридцати жён, извивающихся в брачных оргиях змеиным клубком. А утром, выспавшись и восстановившись после дороги, предстал во всём великолепии. В золотом шлеме, инкрустированном божественно чистыми и самыми крупными изумрудами, где красовались императорские символы — орёл, раздирающий змею. Прекрасное загорелое тело вплотную облегали такие же золотые доспехи, украшенные накинутым плащом из разноцветных перьев редких птиц. Загорелые ноги и руки стягивали золотые обручи. Император восседал на золоте в главном храме Теночтитлана. В руке Монтесума держал длинное копьё с острым наконечником. А рядом, вокруг богато уставленного различными кушаньями стола расположилась в подобной роскоши знать.

Блеск и богатство столицы резко контрастировали с представлениями Малинали. В её городе Табаско даже достаточно зажиточные индейцы носили вместо металлических панцирей полотняные доспехи — эскаупили. Они с матерью как раз занимались изготовлением этих стёганых курток, предварительно вымачивая их в рассоле. После такой обработки эскуапили надёжно защищали тело от стрел и ударов копий. И головные уборы её соплеменников, конечно же, были не из золота, а из длинных перьев, скреплённых бисерными дорожками. Одежда была вообще проще, лишь иногда украшалась драгоценными камнями, сыромятными ремнями или вышивкой из бисера.

Великолепный Монтесума поманил пальцем Малиналь, невзначай прощупал её грудь взглядом чёрных своих очей-ицтли, обжигая и будоража душу и велел присесть рядом.

Предложил какао.

— Я не знаю, что это, — ответила девчонка.

Монтесума усмехнулся глазами, но лицо оставалось бесстрастным. Марсианские Боги подарили индейцам не только пьянящий сок агавы[1], но и ещё один напиток, увеличивающий потенцию, пробуждающий желание, дающий острый ум, благословляющий на подвиги. Это какао. Но простолюдинам оно было просто недоступно. Император взмахнул рукой, и нарядно одетая стройная женщина услужливо принесла для девушки большую чашку нежного напитка, приготовленного на виду у присутствующих путём заливки кипящей водой перетёртых какао-зёрен, с добавлением мёда диких пчёл и млечного тростникового сока.

— Сладкий, — произнесла Малиналь. — Горячий.

Монтесума ещё раз запустил в её душу искривлённые ножички глаз. Поцарапался. Покопался ими в груди Малиналь. И кивнул:

— Да. Сладкий. И горячий. Как поцелуй любимой женщины. А я для тебя сладкий? Горячий? Ты готова ко мне?

— Мне запрещали сближаться с мужчиной, — затрепетала Малиналь, — мне только двенадцать. Нельзя.

— У тебя уже была красная луна? — терпеливо продолжал Монтесума, как бы не обращая внимания на её смятение и с наслаждением отхлебывая светло-коричневый напиток.

— Да. Но она говорила…

— Кто она?

Малиналь молчала.

— Кто она? — настойчивей повторил вопрос блистательный тридцатишестилетний правитель, упорно глядящий в глаза и добивающийся близости с девочкой в три раза моложе него, — она для тебя выше императора? Она оракул?

— Нет. Я не хочу произносить этого слова, — прошептала едва находящая силы для самообладания Малиналь. — Она продала меня за один золотой.

---

[1] От напитка из кактуса агавы впоследствии будут производиться текила и мескаль.

— А, твоя мать? Она продала тебя за один золотой? — он вновь едва заметно усмехнулся, — Нет. Ты не права. Это я купил тебя. Это разные вещи. И теперь ты моя. Теперь я буду указывать, что должно, а что нет. Но я хочу, чтоб это было и твоё желание.

Малиналь снова промолчала. Чувство наслаждения напитком пропало. Приближённые продолжали за трапезой шумно беседовать друг с другом, как бы и не обращая внимания на новую пассию своего вождя. Играла музыка. Барабаны из змеиной кожи выбивали ритм столичного модного танца.

— Ты любишь меня? — неожиданно спросил Монтесума, продолжая буравить неискушённую душу взглядом карих, почти чёрных глаз. И повторил вопрос, — любишь?

Солнце окружало теплом и светом, земля питала соками, давая силу и мощь удивительным плодам с единственной лишь целью: чтобы их, созревших, со всех колючих опунций выжженных пустынь центральной Америки, со всех сочнолистных агав, со всех гор, пирамид, рек и озёр, со всех золотых подносов и кувшинов, с браслетов и каменьев на одежде Монтесумы приготовить для царя в неоценимый пьянящий напиток любви, сводящий с ума.

— Ты так слепишь глаза, что я не вижу белого дня. Я не вижу белого света, правитель. Ты ярче солнца.

— Хорошо, — вдруг спокойно и безразлично хозяин сменил тему. — Отдыхай. На днях я уеду по делам. Но перед отъездом ещё раз спрошу тебя об этом. А ты подумай.

Прошло два дня томительного ожидания, прежде чем Монтесума отодвинул тяжёлый покров и вошёл в её покои, устроенные под величественными кедрами, убелёнными лишайником, точно старцы сединой, и украшенными цветами. Он вошёл простоволосым охотником в лёгких полотняных брюках, демонстрируя красивые загорелые плечи. Взял за руку. Приложил к своей груди:

— Сердце не может лгать.

Монтесуму некоторым образом смущало, что Малиналь не бросилась сразу в его объятья, но он тихо и настойчиво произнёс:

— Скажешь «нет», сердце вырвется из груди и улетит. И я тотчас умру!

— Нет, — произнесла Малиналь.

Монтесума захохотал.

— Ты права. Оно не вырвалось и не улетело. Но ты заставляешь его биться, точно я вбежал на самый верх пирамиды Солнца! Я, правитель ацтеков, Монтесума, говорю тебе, что я тебя люблю.

— Она запретила…

— Мама?

— Я забыла это слово, — горько повторила Малиналь. — Если любишь, …если действительно любишь, представь, что я — это ты. — Девочка затараторила быстро, виновато и горячо. — И как бы ты поступил на моем месте? Был бы ты со мной, если бы кто-то большой и сильный, слепящий глаза, купил тебя? Если весь мир запретил мне быть твоей? И даже она…

Он молчал. Внимательно слушал её смятение.

Она ещё немного подождала, что ответит Великий вождь. И твёрдо возгласила себе приговор:

— Если ты решишь быть вместе, так тому и быть.

Монтесума понял, что девчонка не только умопомрачительно молода, но и хитра, поэтому хочет переложить моральную ответственность от близости на его взрослое мужское естество.

— Я бы не стал сомневался, если бы был тобой и полюбил того, кто слепит глаза.

Он приложил ладонь к её сердцу. Оно билось так же, как у него.

— Люби меня, — сказал Монтесума. — От этого зависит моя жизнь.

* * *

Монтесума лгал. От любви индейской девушки, привезённой с Табаско, зависела не жизнь, нет, а лишь его собственная самооценка. Да, он самозабвенно бросился в любовь, как кидается измученный долгим переходом путник в прохладу реки. Да. После оргий с опытными и сексуальными жёнами он баловал молодую наложницу и украшениями, и деликатесами.

И отменял поездки по стране. И не принимал какое-то время приближённых. Да. Он полностью переселил её в свою роскошную золотую спальню, и горячими днями и ночами тяжёлая кровать из красного дерева издавала набор недвусмысленных звуков, точно живая, и они потешались над этим после очередных любовных игр. Да, всё происходило всерьёз. И по большой любви. Малиналь и сама чуть не превратилась в извивающуюся змею, как остальные. Из неопытной скромной девушки она преобразилась в уверенную в своём женственном могуществе красивейшую даму и умнейшую собеседницу. Монтесума беседовал с нею, точно с оракулом или жрецом, доверял Малиналь и тайны, и страхи. Но его беспокоило предсказание оракула, что однажды вернётся теуль[1], сын белокожего бога Кецалькоатля, и уничтожит весь народ его страны. И что сам он является последним правителем империи ацтеков.

— Великий летающий бог-ящер Кецалькоатль научил жителей Ануака ремёслам и искусствам, политике и управлению государством, — объяснял Монтесума возлюбленной. — Он уплыл в легендарную страну Тлапаллан на барке из змеиной кожи, но пообещал вернуться со своими многочисленными белокожими детьми[2]. Они красивые, как Боги. Безжалостные и беспощадные. Однажды приплывут. Убьют тебя. И меня. И всех людей Теночтитлана.

Монтесума уже примерял Малиналь венок царицы и обещал сделать официальной женой.

— Ты, — говорил он, сам бесконечно веря в это, — любимая, продолжение моей мужской души. Это так прекрасно, когда знаешь, что есть на Земле твоё женское отражение. Ведь мы похожи. У нас одни глаза. Одни руки. Только у тебя женские, а у меня мужские.

Молоденькая прекрасная Малиналь, осыпанная золотом, хохотала:

---

[1] Белый человек, один из сыновей бога Кецалькоатля. Так потом и назвали испанских конкистадоров.

[2] Кецалькоатль — персонаж не вымышленный. Предание о посещении викингами Америки можно найти в Сагах об Эйрике Рыжем и о Трифоне Карлсоне.

— Значит, если я надену твою одежду, я смогу править Ануаком? Всей страной ацтеков?

— Жрица моего сердца! — забавлялся Монтесума. — Одевай!

Наложница отличалась от многих женщин индейских племён. Род её, далеко не из простых охотников, был с правильными чертами лица. Крупными круглыми глазами. Несмотря на различие племён, Монтесума и Малиналь уродились действительно очень похожими друг на друга, как брат и сестра.

Но однажды рьяные слуги привезли для Монтесумы красивую певунью, и, услышав медовый голос, император повернул голову в её сторону. Отвергнутой Малиналь предложили вернуться в ту комнату, куда её привезли сначала. Покидая императорские покои, Малиналь взяла лишь то, с чем попала в столицу ацтеков, отказавшись от многочисленных дорогих подарков и украшений. Монтесума больше не общался с ней. А душа-то уже раскрылась! И кровоточила, изрезанная вдоль и поперёк ритуальным ножом ицтли. А душа-то уже вкусила радость любви и взаимности. А душа-то мысленно снова и снова целовала с головы до ног прекрасное холёное царское тело. И билось влюблённое сердце. И хотело от ревности вырваться из груди. Улететь.

Но… не вырвалось. Не улетело. Пусть не циновка служила ей, а многослойное ложе. Не мутную воду реки наливали в чашку, а какао из высокого узкого носика, чтоб образовать целебную пенку. Подавалась не тыквенная каша, а жареное мясо изысканных птиц в великолепных кукурузных лепёшках с гуакамоле и лаймом… И густые вьющиеся волосы украшал каждое утро свежий венок из ароматных цветов, на случай, если царь вдруг подберёт откинутую однажды ногой красивую игрушку… только сердце захлестнуло страдание! Тоска. И безысходность.

— Ты едешь обратно в Тобаско, — просто сказал Монтесума некогда любимой почти жене на теокалли при очередном церемониальном жертвоприношении, — я за тобой пришлю.

Упала в ноги Монтесумы отвергнутая душа, глядя на плавающие в золотом блюде сердца многочисленных свежих жертв.

С болью о камни ударилась слеза, точно так же, как перед тем… материнская… Упала гордо. Скорбно. Больно.

Одна.

Малиналь вернули в родные места постылой недо-невестой. Император подарил молоденькую хорошенькую наложницу своему другу. Тот же, в свою очередь, передарил несчастную следующему…

Шли годы. Но удивительная красота женщины, её умение виртуозно танцевать и прельщать мужчин, помноженные на генетический интеллект и природную мудрость, превратили Малиналь в непревзойдённую жрицу.

Иногда её роскошные дивные очи суживались от ненависти, рождённой отвергнутой любовью. От воспоминаний скрипели жемчужины зубов. От танца к танцу Малиналь молила звёзды, чтобы пророчество, которого так боялся Монтесума, сбылось. И на их берег ступила бы нога того, кто сметёт и его, и его страну с лица земли.

Её каждодневные молитвы к Богу войны и солнца Уицилапочтли и к Богу смертельного вихря Кецалькоатлю были услышаны! Появился Кортес.

И цивилизация ацтеков закачалась, когда Кортес остановил взгляд на женской груди, упругой и притягательной, словно пара сочных и питательных авокадо.

Показать испанцу искусство любви для величайшей из желанных не составило труда. Влюбить в себя и поверить в бескорыстную преданность. А потом методично и безжалостно уничтожать следы Монтесумы в каждом городе некогда великой и могущественной империи ацтеков.

* * *

— Лебедев, ну что? Не томи! — дёргает за рукав Славка, когда вихревые потоки перестали вертеться вокруг контактёра, — нашёл?

— Нашёл. Десять или пятнадцать воплощений назад. Это Малиналь! Любовница Кортеса! Загубившая всю цивилизацию МезоАмерики!

— Моя мать? Малиналь? Легендарная Марина[1]? Ты уверен?

— Пятьсот лет назад.

— Пятьсот???

— Время бежит быстро… только когда ты никого не ждёшь! А она, похоже, ждала…

* * *

Лебедев повадился в Мексику. Все силы и обаяние отдавал беременной, точнее, тому, что вызревало в ней. Его личный опыт, его личный садик с цветочками-пчёлками-яблочками-озером и рыбками!

По нескольку раз в день подсовывал он Верочке Дорожкиной для дегустации лакомства со всего мира, со всех времён, из прошлого и будущего, с Севера и Юга, Запада и Востока.

Особенно тщательно ЮрВедыч готовился к обеденному перерыву Веры Анатольевны.

— Ты что творишь? — возмущался Большаков, застав в очередной раз на собственной кухне гостя за пять минут до прихода жены и недоверчиво рассматривая странные деликатесы, разложенные заботливо на тарелочках.

— Не морщись, это не опасно… это шоколад Карла VI... а это паштет из соловьиных язычков китайского императора. Ломтики осетра из Москвы-реки довременных лет.

— Экологически чистые? — улыбнулся наконец Славка, — они ж там не водятся!

— При Иване Грозном водились… и пирожки с визигой для укрепления костей.

— Грозном??? Ты что, опять?

Лебедев скосил виновато глазки:

— Ну тут, ты понимаешь… беременной захотелось. А желание женщины — закон! — безбожно врал ЮрВедыч.

— Можно подумать, не я муж, а ты!

— А я и буду мужем! — отрезал Лебедев.

— В смысле? Мужем кого? — напрягся Славка.

---

[1] Испанцы после обряда крещения дали Малиналь имя Марина.

— Да не твоей! Вообще-то твоей, но не жены. Той, что внутри твоей жены.

— А? — затупил Славка и вдруг хохотнул, — то есть, ты мой будущий зять?

ЮрВедыч расплылся в улыбке:

— Допёрло по длинной шее, наконец! Ну, ты и тугодум, Большаков! А мать у тебя клёвая! Дурррак ты, что её не любил! МАТЬ не любить — всё равно, что ЖИЗНЬ не любить.

— Я любил! — крикнул Славка, не выдержав.

— Ну, ничего! — продолжал профессор, — Я НАУЧУ ТЕБЯ ЛЮБИТЬ…ЖИЗНЬ!

— Вот же, зятька Бог послал, — буркнул Славка, — а ничё так, что ты её на кучу лет старше?

— Совсем не прав ты, коллега! Мы ровесники, если, конечно, суммировать все воплощения. — И мечтательно произнёс, — Как она. А?! Одной левой Наблюдателей к чертям собачьим отправила! Да такой за всю историю человечества не рождалось! А ты… эт… сын, называется. Блудный ты, балбес ты, всё это время не ценил её. Не знал. Не чувствовал, какая силища она, в обидки с детства играл… а вот и Верочка Анатольевна!

Глава 23. Кортес. А что Кортес?

— Кортес? А что Кортес? — объясняя Светославу, что на самом деле происходило пятьсот лет назад, Лебедев пытался проанализировать ситуацию чрезвычайно запутанного кармического узла.

— Кортес — великий и ужасный, наделавший больше в истории человечества, чем Колумб и иные проникающие на американский континент белые «бого-люди» со светлыми волосами и синими глазами, как у марсианских пришельцев, Кортес стал спасителем для Малиналь. Ануак, гигантское по своим размерам государство ацтеков с его городами-мегаполисами, стало её личной трагедией. По своему роду Малиналь не относилась к ацтекам. И империя Монтесумы оставила в ней лишь одну обиду. Но какую! Заглушить её можно, лишь полностью разру-

шив всё связанное с ненавистным императором. Великая цивилизация ацтеков создавалась и расширялась, поглощая другие народы и территории, летела сквозь время, чтобы в один момент пасть к ногам хитрого, жадного, расчётливого Кортеса. Юрист по образованию, он не имел ни совести, ни души, ни жалости, ни сострадания. Лишь обворожительная Малиналь смогла на время покорить его расчётливое сердце. Он восхищался её туземной красотой и отзывчивой любовной страстью, её тактом, умом и коммуникативными способностями. Владея несколькими языками и наречиями местных племён, с приходом теулей она вскоре освоила речь этих белых людей, исполнивших обещание Кецалькоатля и вернувшихся с далёких неведомых земель. Воодушевлённая женщина видела в них высшую справедливость. Душа Малиналь жаждала Жертв. Разрушений. Мести.

* * *

Это потом будет пират Френсис Дрейк, который за истребление испанских судов получит от королевы Англии рыцарское звание. Это потом будет сокрушена «Непобедимая армада[1]» испанцев. И те, кто завоевал полмира, будут разбиты. Уничтожены. Сломлены. А сейчас они были нужны Малиналь как инструмент отмщения. И управлял этим инструментом Кортес.

Женщина умело воспользовалась искусством любви, которому научилась в садах Монтесумы. И Кортес, никогда не испытывавший подобного, конечно, поддался её влиянию. Влияние это усиливалось по мере той помощи, которую оказывала Малиналь испанцам как переводчик, разведчик и информатор, советник в делах общения с дружественными племенами. Чуть позже стало ясно, что, кроме похоти, Кортес обладал ещё одной страстью. Он был фантастически жаден.

Малиналь внутренне торжествовала, наслаждаясь невиданным доселе размахом порока человеческого. Кортес в иссту-

[1] Флот католической Испании, состоявший из 130 кораблей с 2400 орудиями и 19 тысячами солдат , не считая матросов, был разбит англичанами с 21 по 27 июля 1588 г.

плении мог сжимать крупные камни смарагдов так, что белели костяшки пальцев, будто хотел срастись с ними! А жадностью так легко управлять…

Жадность — зло, и, в конце концов, оно опускается на того, кто более всего имеет. И несметные богатства, и титул маркиза Оахаки, и должность военного губернатора — всего этого достигнет Кортес, но любви, той любви до разрыва эмоций, что испытала Малиналь к Монтесуме, с ним, с Кортесом уже не случится.

* * *

— У-е-ух! — вдыхал Лебедев всей грудью и задавал определённую точку координат.

Он видел разные отрывки жизни тех, кто сыграл в далёком воплощении Славкиной матери роковую роль.

—

Едва морской бриз перестал обдувать Кортеса и его людей, тотчас в лица вцепились мириады отвратительных кровососущих насекомых.

— Гаррапатас[1]! — воскликнул он в сердцах, — эти клещи здесь повсюду!

—

Индейцы облачены в простые полотняные одежды. Вооружены луками и стрелами, деревянными палицами.

—

Всё население Табаско изумлённо созерцает на причаливающего с конкистадорами Кортеса.

—

Жрецы, или паба, как их тогда называли, хранящие заветы «богов», спустившихся с небес, напоминали ритуальных кукол из самых страшных снов. Прямые чёрные волосы, похоже, никогда не мылись и были спутаны в колтуны с помощью мазей, отпугивающих кровососущих насекомых. Руки, не знакомые с мылом и мытьём вообще, с желтовато-коричневыми когтями, с выпирающими жилами на костяшках, визуально казались больше, чем у европейцев, и вызывали особое чувст-

[1] Так испанцы называли особый вид клещей Мексики.

во трепета, ибо Лебедев прочувствовал интуитивно, скольких людей они лишили жизни без приспособлений, одними руками, только лишь благодаря природной силе и цепким когтям. Чёрные одежды, расшитые кроваво-красными письменами-рисунками, подчёркивали свирепость лиц неумолимой устрашающей жестокостью. За поясом главного паба блестел итцли, изогнутый нож из обсидиана. Паба, стоящие у теокалли — самого края пирамиды, откуда сбрасывались бездыханные тела, профессионально прислушивались к стуку сердца жертвы, чтобы в удобный момент запустить жёлто-коричневые немытые когти с запёкшейся под ними кровью меж рёбер и ловко выдрать его, бьющееся(!), на всеобщее обозрение. Паба существовали только этой мыслью, мгновенно прочтённой ЮрВедычем. Других мыслей у паба не было.

— Уф! — выдохнул он и вернулся обратно.

* * *

— Что там? — дожидался Славка возвращения профессора.

— На пирамиде?

— Да.

— Огонь. Чёрный ритуальный плоский камень, куда укладывают лучших, чтоб выдрать сердца и сбросить со ступеней вниз. И храмов они там понастроили на этих марсианских площадках. Ждут своих богов... кровожадных.

— Ну, и что ты им сказал?

— Поговоришь с ними…. Видишь ли, в своё время Наблюдатели, видя человеконенавистническую колониальную деятельность марсиан, не дали им долго хозяйничать на земле и исполнили предупреждение санитарного патруля. Они разрушили институт главенства Верховного предкацля, запретили деятельность органов управления, а марсианских женщин сделали бесплодными. Марсиане, в конечном счёте, ассимилировались среди местного населения, но навсегда оставили Америке свою культуру сельского хозяйства, пирамидальные космопорты, а также свою мифологию, новых богов, культ поклонения смерти и страшные ритуалы массовых кровавых жертвоприношений. Со всем этим и встретился Колумб.

— Всю жизнь мечтал увидеть, как выглядела Америка перед приходом Колумба! Кактусы там… колючки…

— А чё раньше молчал? — повёл плечами Лебедев. — Я тут… это… новую фишку освоил. Москитом в предутреннем мексиканском небе полетать хочешь?

— Ха!

— Глаза закрой. Полетели!..

Обозревая как бы разом всю МезоАмерику, из тел москитов друзья сразу обратили внимание на возвышающиеся останки бывших марсианских космодромов. Некоторые — вполне обустроенные древними жрецами, иные — полуразрушенные, поросшие травой да кактусами. Канкун, Юкатан, Пуэбла, Кампече, Тобаско, Паленке, Тикаль, Антигуа, Атитлан, Теуантепек… Пирамидальные каменные сооружения с построенными на их вершинах храмами в таком количестве Большакова откровенно удивили. Он знал только про пирамиды в Теотиуакане: пирамиду Солнца, пирамиду Луны, ну ещё про некоторые строения в Ушмале и Чичен-Ице…

Неожиданностью для Славки также стали снежные в этих засушливых выжженных солнцем местах вершины двух великих вулканов. По их склонам спускались могучие кедры и сосны. Над кратером одной из них видны следы активной вулканической деятельности, огненное зарево и, главное, плотный толстый столб дыма. — Это Попокатепетль, — указал ЮрВедыч, — по местному значит: «вершина, которая курит». А та — «спящая женщина», в смысле, что Истаксиуатль. Вообще, более правильный перевод всё-таки — «белая женщина». Видишь? Лежит и волосы раскинула по склону.

— Ты как эти названия запоминаешь?

— Я жил там… — просто ответил контактёр, — давно… только… тут помню, тут не помню, — пошутил Лебедев. — Эти два вулкана ацтеки считают мужем и женой.

Жителю лесной России Большакову картинка древней Мексики показалась необыкновенно радужной. Бордовые всполохи вулканов сменялись красной охрой. Оранжевой растительностью. Жёлтым песком. Зелёным кукурузным полем, голубым озером, синим побережьем и фиолетовыми построй-

ками, переходящими в чёрно-серые старые камни пирамид… Ни дать, ни взять — пончо, накинутые на плечи Попокатепетля и Истаксиуатля!

Густой утренний туман по склону спадал длинными седыми вьющимися волосами белой женщины в долину и беспрепятственно проникал по улочкам города меж домов и храмовых построек к довольно крупным озёрам.

— Смотри, Славка, вот три озера, которых теперь нет на земле! Чалько, Хочимилько и Тескоко. Они как бы окружают столицу, так же, как море окружало легендарную Атлантиду! И для них выстроены дамбы.

— На ловушку снов похоже.

— Точно! Всё это — страна-империя Ануак. У озёр — города, ну как наши посёлки городского типа. Амекамека. Айоцинго.

А вот и древняя столица — среди пёстрых лоскутов земли: полей, лесов, болот выделялся самый крупный из городов, зелёный Тиночтитлан. Там император.

— Монтесума?

— Ага! Искуситель женских сердец. Видишь? Его дворцы.

— Дворец не один, что ли?

— Зачем ему один? У него, как бы выразиться попроще, ряд дворцов.

— Дворцовый комплекс?

— Точно! — усмехнулся Лебедев, — однако лихорадит её, эту землю, Огненное кольцо. Землетрясения постоянные. Смерчи, опять же, из-за климатических условий Мексиканского залива. Жара. Горы. Кстати, посмотри — поля маиса и агавы. Самогон получают из кактусов. Ха-ха-ха. Правда, довольно слабенький пока. Ничего, европейцы научат их гнать текилу! Да с перчиком!

— А правда, что индейцы — людоеды?

— Ну… не все. Зависит от племени. Вот Карибы[1] — людоеды. Таены[2] — нет. Не людоеды.

---

[1] Группа индейских народов, в своё время буквально терроризирующих соседние индейские племена. Сейчас их численность около 100-150 тысяч человек.

[2] Или Таино — собирательное обозначение ряда островных аравакских племён. Вымерли в XVII веке от завезённых европейцами болезней и жестокой эксплуатации.

— А местные?

— Ацтеки, атоми и майя — нет. Они так-то не едят людей. А только лишь тех, кого ритуально убивают... Это священный обычай, видимо, переданный Марсианами ольмекам, от них — к майя, ну и, соответственно, к ацтекам.

— Ничего себе…

— Прошлое — вообще кровожадная вещь! — откликнулся Лебедев, — а будущее и подавно! Ты смотри, там, на земле люди, около трёхсот пятидесяти тысяч человек, все живут, работают, любят. И они не знают, что уже приговорены и будут сброшены с теокалли своего величия. — Очень жаль, — посочувствовал ацтекам Славка, любуясь рукотворной красотой открывшейся перед ним панорамы.

На глади озёр застыли дремлющие пышные плавающие сады. Многочисленные изящные лодки-пироги. Дома, выстроенные на сваях, казались милыми и уютными. Цветы на деревьях, произрастающих прямо в плавающих плотах и лодках, от восходящего солнца начали распускаться. Оживились голоса утренних птиц. На пересечение двух дамб возвышался укреплённый сторожевой форт Холок.

— Истинный Рай! — воскликнул Большаков.

— Кромешный Ад, Славочка! Летим. Сейчас такое увидишь!

Друзья быстро преодолели густонаселённые предместья, по площади составляющие основную часть города и застроенные сплошь адобами[1] бедняков. Для таких домов использовался озёрный ил, за что горные индейцы презирали городских и называли рептилиями, копошащимися в болоте. Ближе к центру пошли богатые здания из красного камня. Просторные дома были окружены садами. Их соединяли пешеходные дорожки или каналы.

Тем, от чего волосы встали дыбом, была гигантская центральная каменная чёрная пирамида, к вершине которой вели со всех сторон четыре лестницы, усыпанные человеческими черепами. Груды костей и полуистлевших трупов терзали

[1] Постройки из сырцового кирпича, для изготовления которого использовались ил и солома.

хищные птицы. Оскверняли тучи насекомых и их кишащие личинки.

Над всем этим ужасом блистательно сиял храм. Широкие массивные боковые плиты были расписаны сценами битв или охоты. На выступах красовались каменные боги воды, ветра и войны. Головы лягушек. Змей. Каменные черепа с изображением разве только лишь самой Смерти…

— Этнографы скажут об этом так: «в МезоАмерике играла существенную роль доля милитаризма», — прервал жуткое молчание профессор Лебедев. — В исторических архивах есть записи испанского конкистадора Андреса де ла Тапии, служившего в отряде Эрнана Кортеса, что испанцы решили посчитать черепа и обнаружили их сто тридцать шесть тысяч. Башни из черепов! Горы из черепов! Тут всё на человеческих костях. Католики потом объявят крестовый поход против индейцев по причине, что у людоедов «нет души», и на месте этого храма построят католическую церковь. Достаточно объёмную, скажу я тебе…

— Жуть какая!

— Европе ли удивляться? Знавал я множество других мест, где из человеческих костей выстроены церкви, обустроены катакомбы. Примеров — сотни. Под тем же Парижем простирается система подземных ходов на более чем триста двадцать километров, и там есть подземный склеп, где хранятся останки от шести до семи миллионов человек!.. О! Гляди-ка! Монтесума проснулся!

В окружении редких птиц, щебечущих в позолоченных клетках, меж вольеров с оцелотами и другими редкими животными, среди пышных соцветий тропических деревьев во дворце Чапультепека узрели наши «москиты» великого вождя ацтеков.

Белоснежная тончайшая одежда Монтесумы, не сковывающая движений, была схвачена на поясе золотым ремнём. Сандалии унизаны крупным жемчугом. Угольно-пепельные волосы держала мягкая непарадная перевязь из зелёных царственных перьев.

Император восседал на золотом кресле, взирая сверху на город. Курил трубку. Пред ним дымилась чашка густого какао с пышной пенкой. И неоднозначно переливался в лучах солнца изумрудами глазниц белый череп, увенчанный золотой диадемой с инкрустированными драгоценными крупными каменьями.

— Малиналь! — позвал он.

Из-за ковра с изображением агрессивно нападающего леопарда появилась весёлая смуглянка. Влюблённые большие глаза разбрызгивали на весь свет безграничное солнечное счастье. Она тут же присела к ногам владыки и поцеловала открытую загорелую ногу выше колена.

— Не могу смотреть, как твою мать развращает царственный потомственный рептоид, — прошипел Лебедев. — Сейчас они переплетутся телами… а потом, вообще лучше отсюда убираться!

— Иногда так хочется кого-нибудь убить… — поддержал друга Славка.

Однако никакой оргии не происходило. Монтесума неотрывно глядел на Малиналь, а она, загипнотизированная, не могла отвести от него влюблённого взгляда.

Туман растворился, обратившись в шевеление воздуха. По зеркалу озера Тескоко побежала небольшая рябь.

— Наблюдатели! Погнали отсюда! — солгал ЮрВедыч. — Слава Богу! Не заметили!

Иглой прошивал Лебедев времена. Точно нитка за иголкой следовал за ним Большаков.

В пространственно-временных коридорах ориентировались, как дома. Сбоев уже не допускали. Наблюдатели, отчитываясь за каждый период, регулярно докладывали о безудержной активности контактёра и допущенных им нарушениях, запрашивая разрешение на пресечение противоправной деятельности. Но каких бы то ни было указаний на сей счёт они, к своему удивлению, не получали.

Вселенная безмолвствовала.

* * *

— А что с Кортесом? — привязался к ЮрВедычу Славка, как только друзья вернулись в реальность.

— А что с Кортесом? — развёл руками контактёр, — его роль в планетарной истории никто бы не сыграл лучше!

— То есть, ты считаешь, правильно, когда развитая цивилизация поглощает слабую?

— А нас кто-нибудь спросил? — Лебедев глубоко вздохнул. — Тут множество факторов и «за», и «против». Старый Свет дал сильный толчок развитию Нового. Пшеницу. Коней. Коров. Кошек. Образование. Религию. Чуму. Новый Свет Старому — каучук. Какао. Ваниль. Табак. Картофель. Кукурузу. Тыкву. Подсолнечник. Сифилис. Что такое пятьсот лет? Да ничто! Всего пять столетних людей друг за другом! Именно столько лет назад Кортес прибыл на побережье Америки с целью завоевания «свободных земель». Заметь! Так ведь начертано в известном романе «Дети капитана Гранта»: «В поисках Свободных земель отправился «славный…», а на самом деле, как мы теперь понимаем, кровожадный и беспощадный капитан Грант. А что есть в понятии европейца свободная земля? А свободная земля — эта та, где нет юридического штампа о принадлежности французу, англичанину, итальянцу или немцу. Империализм давно поделил тощие свои угодья. Ни английский Король, ни Испанская королева, ни, тем более, Колумб или Кортес не считали индейцев за людей. Также, как и задолго до них Верховный Предкацль Марса Оноул!

Конечно, теоретически, Монтесума мог вполне успешно отстаивать свои земли ещё очень долго, имея несопоставимое преимущество в ресурсах. У него было всё. Единственное, кого ему не хватало, это толкового советника, информатора, кого угодно из стана теулей, да просто пленного или перебежчика. У Кортеса была Малиналь. А у Монтесумы — предсказание оракула о возвращении сына бога Кецалькоатля, который уничтожит его империю. Да ещё врождённое преклонение перед богами. Да множество покорённых племён, затаивших до поры злобу и жаждущих крови.

— Вообще не факт, что предсказание оракула было. Испанцы вполне могли потом это додумать.

— … тем не менее, как свидетельствуют документы, жрецы настаивали: чтобы задобрить богов, нужны богатые дары и жертвоприношения. Император решил откупиться золотом от теулей. Это была ошибка. Золотом нельзя откупиться от жадного. Чем больше ты ему даёшь, тем больше ему надо.

Последнему великому вождю ацтеков было сорок восемь лет.

Назвали его в честь деда — Монтесумы I. Имя на языке науатль[1] звучит, как Моктесума, Мотекусома или Мотекухсома, в дословном переводе «Гневающийся, как господин». И первый «Гневающийся, как господин», великий глава империи Уэй-тлатоани[2] постоянно расширял свои владения. На Востоке они достигли Мексиканского залива. Ацтеки впервые за свою историю завоевали берега обоих океанов и получили возможность собирать дань с тридцати трёх народов!!! По преданию[3], дед Монтесумы I Осомацинтекутли, правитель-тлатони[4] Куаунауака мог превращаться в животных и был крайне подозрителен. Не желая выдавать дочь Миауашиуитль за посватавшегося к ней Уилицилипутля[5], он окружил её охраной из пауков, сороконожек, ядовитых змей, летучих мышей и скорпионов. В ту же ночь Уилицилипутлю во сне явился бог Тескатлипока[6] и велел выстрелить в сторону дворца избранницы из лука, прикрепив к наконечнику стрелы камень жадеита[7]. Бог обещал направить

---

[1] Общий ацтекский язык включает в себя языки науатль и пипиль.

[2] Уэй-тлатоани — титул главы империи ацтеков в период расцвета. В дословном переводе — великий оратор. Европейцы приравнивали этот титул к императорскому.

[3] «Хроника Мешикайотль», автор Эрнандо де Альварадо Тесосомока.

[4] Тлатоани — титул правителя городов-государств у ацтеков

[5] Уилицилипутль (науат. Перо колибри) — второй правитель Теночтитлана, сын Акамапичтли и Мияхуацин, дочери правителя города Тетепанко. Был тлатоани ацтеков с 1395 до 1414 года.

[6] Тескатлипока наряду с Кецалькоатлем является у ацтеков одним из главных божеств. Он носил зеркало или щит, с помощью которого наблюдал за деяниями людей на земле. В различных воплощениях он являлся богом-творцом или же разрушителем мира.

[7] Нефрита.

полёт стрелы, чтобы она попала точно к ногам девушки. Уилицилипутль всё выполнил, и Миуашиуитль получила стрелу с драгоценным камнем.

— Откуда тебе это известно?

— Я был одним из скорпионов в её охране,… не перебивай! Удивившись такому подарку, девушка из любопытства попробовала камень на вкус, в результате чего камень чудесным образом сам вошёл в её лоно, и Миуашиуитль забеременела Монтесумой[1].

— Тем камнем случайно был не ты?

— Я — нет. Им был один из Наблюдателей!

— Ты же говорил, рептоиды не могут на земле размножаться. Им нужна температура…

— А в Мексике какая температура?

— Ах, да!

— Так вот, коллега, следует отметить, что эпизод зачатия сына в результате проглатывания драгоценного камня аналогичен мифическим преданиям о появлении на свет двух важнейших божеств — Кецалькоатля и Уицилопочтли[2]. Что может являться не преданиями, а результатом смешения крови землян с кровью пришельцев и приобретения, таким образом, части их способностей.

— Язык сломаешь! — воскликнул Славка. Как ты всё это выговариваешь?

— Я там жил… и иногда думаю на языке науатль.

— То есть, по факту в сухом отжиме, волею судьбы один Монтесума расширил империю, другой же стал её реальным могильщиком.

---

[1] «Кодекс Мендоса» — один из лучших по сохранности среди ацтекских рукописных кодексов. Создан анонимным автором приблизительно в 1547 году. «Кодекс Чимальпопоки» — Рукопись начала XVII века, памятник литературы ацтеков, записанный на языке науатль. Согласно данным этих источников, Монтесума был сыном тлатоани Уилицилипутля, внуком тлатоани Акамапичтли и племянником тлатоани Ицкоатля. Его матерью была принцесса Миауашиуитль, дочь Осомацинтекутли, тлатони Куаунауака.

[2] Кинжалов Р. В. Орел, кецаль и крест: Очерки по культуре Месоамерики. — СПб.: Наука, 1991. — С. 80-81. — 184 с.

— Ну да. Монтесума II или Монтесума Шокойоцин, что означает «Почтенный юноша», короновался в 1507 году в тридцать шесть лет как император мира у от династии Акамапичтли. Сын императора Ашаякатля и его двоюродной сестры Хочиквейетль, — дочери тлатоани города Истапалапана. Как император, Монтесума II стоял во главе Тройственного Союза, в который, помимо ацтекского Теночтитлана, входили город акольхуа Тескоко и город тепанеков Тлакопан, имевшие собственных тлатоани, вассальных ацтекам. Не по годам развитый, Монтесума Шокойоцин проявил невероятную храбрость и сам завоёвывал пленных. Имел звание куачик «бритая голова», как наиболее храбрый воин. Одержал на поле боя 18 побед. Стал членом высшего государственного «совета четырёх». В 25 лет благополучно женился на дочери тлатоани города Экатепека, и, как следствие, через 11 лет унаследовал престол своего тестя. И после коронования принял тронное имя своего деда, Монтесумы I.

— А жёны у него были кроме моей матери?

— И жёны. И наложницы. Шестьсот или семьсот, я точно не помню!

— А дети?

— Что-то около пятидесяти. Дочь Текуичпо, что означает «Пушинка Хлопка», была женой последнего императора Куаутемока, двоюродного брата Монтесумы II. Ей ещё повезло. Потому что после смерти Монтесумы II новый император Куитлауак приказал убить шестерых из его сыновей.

— Кровожадненько… и всё-таки, что с Кортесом? — не упускал своей темы Большаков.

— А что с Кортесом? — снова развёл руками Лебедев, — он ведь не просто так отправился через океан. Нажива влекла его. С Монтесумой Кортес был примерно одного возраста. Но только один правил империей и унаследовал несметные богатства народа. А второй рос в семье идальго под надзором весьма скаредной суровой матери, два года отучился в университете, изучая право, не доучившись бросил, предпочтя военную карьеру, стал прекрасным фехтовальщиком, сочинял неплохие стихи и прозу, с двадцати лет участвовал в карательных походах на

острове Гаити, назначен наместником в индейском поселении Асуа, в двадцать пять был членом экспедиции по покорению Кубы.

— Да, парень не промах!

— Представь, 17-тилетним юношей Кортес прибывает из Севильи в Санто-Доминго и тут же получает от дядюшки-губернатора щедрый бонус — регистрацию, как vecino, полноправного колониста, бесплатно получавшего земли с обрабатывающими их индейцами (репартимьенто), впрочем, как и право на постройку дома в городе! Какое-то время он пытался разводить сахарный тростник, завозимый с Канарских островов. Но жизнь помещика не показалась юнцу увлекательной. Куда лучше отправиться на охоту за новой добычей в виде земель, рабов и золота! Кстати, дом, что Кортес построил в 1507 году на пересечении улиц Эль-Конде и Лас-Дамас, прямо напротив резиденции губернатора — один из первых, сохранившихся в Новом Свете. Сейчас там располагается посольство Франции!

— Невероятно! История так рядом, кажется — только руку протяни!

— Именно так. Кортес немало покуролесил в Новом свете и на Кубе, и везде, прежде чем предпринял поход во владения Монтесумы. Был женат. Были дети. И сифилисом он болел, банально заразившись от индейских наложниц. Он потратил всё состояние, продал рабов и залез в долги, чтобы подготовить завоевательную экспедицию в Юкатан и Мексику, причём на картах и то, и другое значилось, как острова! Для похода было снаряжено одиннадцать кораблей. Армия состояла из 508 пехотинцев, 16 конных рыцарей, 14 пушек, 13 аркебузиров, 32 арбалетчиков, 100 матросов и 200 рабов — кубинских индейцев и негров. Кроме того, в кампании участвовали три нотариуса и два священника. Десятого февраля 1519 года завоеватели двинулись к побережью Юкатана. При первых контактах с континентальной американской цивилизацией испанцы, изумлённые языческими кровавыми обрядами жертвоприношения, пришли в ужас, даже попытались разрушить святилище и решительно убедились в правоте своей высокоморальной миссии христианизации Америки.

В марте 1519 года Кортес формально присоединил Юкатан к испанским владениям[1]. Далее экспедиция двинулась вдоль побережья, 14 марта было достигнуто устье реки Табаско, которую испанцы называли Грихальвой.

В Табаско 19 марта 1519 года Кортес получил от местных вождей подарки: много золота и двадцать женщин, среди которых была Малиналь, ставшая официальной переводчицей и наложницей Кортеса.

Глава 24. Малиналь

Самое элементарное, что пришло Славке в голову после всего происходящего, открыть Википедию и прочесть всё, что касалось Малиналь.

За его спиной стояла Вера, в которой находилась Надежда.

Вслух он прочёл обоим:

— Малинче Малинели Тенепатль (науатль Malineli Tenepatl), в крещении донья Марина (исп. Doña Marina, 1500 или 1501 — между 1529 и 1550) — переводчица, осведомительница и наложница Эрнана Кортеса, сыгравшая важную роль в завоевании Мексики испанцами.

— Нет-нет, — возник как из-под земли Лебедев. Прочитав в Верочкиных глазах испуг и полное недоумение от его необыкновенного проникновения в квартиру, пролепетал,- там просто дверь была открыта! — и, как ни в чём не бывало, продолжил мысль, — но дело не в этом! Её имя в переводе — это «трава»!

Совсем не удивившийся Славка продолжил извлекать информацию из компьютера:

— Мексиканский историк XVII века Чимальпаин, выходец из народа чичимеков, утверждал, что настоящим именем её было Тенепаль (Tenepal). «Малинче» же, согласно Гомесу де Ороско, было именем её отца.

— О! Чичимекас! Это великое племя! Они не давали покоя даже Великому городу времён и народов Теотиуакану!

---

[1] Фактически это произошло только в 1535 году

— Чучмеки, что от них ещё ждать…- пошутила Верочка.

— Да-да, — откликнулся Лебедев, — но испанцы — это не Чичимекас. Представляете себе? Вооружённые огнестрельными мушкетами и аркебузами испанские конкистадоры при поддержке громоподобной артиллерии, а рыцари ещё и верхом на конях, коих туземцы и в глаза никогда не видели, полностью деморализовывали даже самых смелых индейских воинов. Лошадей боялись больше, чем пушек. И если удавалось захватить в плен всадников, первое, что делали местные жрецы на своих теокалли, — ритуально расправлялись не только с сердцами испанцев, но и с головами лошадей, считая их богами… Потерпев полное фиаско в нескольких вооружённых столкновениях и осознав свою безоружность перед Кортесом, правители города Табаско, вожди племён и деревень всей провинции Ануака решили, что их единственный способ избежать катастрофы — откупиться. На следующий же день, рано утром, а, если быть точным, это был девятнадцатый день месяца марта 1519 года, перед завоевателями собралась большая делегация вождей, руководителей и знатных особ со всего Табаско во главе с правителем города. Приблизившись, они с величайшим почтением преподнесли Кортесу дорогие подарки — золотые предметы и изделия: 4 диадемы, несколько ящериц, две собачки с торчащими ушами, 5 уток, 2 изображения лиц индейцев и другое. Вместе с подношениями в дар испанцам передали двадцать молодых женщин и среди них — умницу и красавицу, уроженку селения Уилотлан, дочь касика[1] Пайналы, внучку руководителя области Шалацинко, касика Коацакоалько, неповторимую Малиналь. Отвергнутая Монтесумой, претерпевшая много бед, она переходила из рук в руки, пока не оказалась во власти правителя Потончана, и сейчас её предлагали

[1] Каси́к — вождь индейской деревни на языке таино, коренного населения Антильских островов, в т. ч. Кубы, аравакской группы, которые первыми из индейцев вступили в контакт с колонизаторами Колумба. Позднее испанцы стали использовать данное слово для всех индейских правителей. Кроме того, в новое и новейшее время в некоторых странах Латинской Америки и в Испании так называют не только влиятельных политиков местного масштаба, но и весьма именитых персон.

Кортесу, как самую уникальную ценность. Индейцев это, как известно, не спасло, но для испанского конкистадора она действительно стала уникально ценным подарком. После обращения в христианство Малиналь стала доньей Мариной… Ей тогда было двадцать пять лет.

— Спасибо за интересную историю. Мы вообще-то тут с Верочкой отдыхаем.

— Нет проблем. Я ж на минутку только.

— Оставайтесь, ЮрВедыч! Сейчас чай поставлю! Светик, ну что ты бука такой? Лебедев всегда так интересно говорит.

— Оставайся, — согласился Славка, не отрываясь от монитора. — Ну вот, в другом документе сказано, что между восемью и двенадцатью годами Малиналь была отдана в рабство из области, населённой майя, видимо, в виде дани.

— Её купил Монтесума в двенадцать.

— И она свободно владела ацтекским языком (науатлем), lingua franca Мексики, одним из языков майя — чонталем, а также несколькими наречиями.

— Ну да. По распоряжению Кортеса она должна была стать собственностью капитана Алонсо Эрнандеса де Портокарреро, но как только Кортес услышал, что девушка говорит на двух языках, и, в том числе, на языке ацтеков, то сразу обратил на Малиналь внимание. Дело в том, что главным переводчиком Кортеса был побывавший в плену у индейцев испанский священник Херонимо де Агиларе, который знал только язык майя, и главнокомандующий испытывал весьма значимые неудобства при общении именно с ацтекскими племенами. Поэтому девушку сразу прикрепили для обучения к Херонимо де Агильяру. Теперь Малиналь переводила с ацтекского науатля на язык майя, а Агильяр переводил с майя на испанский, и наоборот.

— По-видимому, Малиналь очень быстро освоила испанский язык и стала сопровождать Кортеса, как единственный переводчик, поскольку имя Агильяра в дальнейшем почти не упоминается[1].

---

[1] Альва Иштлильшочитль, Фернандо де. История народа чичимеков. — Украина, Киев, 2010.

Далее они предвзято и критически просмотрели все описания и изображения Кортеса, Монтесумы и Малиналь.

— А у Кортеса жёны, дети были? — заинтересовалась из кухни Верочка, не отрываясь от готовки.

— А как же! — воскликнул Светослав, — ещё в 1514 году по обязательству он женится на свояченице Диего Веласкеса[1] Каталине Хуарес Маркайда. Но Кортес не любил её и жил тогда с индейской наложницей, которую крестил под именем Леоноры, а своей дочери-метиске дал имя и фамилию матери — Каталина Писарро. С 1519 года у него в наложницах была Малиналь. В августе 1522 года жена Кортеса Каталина Хуарес вместе со своими братьями и сёстрами прибыла в Мексику, но буквально через два месяца умерла в канун праздника Всех святых, 1 ноября. Вскоре после кончины Каталины у Кортеса родился сын-метис от Малиналь, крещённый Мартином. Ещё один сын — Луис, родился в 1525 году от Антонии (или Эльвиры) Эрмосильо, которую считают испанкой, однако, скорее всего, она тоже была индианкой. У Кортеса были ещё две дочери от ацтекских принцесс, в том числе, от дочери Монтесумы — Течуишпоцин (в крещении — Исабель). Впоследствии все дети были признаны законными наследниками.

В 1529 году Кортес официально женился во второй раз. С Хуаной Рамирес де Орельяно де Суньига он прожил до конца жизни. Всего у Кортеса имелось 10 или 11 детей, из них шесть — в законном браке.

— Еда готова, — поклонилась мужчинам Вера, приглашая их жестом к столу.

* * *

Про жён и детей Кортеса Лебедев знал без интернета и сам об этом мог подробно рассказать, но вдруг замолк и очень напряжённо впялился в компьютер. В мониторе, как в прошлый раз, он узрел отражение Наблюдателя.

---

[1] Диéго Велáскес Консуэ́ло де Куэ́льяр (1456, Куэльяр, Сеговия — 12 июня 1524, Сантьяго-де-Куба) — испанский конкистадор с титулом аделантадо, завоеватель Кубы.

— Поторопись, — не размыкая губ, бесстрастно обратился он к контактёру, — времени всё меньше. Плод можно потерять. Кое-какие подвижки в сознании Малиналь происходят, но они абсолютно не кардинальные. Надо интенсифицировать поиски новых возможностей.

— Мы весьма заинтересованы в рождении девочки,- мысленно держал ответ профессор, — но, простите, какой ваш интерес в данной ситуации?

— Ты не думал, почему селекционеры-ботаники особо ценные сорта деревьев размножают только черенкованием или через почку, почему животноводы никогда не допустят плохого содержания, не то, что потери племенного скота, почему люди из различных сословий и каст не смешиваются в браке. Всё это делается для сохранения чистоты, соответственно, сорта, породы, рода. Так и в энергетическом мире. Души, перевоплощаясь бесконечное число раз, образуют пространственно-временные цепочки. Качество этих цепочек разное. Их сотни миллионов. И среди них есть эталонные цепочки. Их не более десятка. Но от них зависит развитие всей человеческой популяции. Это элита. Малиналь, если ты не понял, — это носитель одной из этих цепочек, которую необходимо сохранить. Вот наш интерес.

Отражение исчезло.

Очнувшись, профессор расслышал последние слова Славки.

— Вот именно. Я думаю, действительной роскошью Кортеса являлись его необычайно-глубокие вдумчивые синие глаза!

— А у меня голубые… — пробормотал Лебедев и добавил задумчиво, — интересно, я ей понравлюсь?

— А ты назови имя Бога, мать твою так, — рассмеялся друг.

— Не. Я хочу, чтоб она сама.

* * *

Ночью во сне Славка увидел снова свой родительский дом. Только с вишен уже опала вся листва. Ветви садовых деревьев тянули ветви к мятежному небу. По дорожке, усыпанной осенними листьями и красными яблоками в несколько слоёв, которые так никто и не убрал, навстречу Славке шла мать.

— Мама! Мне тяжело одному без тебя! Как же мне тяжело…

— Хм… — ответила мать, — тяжело одному пионы из глины по весне пересаживать. А по осени — картошку выкапывать…

— А я…

— А ты забудь!

Слова мамы Веры жесткие, колючие, но глаза не строгие, без укоризны, и в голосе нет уже обиды, как будто это не упрёк вовсе, а оправдание.

Славка проснулся. Тяжело вздохнул. Погладил рядом посапывающую супругу по округлившемуся животику.

Произнёс нежно вполголоса:

— Человек живёт для любви. И ради любви. Не в этой, так в следующей жизни!

— И я тебя. Спи, — пробормотала Верочка.

* * *

Но Светослав не мог уснуть. Он представлял в лицах, отдавшись воображению, как читатель, впившийся в увлекательный роман. Эмоции разрывали мозг.

Вовсе не хотелось верить испанским рассказам о некой легенде, что, якобы, Монтесума боялся пришельцев и сразу вынес им золото. Ну конечно, это была сказка, выдуманная испанцами… Или не сказка? Может, и вправду к Монтесуме вбежал гонец со словами: «Боги вернулись! Их копья извергают пламя! У их воинов по две головы и по шесть ног и они живут в плавающих дворцах»…

Может, и вправду, Монтесума давно ожидал исполнения древнего пророчества о возвращении сынов Кетцалькоатля в год Се Акатль? И были бесконечные по нескольку дней совещания со жрецами с обсуждением предсказания оракула? Ведь, если верить ЮрВедычу, Оноул, сотворивший с ним эту самую кама-нада-рдрату, теоретически мог и рассказать жрецам, что будет. Вот тебе и предсказание оракула.

Нет. Всё это, по мнению Славки, сочинил Кортес, он ведь был неплохой писатель. И придумал он это, что бы придать некий ореол фатальности происходящему и максимально романтизировать свои, по сути, кровавые похождения, сопровождаемые

массовым истреблением коренного населения и откровенным грабежом национальных богатств.

Он и убил Монтесуму!

Он!

Или она?

Или она сама это сделала? Малиналь?

Отчего мается теперь так её душа? Что не может понять? Простить?

А Колумб, кстати, до материка и не доплыл, фактически Америку не открывал, он открыл лишь Багамские острова, а немного позже — Кубу и Эспаньолу. А Америку, как континент, и это факт, открыл и покорил Кортес! И помогла ему в этом Малиналь.

Представить невозможно, как она была хороша. Как вдохновенно танцевала. И как вся, без остатка доверилась первому в своей жизни мужчине. Это был Монтесума II. Но он предал её.

Как в красавицу влюбился Эрнан Кортес. Малиналь стала верной спутницей и переводчиком Кортеса.

Малиналь свободно проникает за любые стены. Со знанием языков и коммуникабельностью ей удаётся это легко и просто…

Тот, кого она любила, возможно, даже имя забыл. Но она не забыла. Женщины такого не забывают! И не прощают!

А потому она холодно наблюдала, как гигантская, могущественная империя ацтеков методично уничтожалась. И думала, что в новом справедливом мире Кортес станет её судьбой. Родила ему сына.

Однако, Кортес, прозванный индейцами Малицина[1], не раз спасённый верной Малиналью от гибели, получивший от неё и наслаждение, и утехи, и покорённые города, однажды за ненадобностью просто сбросил её с руки, как перчатку, отдав в жёны дону Хуану Харамильо!

Но женщина вовсе не ощущала себя вещью, пришедшей в негодность и по старости проданной другому хозяину по дешёвке. Нет. После Монтесумы она упивалась одиночеством. И местью. Разрушительной силой Огненного Змея, опоясывающего Вселенную, его карой. Но те чувства к первому мужчи-

[1] На языке индейцев — человек Малиналь, или попросту муж Малиналь.

не, всё ещё теплящиеся в груди, не давали покоя. Непокорная память постоянно выковыривала из самых потаённых уголков сознания её оскорблённое чувство любви. Снова и снова возвращая счастливые мгновения их близости, Малиналь терзала себя и мучила. Она всё ещё любила его. Неблагодарного, великого и уничтоженного ею Монтесуму. Даже сейчас, во время любовных игр с законным мужем доном Хуаном она, пряча взгляд за прищур эпикантуса, вспоминала свои похождения, точно Уицилопочтли, колдун колибри, бог войны и солнца. Душа её, подобно дымящемуся зеркалу Тескатлипока, обретшему принесённые жертвы, упивалась содеянным мщением в собственном глубинном гордом одиночестве, что унаследовали множественные следующие воплощения, оскорблённые отвергнутой любовью.

* * *

Индейцы Ануака в пятнадцать лет могли брать себе в жёны двенадцатилетних девушек. Но, не получив одобрения матери, самой невесте строго настрого запрещалось выходить замуж и потерять девственность.

У Малинали в двенадцать лет такого материнского одобрения не было.

Итак.

Малиналь всё решила. Паруса судьбы приняли ветер. Ничто не изменит её курс. Душа больше не пряталась от указаний несведущих, как должно ей поступать. Слишком долго душа ждала счастья. Дождалась лишь одиночества и разочарования. Приняла статус покорности. Терпения. Скорби. Столетие за столетием. Рождение за рождением,… не веря! Не открывая сердца. Не прощая. И… любя…

Встречая и провожая мужчин, находящихся с ней в браке, держа взаперти самое драгоценное — благоговение, она воспринимала противоположный пол как существ, губящих женскую молодость, и старалась находиться от них подальше. Тень холода забвения в любви коснулась её, точно прикосновение смерти. Погасли золотые очи. Усталою рождалась она, перерождалась и усталою умирала… от разлуки до разлуки, от моги-

лы к могиле, какою бы дорогой не шла, приходила к одному и тому же — к одиночеству и печали.

Вот по этой причине не хотела она рождаться снова. А уйти в безвременную безвозвратность отречённой от всего отшельницей.

Воплощения Малиналь после Монтесумы были разными. Вера в индийских богов, вера в Христа или вера в Будду не устрашали и не утешали, а напоминали органичный танец под звёздами, когда впервые её увидел Монтесума. Личный бог Малиналь, что теплился в душе, похоже, тоже дремал, но она всё ещё смутно чувствовала его всеобъемлющую справедливость, как малюсенькую надежду на какое-то будущее счастье, тлеющую огонёчком почти угасшей лампадки под засаленным тысячелетиями едва обозначенным ликом. Лик сей был милосерднее её самой, потому как она продолжала всё ещё любить Монтесуму. И презирать Кортеса, чья жадность оказалась сильнее любви. Её же любовь к Монтесуме была сильнее смерти, униженная и отторгнутая, любовь торжествовала над смертью!

Мгла волшебного временного зеркала заволакивала сознание профессора Лебедева; может быть, он сейчас был единственным из людей, который понимал пресловутую «загадочность женской души». ЮрВедыч эту душу ощущал почти физически, — это его Надежда, и неважно в ком она сейчас воплощена, Малиналь или любая из последующих.

Глава 25. Зелёный палец

— Назови имя Бога! — кричит ЮрВедыч императору Монтесуме II, — Бог твой — это она! Малиналь! Та, которую ты выбросил из своей жизни, как ненужную использованную циновку, та, что была преподнесена Кортесу в виде ценнейшего подарка. Живая Душа.

— Уицилопочтли мой Бог, — отвечает император, — Кецалькоатль мой Бог.

…И гибнет империя.

* * *

— Назови имя Бога! Это она! Малиналь! Та, которую ты собираешься отбросить прочь, как тряпичную куклу! — кричит Лебедев Кортесу, когда прогибается мост под тяжестью награбленного золота…

— Бог наш Един. Иисус Христос! — отвечает католик.

— Ты умрёшь в проклятьях! Будут прятать место твоих останков, чтобы их не развеяли по ветру разъярённые потомки индейцев! Назови имя Бога! Пока не поздно! Это она! Малиналь! Это она помогает тебе во всём… без неё ты ничто!

— Бог наш Един. Иисус Христос! — отвечает католик.

…И рушится мост, погребая лучших солдат Кортеса.

* * *

Любовь к Монтесуме у Надежды непреходяща. Вечна. Она возвращается фразой:

— Слушай, как бьётся сердце!

И стонет хвостатый эмбрион в животике, проваливаясь в сон рождения пятисотлетней давности, точно в вызревший коньяк времён, снова и снова окуная себя в ту фразу Монтесумы:

— Слушай, как бьётся сердце!

— Назови имя Бога! — просит Лебедев безнадёжно и робко. — Просто назови.

И слышит дерзкий и угрожающе тихий ответ Души:

— Вот пусть Сам Бог, если он есть, и назовёт моё имя. А я не хочу.

…

— Слушай, как бьётся сердце, — считывает шёпот далеких звёзд Вселенной Верочка. Ладошку Славкину удобнее укладывает на животе, — слушай! Как стучит!

* * *

Совсем отчаявшись и остановившись в метаниях, ЮрВедыч делает перерыв, провалившись в будущее.

«Я уже в аду» — загорается внутренним подфарником мысль, потому что красных огней много. Слишком много. А дальше они вообще сплетаются в зловещий клубок мерца-

ющей гирлянды. Всё медленнее и медленнее их движение в чёрном пространстве дороги. Первые уже встали. Следующие этого ещё не видят, но им приходится тормозить. Ещё тормозить. Ещё. Стоп! Пробка.

Ну, вот. Очередной кусок жизни съедает новое путешествие в Бездну ближайшего будущего, чтобы затем оказаться в недалёком прошлом.

Мексика. Предвыборные гонки.

Лебедев оказывается на площади перед той самой теокалли, где ранее сбрасывали жертв, а теперь католический собор.

Толпу, горячась, увлекает очередной предвыборный мексиканский политик:

— Нам удалось пройти первый этап и прогнуть кинжал приличия в сердце чумы старой власти. Приходи на выборы, нам нужно вместе каждым голосом и каждым словом покрутить кинжал на триста шестьдесят градусов, пока мы не почувствуем пульс в рукоятке, чувствуя, что биение предупредит нас о наличии артерии, поэтому, чтобы быть уверенным после кручения ножа, нужно раскачать его туда-сюда, вверх-вниз и вытаскивать кинжал приличия. Как кровь культового ицтли выкачивается из груди оранжевого ворота обмана, лжи и коррупции, мы перевернём безжизненный труп старого президента в самую глубокую часть Марианской впадины гнить и разлагаться во тьме! Как нам это сделать, спросите вы? Зарегистрировавшись и получив достойных, здравомыслящих, рациональных людей, мы вместе пойдём голосовать, как один кинжал. Если кто-то боится культа, не мешайте тем, кто в состоянии выполнить миссию! Мы не должны быть самоуспокоенными! Мы — лидеры! Пора идти за победой!

— Просто назовите имя Бога… — прошептал уставший Лебедев.

Но вдруг лицо мексиканского политика неожиданно обратилось к контактёру голосом галактического Наблюдателя:

— Время заканчивается! Исход миссии неясен! Необходим толчок! Катализатор! Сознание Малиналь надо разбудить!

* * *

Вернувшись из будущего, он схватил Славку и потащил в пустующий его родительский дом.

Оба, в первую очередь, почему-то увидели очки, заложенные в книгу, которую не дочитала мать… и больно резануло по горлу.

— Зачем всё это? — упал в кресло Славка.

— Я испробовал все варианты. Надежды не осталось.

— Если взглянуть на проблему изнутри, то проблема не видна! — пошутил Славка.

— Мне не до шуток.

Светослав Петрович понял, что профессор действительно на грани. Он завёл тему, вроде как совсем не касающуюся проблемы:

— Мы — неисправимые сказочники-романтики, мы верим в материализацию пространства и времени. Да ведь?

— Да.

— И мы проживаем в иллюзии постоянно.

Лебедев присел рядом, неотрывно рассматривая очки, будто в них была зацепка.

— Иллюзию мы несём с собой, — продолжал Славка. — Иллюзию мы несём в себе. Зная, что лишь на неё подчас и можно положиться! Вызволить из времени и завести, точно часовой механизм. Да ведь?

— Да.

— Причём так воспроизвести, чтобы и люди ощутили иллюзорность нашего метафизического духовного мира как материальную собственную действительность.

И неожиданно задал вопрос, что его действительно мучил:

— А как же она там растёт? Не было — не было, и вдруг растёт. Не останавливается. Значит, есть ещё шанс. Да?

— Да. Шанс есть, — ответил хмурый Лебедев. — Как рождается и как множится клетка? Она растёт… в себя! Растёт внутрь системы. Но если уж быть до конца честным, то она — организм, который сам не рождается. Ему дана команда извне.

Друзья помолчали. Но вектор, заданный Славкой, был верным. Надо ведь было вернуть друга из пике. И Лебедев увлёкся своими научными доводами:

— Видишь ли, яйцеклетка — прообраз минимально разворачивающейся из точки сборки новой, вечной, заново повторяющейся Вселенной. Её возможности максимальны.

Учёный подскочил и заходил по комнате, махая руками и показывая систему рождения зародыша:

— Процесс рождения стремится к центру. К ноль-точке. Это города растут снаружи. Живой организм, как вулкан, — изнутри, эластично расширяя то, что секунду назад появилось из него же новообразованиями. Поэтому, не успев родиться, они старятся!

— Зачем?

— Чтобы познать айнсоф — источник информации. И научиться любить. В умных «Книгах Мёртвых» всех времён и народов на это Боги дали чёткий и ровный ответ! В принципе… в принципе, новый организм в точности повторяет себя умершего минуту назад, или сто минут назад, или сто лет назад, или тысячу...

— В нашем случае пятьсот?

— Ну, да. Он как бы копируется. За исключением пары-тройки новых изменённых состояний. Эти новые элементы и есть будущая основа информации. Оболочка яйцеклетки подобна Вселенной. Или планетарной атмосфере, где внутри повторяется информационный путь развития в конкретном месте. Оплодотворение — лишь заявка на путь возможного развития. Новое образование как бы отбирает, отнимает у центральной системы часть измерений. Берет её часть. И этой частью становится. Из неё вырастет внутрь системы, но в своём теле.

— А потом?

— Потом? Борщ с котом! Клетка проживает какое-то время, отражаясь в оболочке, получая свой идентификационный образ и обмениваясь энергией с космосом, делает вторую клетку. Двоиться — колоссальное напряжение и ответственность, ибо вновь рождающееся оглядывается назад, всё ли делает правильно. Оно не уверено. Далеко не уверено. И оно, и Вселенная какое-то время смотрят — всё ли делается правильно. Все хро-

мосомы стягиваются к середине, а потом рождается четыре, и снова четыре, и опять по четыре. И так далее. Крестообразно в нескольких измерениях. Четыре икс-сердца смотрят в будущее. Четыре — в прошлое. Ещё четыре считывают информацию горизонтально с настоящего по системе координат. А внутри — хаос. Система на миллиард лет отбрасывается назад и проверяет правильность пути. Достраивает коррекции хромосомы.

Клетка зависает в континууме и утверждается в новом предложенном образе. Это можно назвать Экзаменом у Бога! То есть себя новоизменённого у себя самого, воплощённого множество раз в прошлом и себя в будущем. В сей прекрасный волшебный миг ожидания роста клетка позволяет протащить сквозь себя саму информацию тысячелетий и идентифицируется в новом образе.

— Допустим. И что же нам делать?

— Ты обещал рассказать про бабку-итальянку.

— Ах да. Случай был на самом деле. В научном журнале писали. Короче, в Италии бабка пошла красить стены. Отравилась. Уснула и окаменела. Сквозь неё прошли ядовитые эфиры. Рост клеток остановился. То есть она получила клиническую смерть. Её откачали. Прокачали кровь. Тело начало чесаться. С неё слезла 90-летняя старуха. Появилась 60-летняя, за ней 40-летняя, 20-летняя….

— Так это всё понятно. Инерция колбасы рождения или трубы заработала в обратную сторону! Прошлые поперли вперёд. Случайно получилось, что энергооболочку очистили, как яйцо от 90-летней, облупили. И точно телескопически выдвинулась антенна будущего воплощения.

— Старое развернулось, и река поплыла вспять?

— Нет. Произошло считывание. Чтение новой информации, а тело новое не дали, удовлетворившись тем, что есть. Так бывает. 16-32, всё равно придерживается соотношение. Круглые зиготы. Бластулы. В континууме, в трубе…

— Диалектически?

— Ну, да. Когда идёт процесс рождения — изнутри мнётся то, что секунду назад появилось. Труба проталкивает вновь

рождённые клетки. Сминает старые. Продалбливается дорога для нового образа. И себе реагирует, и определяет маршрут по цепи. Труба сворачивается, подобно первичным формам, проживает, как одноклеточная водоросль хлорелла. Система «трубы» закладывает пути и её овеществления, материализации духа в теле. Новообразованный образ меняется, но незначительно.

— А сон рождения?

— Во-о-о-т! Все путешествия в подобный временной отрезок «времени перемен» система закрывает. «Сон рождения» не должна помнить душа! Нельзя!

С веток звучно упало яблоко.

Оба посмотрели за окно. Задумались.

— Последнее…

— Последняя Надежда…

Бог ли, проведение ли так устроили — Светослав жил под невидимым куполом матери, но и вдали от неё. Не как другие. Не как те, что терпят старость у себя на диване, на собственной кухне, шаркающие тапочками, скребущие ранним утром ложкой о тарелку…

Мать рано поняла, что её самодостаточность и есть высший урок для собственного любимого сына…

Проведение так устроило, что он, как оперившийся птенец, покинув гнездо, лишился опеки матери. Как бы она для него исчезла. Но исчезла так как-то странно. В любую минуту он мог позвонить ей. Спросить о чём-то. И ощутить её заботу и тепло. Просто ощутить тепло.

А теперь она умерла.

И купол исчез. И теперь всё. Вот всё. И тот рай, откуда она время от времени могла являть свою милость, схлопнулся. Последнее яблоко в её саду упало с ветки. И жизнь прервала существование. Смерть, неотвратимость которой все понимали и встречу её годами и десятилетиями репетировали, вдруг неожиданно пришла.

Лебедев вышел из дома. Славка за ним.

— А книга о чём?

— Какая книга?

— В которую очки заложены.

— Садоводство.

— Ясно. Теперь я понял, где бы надо ещё побывать. Смотри, Слав, казалось бы, всё просто. Снизу — вода. Сверху — воздух. Посередине — лёд, удерживающий тело. Зеркало льда — промежуточное состояние между сном и бодрствованием.

Идём дальше.

Лёд провалился. Мы почти у цели. Мы пробили брешь таинства знания. Или нет?

Есть мнение среди мужей учёных, что при рождении нашей Вселенной должна была появиться и Антивселенная, равная нашей, но состоящая из антиматерии. Найти её не могут и предполагают, что она находится в антипространстве, параллельном нашему, по гипотезе академика Наана. При этом известно, что фотоны и антифотоны совпадают, а значит, свободно, без аннигиляции могут проникать из мира в антимир и наоборот.

Если предположить, что на плоскости зеркала происходит не отражение света, а взаимопроникновение его, и при этом зеркало является как бы окном для света между нашими мирами — один фотон вылетел, один в это время влетел — то понятно, почему образ, который мы видим в обычном зеркале, является, в сущности, нашим антиподом.

— А человек? Человек, которого мы видим, говорим с ним. Кем является он для нас? Порталом? Входом в потусторонний мир? Вратами?

— Любой правша видит в зеркале левшу, с сердцем справа и другим именем... Наши ли имена пишут отражения воды? Небес? Снов?

— Ага! А сейчас-то что? Я сын или отец?

— Святой Дух! — засмеялся Лебедев.

— Не богохульствуй!

— Не богохвальствуй! Сейчас особое интересное состояние рождения нового человека. Вода, лёд и пар — жидкое, твёрдое и газообразное — и разом, и всяко...

— Главное при этом — не разговаривать с разными частями своего сознания и подсознания одновременно!

— Знаешь, Большаков, атмосфера — не трёхслойная, как в школе учат, а многослойная!!! И внутренности Земли аналогично! Это на плакате всё просто. А на самом деле всё не так!

— А как?

— В науке это называется, как состояние Берсерка. Вхождение в Дух. Или становление воина. Превращение Пушкинского Гвидона в комара и обратно.

— Что ты опять задумал?

— Ты погоди пока. Я кое-что проверить решил. Очки мне только что подсказали, наконец, ответ. Что мать здесь выращивала? — спросил Лебедев.

— Картошку. Помидоры. Кукурузу, — ответил Славка, — подсолнухи. Тыкву. Ну всё, что русские всегда растили.

— Русские? Ха-ха-ха! То, что ты перечислил, как раз индейцы и культивировали на своих полях! Это потом всё в Европу завезли…. Значит, картошку и помидоры, говоришь… ясно! Теперь всё ясно! Так. Куда я летал... Ага. Я был в будущем. Потом — в настоящем. Всё. Пора чуть-чуть в прошлое, на этой же площадке. И контактёр исчез.

* * *

Рывок сознания. Разворот — и ЮрВедыч переместился в деревню за несколько недель до смерти Надежды Большаковой. За оградкой материализовался. Вроде не было человека. Раз — есть человек. Стоит. Смотрит на неё, ухаживающую за землёй, в упор.

Женщина глянула, да и выпрямилась. Ждёт, что привидение скажет. И услышала наконец:

— Бог в помощь!

— Бог-то бог, да и сам бы помог, — вернулось в ответ.

ЮрВедыч обрадовался, что Душа встретила его более чем любезно. Резво перемахнул калитку, точно подросток четырнадцатилетний.

Она удивилась:

— Откуда такой прыткий?

— С того света.

Надежда, разочаровавшись, уткнулась в работу, продолжая пропалывать грядки, задумчиво мурлыча под нос какой-то старый напев, точно визит незнакомца её и не касался.

— Смородиновым листом разжиться можно, хозяюшка?

Мать подняла глаза, впрочем, без досады:

— Какой сейчас лист? Только почки. Ты за листом, мил-человек, через пару недель приходи.

ЮрВедыч ещё некоторое время, переминаясь с ноги на ногу, стоял. Глядел, как она вытаскивала сорняки, выбивая их от земли, точно свалявшиеся за зиму подушки, и опустошённые, лёгкие бросала в ведро.

— Ловко ты их! — похвалил непрошенный гость, — будто знаешь, что в прошлой жизни они твоими врагами были…

— Чепуху-то не мели, — отрубила хозяйка, — в какой такой прошлой жизни? Может, ещё и будущая есть?

— Однозначно, — улыбнулся Лебедев. — Как всё у тебя тут складно. Хозяюшка. И сад. И дом. Может, у тебя дар? «Зелёный палец»?

Мать демонстративно встала проводить его до калитки, и, глядя на гору поверженных сорняков, сказала:

— Да какой там «Зелёный палец»? Скажешь, тоже… Только терпение. И труд. Вот такая у нас жизнь. Может быть, скучная. Не интересная. Но ею надо заниматься, — и добавила, — обязательно.

Не попрощавшись, собственно, как и не поздоровавшись, ЮрВедыч сделал шаг назад из её Света в свою Темноту.

* * *

— Там разгадки нет, — только и ответил он дожидающемуся Славке, — надо глубже искать.

— Где?

— Она что-то напевала под нос. Будто бы мотив мне знаком. Погоди. Кажется, я понял,… сейчас попробую…

И вот уже он несётся сквозь пески и колючки. На жаре, как в сауне, трещат камни. Пересекает поля маиса, агавы, картофеля, кукурузы, подсолнечника и розово-жёлтых тыкв, расправляется в племени индейцев.

У самого большого вигвама, где проживает, возможно, местный вождь — касик, молодая женщина, его жена, мурлычет под нос ту же песню. Колыбельную? Нет? Слов у песни нет. Только мелодия.

В её саду расцветает всё, к чему бы она ни прикоснулась, что бы ни посадила. Половики плетутся «сами». «Сами» вяжутся сети. «Сами» вырастают талантливыми дети. Именно о таких говорят, что от рождения обладают они волшебным даром под названием «зелёный палец»…

Даже кактусы гарамбольос дают сладкие плоды!

Молодка прямо на улице ловко плетёт из ниток, ремней и перьев очередную ловушку для снов. Круг. Ещё круг. В ловушках — бусинки. Что ловят они? Прошлое? Будущее? Настоящее?

Лебедев едва-едва не залипает в ловушке, но вовремя хватается за кактус.

Для матери девочка-подросток с одной из его высоченных верхушек обрывает несколько сладких плодов и спешит угостить:

— Мама!

— Моя ж лапонька, — умиляется черноволосая красотка, прижимает девочку к груди и, обращая очи к небу, благодарит царицу мать-смерть богов индейцев за ласковую и внимательную дочку:

— Мама! Матушка моя! Спасибо тебе!

И профессор понимает, наконец…

Это торжество любви…

Та нить, которая может сохранять и воплощать сию энергетическую ауру в следующих воплощениях, и есть тот ключ…

Стоп! Это же не просто сладкие плоды кактуса…Мелодия! Как же он раньше этого не видел? Именно её напевала, работая, Надежда. И у этой женщины всё спорилось под …мотив.

Как, может, спорилось тысячи лет по завещанию Великой Матери и Богини Смерти и… Жизни, которым поклонялись поколения индейцев.

Напрягая все свои практически отсутствующие вокальные способности, профессор несколько раз пропел про себя и

для верности повторил вслух незамысловатые ноты древнего колыбельного гимна — молитвы.

* * *

Друзья спрятались, как обычно, на лестнице, и даже за дверью старались разговаривать в полголоса, чтобы не отвлечь от кухонных дел очаровательную на последней неделе беременности Верочку. Настроение поднималось по мере необычайной лёгкости достижения результатов её труда, даже в достаточно однообразных домашних делах. И завтрак, это отметили все, был необычайно вкусен. Потому что именно плоды старого кактуса гарамбольос были поданы на стол. И ребёнок внутри вдруг успокоился, прислушиваясь к нежному голосу матери.

В Надежде пробуждалась с напевом воспоминаний ВЕЧНОСТЬ, не позволяя разуму отторгать жизнь. И эти изменения не были случайностью. Сознание будущего человека было подготовлено к пробуждению постоянным общением, проявлением любви, заботы всех находящихся рядом людей. И даже подкормка давно забытыми изысками и новыми, пока совершенно незнакомыми, вкусами не прошла бесследно.

Лебедев реально почувствовал вдруг высокую вероятность какого-то прорыва, эмоции на его лице не давали в этом сомневаться.

— Что? Что ты узнал?

— Если ты кричишь «мама!», то слово «помоги» добавлять уже не надо, ибо первый слог «ма» — это обращение к древней богине-прародительнице всех землян «Ма-а-а!», а второй слог «ма» — дважды повторённое заклинание о помощи. Ясно?

— Не ясно.

— Самые древние эры, катархей и архей, а потом протерозой, палеозой, мезозой, кайнозой… и мы все жили. И там. И здесь. И чем дольше живёт и развивается Душа, тем длиннее её идентификационный номер. Ма-ма. Это два раза ма. И-исус. Это две гласные. Понимаешь?

— Люли-люли ты какие-то несёшь!

— Точно! Именно люли-люли — первые боги любви! Два слога повторялись лишь в крайнем случае. Чем больше повторений, тем…

— Триждывеличественнее Гермес?!

— Так и КА-КА-О! Древний бог тоже, между прочим! Недаром Монтесума ежедневно Малиналь какао предлагал! Ка-Ава — древнейшая богиня Ма-а. На языке древней Атлантиды, да и завоевателей с Марса, Овал и Авал — почти одно. Форма городов одна.

— Это в прошлом.

— Нет. Будущее — оно и есть проекция прошлого. Как только в будущее попадёшь, оттуда фиг выбраться, если начнёшь выпендриваться. Но дай досказать мне главную мысль. Усиленное двумя слогами название давалось только самым выдающимся личностям. Так, слово мама или гигиена или ка-ка-о или ку-ку-руза — всё из этой области. Тео-Тео-унакан.

Заклинание. Заговор. Слово-код. Слово-ключ. Набор слов-ключей ещё сложней. Типа, как вопрос — ответ. Пароль назвал — пароль закончил — дверь и отворилась. Миссия древней силы и медицины — она могла как поднять на ноги, так и свести с ума. Палка о двух концах. Один помогает — другой нещадно бьёт. В этой жизни добавляет и отдаёт — в следующей забирает! И не факт, что эта жизнь важнее. Может, в следующей ты проявишь себя более талантливо.

— Я думал, овал — фале — вале.

— Совершенно правильно, ибо целое, Адея и есть здоровье, то есть живущие люди этого не знают. И, если два слога в имени усиливаются друг другом, то они уже не случайны. А заслужены. Это значит, что субъект с этим именем может жить в нескольких проекциях, в том числе в ментале.

— Иааков по Библии?

— Ну это уже отголоски. Были и очень заслуженные имена, такие как Ирна-фан-фан-фа-нан.

— У народов Севера танцевальное ёхарьё по тысячи раз повторялось.

— Да. А африканцы долбили в бубны: бу-бу-бу, ритмически будя небеса и землю. У аборигенов Индии жизнь как бы вообще,

если проще сказать, умещалась между вдохом и выдохом. Ха-ри Кришна, Ха-ри Ра-ма, Ха-ри-Ха-ри. Ра-ма, Ра-ма, Васишт-ха!

— А для колыбельной мамочки баю-баю-баю-бай придумали.

— Тоже Бог! Слушай дальше. Автомобильную дорогу от Москвы к «началу Света» — на Чукотку строили несколько раз. Но вот в чём заковыка: в вечной мерзлоте случается дно, а на дне ещё одно дно… и так может быть несколько раз. Как твоё баю-баю-баю-бай бесконечное. Летом линзы льда тают. И дорогу «съедает земля». Представляешь, какие силы и средства угроблены, а путь так и не проложен! Впрочем, с высокого места до Анадыря можно долететь на самолетах, ну или от Амура по морю…

— Можно ещё, если ты медведь, и провалы вечной мерзлоты тебе не страшны… ну, или ты — Абрамович, и у тебя собственный самолётик.

— Я к чему веду-то? К тому, что и между людьми иной раз пролегают такие толщи вечной мерзлоты, что годы уходят на построение к ним «подъездных путей»… Смотришь, а то, что ты выстраивал — ушло в болото! Съела земля! Так вот, чтоб жизнь ещё одна не утекла сквозь пальцы, есть коды. Пароли. Заклинания!

— Ты так понёс словесами, словно нашёл какой-то путь.

— Жрец говорил «Вантана Ауа!» — и из прошлого в будущее перенос тела. Духа. Новое существование. Поэтому для смерти отбирали лучших, тех, кто в соревнованиях выигрывал, чтобы быть разорванным на вершине пирамиды, и тело было бы сброшено вниз по кровавым сходням. И голова была бы отброшена,… но душа взлетала к богу.

— И мозги бы разлетелись в разные стороны, — продолжил тем же тоном Славка, — и сердце трепетало бы живое и горячее в руках мага. Но моё любимое и лучшее существо во Вселенной не должно попасть в эти жернова!

— Моё любимое, — твёрдо сказал Лебедев.

Глава 26. Рождение Веры в Надежде

Зелёные из настоящих миров напряглись.

Рептоиды же, те, что жесткие и прагматичные, ещё помнящие своё марсианское прошлое, посматривали на появление и исчезновение профессора то на одном континенте, то на другом, спокойно наблюдая за ситуацией, не веря, что такую крутую карму как-то вообще можно изменить. Надвигалась катастрофа Великой Выдающейся Души. Или, попросту, выкидыш.

Но проходило время, приближая срок родин, а ни катастрофы, ни выкидыша не было.

Голубые-синие, самые мудрые, что выбирались Наблюдателями за галактическим порядком единым верховным богом, похоже, ждали, когда Лебедев использует шанс или фору, подаренную ему при рождении. Иные Формы и Животные, и Насекомые, и даже люди в тупых серых костюмах тоже взяли некий тайм-аут.

ЮрВедыч подкармливал Верочку Анатольевну Дорожкину без фанатизма, без печёного и сладкого, чтобы не испортить её формы, но и побаловать плод.

А Славка каждую минуту с женой старался быть внимательным и полезным. Помогал во всём и шептал слова любви будущей новорождённой.

— Ты говоришь с ней, потому что так по науке положено? — спросила жена, когда муж намыливал ей спинку.

— Вовсе нет. Просто я люблю тебя и её. Ты и сама знаешь, что всё не так, как видишь и слышишь, а так, как чувствуешь. Любой человек прежде, чем произнести слово губами, формирует его в своем сознании. То есть генерация мысли происходит до возникновения звука. И после того, как завешена звуковая речь, душа ещё продолжает общаться энергетически. Родные люди это чувствуют. Только наука данный феномен пока никак объяснить не может.

— Ты хочешь сказать, что она там, внутри всё чувствует?

— Ещё как!

— И уже разговаривает?

— Вовсю!.. Только мы не слышим...

* * *

В редкие перерывы между перемещениями контактёр пытался разглядеть матрицу рождения галактики. Она в точности совпадала с тем, что видел он там, в околоплодных водах, в кромешной черноте чрева. И лишь энергетические световые кольца одно из другого нанизывалось на его мировое галактическое открытие.

Новая формула, прописанная Лебедевым через измерение в бессмертие, больше походила на матрицу.

Однажды, крепко застряв в будущем, Лебедев взмолился, прося у Наблюдателей выкинуть его обратно.

Но те не спешили, им интересен был опыт попадания в сон рождения:

— Это круто! И формула есть?

— Это матрица!

— Изобрази!

— Не могу! Я её ещё не досоздал! Могу сказать только то, что континуум един. Он идеально круглый. Но только лишь мысль человеческая позволяет адаптировать концептуальное мышление в настоящие реалии, из одних пространств в другие.

— Бери наши лаборатории! Оставайся! Твой мега-разум нужен здесь больше, чем там!!!

— Не мешайте уходить!

И Лебедев всякий раз верно и преданно возвращался, не забывая прихватить кусочек полезной пищи для развития младенца.

К тому же, сам варил какао, объясняя Верочке, насколько именно какао и шоколад полезны и ей, и младенцу.

— Монтесуме, да и другим тлатоани, надо было любить по тридцать женщин в день.

— Это правда? Не верю.

— Не верь. Просто пей какао! Ацтекские императоры в секрет подобной любвеобильности были посвящены богами, снизошедшими с небес, что, по преданию, были точь-в-точь, как ты, синеглазыми и светловолосыми. Именно они привезли на огненных крыльях зёрна какао, кукурузы, подсолнечника и т. д. Научили готовить божественный напиток омоложения.

— Я как-то не особенно его любила, если честно, — призналась беременная, — просто не умею готовить. Оно у меня недоваренное какое-то. Сыроватое.

— А ты просто заливаешь кипяток. А надо ещё в молочке чуток проварить, — учил знаток императорского напитка. — Так вот, какао, а в дальнейшем шоколад, прихватили с собой из Мексики иезуиты. И, так как это был напиток, а не еда, то афродизиак, вызывающий наркотическое приподнятое чувство благоговения, повышающий настроение и сексуальное влечение, а также полностью убирающий стрессовые симптомы и навязчивые состояния, вплоть до разного рода деменций, в том числе и главным образом через соитие, оказался вне зоны видимости инквизиции. Святые отцы не обратили на него внимания, не запретили и пропустили в Старый Свет. Тайны иезуитов хранились веками. Одним из ингредиентов являлся в шоколаде мёд диких пчёл. Более двух тысяч рецепторов ориентированы на распознавание запаха какао и шоколада в воздухе. И, прежде чем работает вкус, этот чудо-напиток чувствуют ноздри. Подобно арабским духам-афродизиакам, духи какао действуют на подсознание.

— А ты не боишься, ЮрВедыч, что это уже слишком?

— Что слишком?

— Ну, вот это всё, что ты говоришь о сексуальной потенции. Мне она теперь зачем? Я ведь ни сегодня-завтра рожу!

— Я-то не боюсь. Славка пусть боится! Если бы люди перестали бояться, цивилизация бы умерла. Два мощных природных фактора воздействуют на любой человеческий

организм — страх смерти и секс. Для каждого из них помощник — Какао!

Сии торжественные приготовления всегда венчались церемониальным какаопитием. Причём, в обязательном порядке напиток наливался из узкого носика максимально высоко поднятого кувшина в чашечку, чтобы образовалась приятная кислородная пенка.

Пласты времени человеческого мирового масштаба подсказывали Лебедеву не торопиться.

Плод чётко подавал нормальные сигналы жизни.

И, наконец, Душа Надежды оттаяла настолько, что позволила ему прорваться из чёрных вод и войти в свой Свет. Крохотная ручонка мысленно взяла профессора за руку, приложила к малюсенькой грудке и шепнула тихо-тихо кукольным голоском, чтоб не услышала мама:

— Послушай, как бьётся сердце!

* * *

Сдавленный стон женщины… и — крик! Детский крик.

Пуповину отрезали.

— Послед не выходит. Приложите ребёнка к груди! — дал команду врач.

А сам вышел в коридор, где ожидали двое:

— Родила. Девочку. Рефлексы работают нормально. Сердце бьётся чётко и ровно, — и, прежде чем вернуться обратно, добавил, — причин для беспокойства я вообще не вижу.

— Она меня простила? Как ты думаешь? — возбуждённо вопрошал Славка у Лебедева.

— Я бы не простил, — отрезал ЮрВедыч.

Но через секунду сам сдержанно, но все-таки торжествующе улыбался, чувствуя приближающуюся победу.

За это время девочку ловко и быстро перепеленали медсёстры. Подали роженице.

Верочка трепетно разглядывала новорождённую, которая, как ей казалось, с не меньшим любопытством разглядывала её.

Невероятно осмысленный взгляд подметила и акушерка.

— Сурьёзная какая! — буркнула она, поудобнее подкладывая «кулёчек» к материнской груди.

Вера замычала глубинную какую-то песню.

И, прежде чем прямо на родовом столе отведать материнского молока, новорождённая Душа чётко пролепетала непослушными губами, точно выдохнула боль прошлых жизней, чтобы простить и забыть:

— Мама…

— Моя ж лапонька, — растроганно прошептала Дорожкина, прикладывая дочечку к груди.

С последом вышла и последняя возможность Лебедева общаться с Душой Малиналь.

Чувства, что не смогла бы она никогда объяснить, захлёстывали роженицу. Над двумя головами, как на иконе, обозначился общий богородичный свет загадочной восьмёрки ленты Мёбиуса. Вместе с молоком хлынул поток Млечного Пути генетическим кодом далёких звёзд, что неотрывно пила Душа в новом Забвении жизни, мыча и поварчивая, точно жалуясь на всё, что случилось с ней, пока она снова не присосалась к… бесконечности.

И с каждым глотком в Малиналь крепла уверенность, что в этом воплощенье её будут любить больше жизни.

— Мама! Матушка моя! — прошептала благодарно роженица, — Спасибо тебе!

Это услышала смуглая женщина, что полтысячелетия назад глядела вслед удаляющемуся паланкину императора Монтесумы II. И слёзы её там, в том далёком пережитом прошлом, высохли. Из рук выпала золотая монета.

Это услышал счастливый муж, сто раз вспотевший у родилки.

И это услышал умиротворённый и довольный профессор Лебедев, точно кот, объевшийся рыбы на диком плёсе. Брови его весело взлетели антеннами.

«У него всё-таки получилось, он справился, — отреагировали Наблюдатели в строгих костюмах. — Не зря он посвя-

щённый. Пусть пока радуется. Меч Тамерлана от нас никуда не уйдёт…»

Сработал код мироздания, и точно ключ затворил звёздные врата памяти прошлых жизней навсегда.

— Этот было имя Бога?! — догадался Славка.

— Это было имя Бога, — подтвердил ЮрВедыч.

Часть 3. ХАТХОРА

За 5 лет многое произошло…

Не стало ЮрВедыча.

У Светослава родилась дочь.

Наблюдатели ни в чём себя не проявляли.

Глава 27. Абрикосовый ливень

После месяца засухи спасительное приближение Большой Воды первыми почувствовали корни вековых деревьев.

Застонали. Заворочались.

По оголённой высохшей земле зигзагами побежали трещины.

Взбугрился на дорожках асфальт.

Грозы не случилось.

Космический прозрачный змей, свернувшийся клубком перед заброской на Землю, закрывал собою уже полконтинента, но был на самом деле столь велик, что люди даже не осознавали его размеров в планетарном масштабе.

На некоторое время показалось: всё замерло. Но это наблюдатели лишь уточнили координаты цели, из-за которой и замышлялось очередное вторжение.

Целью являлся Андрей Геннадьевич Дмитриев, мужчина средних лет с проникновенными карими глазами и твёрдым острым умом, обманчиво замаскированным мягкими очертаниями лица. Андрей был так заморочен собственной нерешённой задачей, что не обращал внимания на приближение грозового фронта, привычно выруливая среди транспортного потока на МКАД. А надо было ему соединить несоединяемое, чтобы заработала вся система.

Лёгкий вздох непогоды — и шевельнулись провода. Выдох — атмосфера задвигалась в противоположном направлении.

Вдох — поднялась пыль обочин. Выдох — и точно плотная воздушная ладонь стукнула о боковое стекло автомобиля.

Наблюдатель включил таймер обратного отсчёта, засуетились секунды: 30, 29, 28…

Нереальный абрикосовый свет, окрасивший пространство, внёс сумятицу и хаос. Живые твари и насекомые спрятались.

И вот кудрявая голова Венерианского Ливня зацепила тонкими туманными сгустками высотки зданий.

Оттого, что несколько дней во рту этой грозовой головы шатался Зуб Мудрости, из глаз гиганта закапали крупные слёзы нежно-лососевого цвета.

Одна. Две. Десять. Сотни…

…21… 20… 19… — съёживалось время…

Андрей невозмутимо включил «дворники» стеклоочистителей.

Тревожный звон капель на лобовых стёклах предупреждал водителей: стихия не шутит!

…15… И Змей, точно по команде, ринулся всем телом на прорыв.

Медленно и неотвратимо его приняло розовое светлое безветрие.

Устремившись к Земной коре, прозрачная небесная колонна царапала невидимой чешуёй плотные слои атмосферы.

Крохотные огоньки радуг почти отслужившего Зуба Мудрости тушило потоком ниспадающего шлейфа вод.

Достигнув поверхности, гигантское тело погружалось в Землю, точно рука в сметану.

Людям из своих убогих прямоугольных окошек казалось всё это простым летним ливнем.

Большая вода небесного компьютера щедро и весело дробилась на мириады информационных файлов, капель, одновременно и музыкальных нот, подключая всё живущее, растущее и мыслящее к космическому танцу.

Растения и животные восприняли царскую поступь грандиозной симфонии, как и положено, эйфорично.

Накаченные энергией воды, выпрямились стебли трав. Увядшие ветви подняли веерами листья. Набухли, как соски рожениц, бутоны цветоносов.

…7… 6… 5…

В эпицентре плотного потока Андрей был зажат за рулём собственного Tesla именно в той самой точке координат на горизонтали Земли, где тело Ливня уже не давало шанса видеть происходящее на расстоянии вытянутой руки.

Вода начала пузыриться.

…3… 2…

И тут Андрей почувствовал, как сквозь него по вертикали проходит канатом мозг небесного потока.

…1... 0.

Змей почесал о мягкий чёрный корпус Tesla шатающийся Зуб Мудрости, точно пометив сей предмет, и затем вошёл в Земную твердь весь до хвоста, оставив висеть в воздухе удивлённые пары водяной взвеси.

Пробка живо воспрянула и рассосалась. Автомобили, омытые и блестящие, резво бросились догонять утраченные минуты.

Травы и деревья, чавкая и хлюпая, жадно глотали воду перед новой засухой, обеспечивая и необходимый прирост, и вызревание семян в вечном круговороте жизни.

А в мыслях Андрея неожиданно чётко и ярко сложилась полная система безопасного хранения информации, позволяющая сберечь историческую идентификацию и достоверность каждой личности и цивилизации в целом, причём на неограниченный срок. Объективность навечно! И теперь, чтобы вдохнуть в эту систему жизнь, не хватает всего одного элемента. Главного элемента!

Глава 28. Детский утренник

— Мы сейчас всё за собой таскаем: и планшеты, и диски, и флэшки, — воодушевлённо шептал один папаша на ухо другому в толпе приглашённых на детский утренник, в то время как их чада, волнуясь, переступали с ноги на ногу в готовности произнести заученные четверостишья.

— Андрей Геннадьевич, давай потом, — прервал того Светослав Петрович Большаков, умиляющийся своей пятилетней Мариной. И любовался ею не он один.

Сынишка Андрея Дмитриева Юрочка тоже не отводил от девчонки глаз. Они дружили. В свои четыре с хвостиком Юрчик был смышлёным не по годам.

Тем временем вышла педагог, торжественно произнесла приветственную речь, и началось детское представление в соответствии с ранее утверждённым сценарием.

— При наличии работы нашей системы все эти ноутбуки и диски вообще не понадобятся! — продолжал мысль Андрей, указав кивком головы на систему регулировки праздника. — Любое… практически любое! устройство можно будет подключить к Базе.

— А защита? Если любой может подключиться? Любой сможет и взять?

— А-а-а-а. В этом-то и соль. Кусок большой информации при поглощении её Базой будет дробиться на сотни фрагментов с желаемой надёжностью. Распределён на сотни хранилищ в разных странах. И лишь код или ключ сможет всё это за секунду собрать. Вот представь. Подходишь к любому девайсу, а он прозрачен. Просто железяка с экраном. Подключаешься — и мгновенно с разных точек земного шара собирается нужный файл… Мы идём к тому, что в будущем персональные носители вообще не будут нужны. Достаточно взять любой гаджет!

* * *

После утренника было решено продолжить праздник. Выбрали детское кафе «Шоколадница», что удобно располагалось рядом с домом. Довольные родители вели воодушевлён-

ных детишек, каждый своего, держа за руку с противоположной стороны.

Марина время от времени заглядывала на дружка через папашу, заразившегося энергией Андрея Геннадьевича, увлекающего собеседника в свои взрослые заморочки. Юрочка, чувствуя внимание, пытался оторваться от отца, точно шарик от веревочки, угрожая дотянуться до девчонки: до косички, руки или юбчонки. Та в ответ на неудачные в основном действия обожателя поощрительно хихикала. Энергетическая аура компании как-то незаметно начала нагреваться.

Но на некоторое время все вдруг успокоились. Им встретилась соседка Ира со своими двумя собачками.

Мариночка хорошо знала женщину, иногда играла с собачками, когда те гуляли по двору. И сама Ирина частенько пользовалась опытом Светослава, консультируясь по социальным вопросам.

Иру развеселил юношеский задор, с которым взрослые мужчины обсуждали какую-то проблему. Поэтому после взаимного приветствия она на правах всеобщей знакомой поинтересовалась, не занимается ли собеседник Светослава важными гуманитарными или социальными науками.

Вместо Андрея резво ответил сынок Юрочка:

— Папа занимается инкапсуляцией тегированных вилланов по протоколу один кью…

Андрей, как ни в чём не бывало, пояснил:

— Протокол инкапсуляции 1Q — это открытый стандарт, описывающий процедуру тегирования трафика…

* * *

В кафе им принесли пиццу, разрезанную на дольки.

— Вот, гляди, — не унимался Андрей, — дробление на части общих данных точь-в-точь похоже на разрезание пиццы…

— А я тебе зачем? — остановил поток технических подробностей неожиданным прямым вопросом Светослав.

— Честно?

— Желательно.

— Ну, скажем так, ты сам мне как бы… только как адекватный сосед… но надо бы выйти на структуры…

— Ясно.

— Завтра сможешь с работы уйти пораньше, мы с коллегами введём тебя в курс дела?..

Тем временем дети увлечённо просматривали книгу с египетскими богами, при этом через смартфон 3D картинки можно было оживлять.

— Это Маат, — шептал на ухо подружке Юрик, — видишь? На её красной ленточке перо.

— Андрей. Я не вижу себя ни в математике, ни в алгебраических и комбинаторных механизмах кибернетики. И вообще далёк от информационных систем. В том, о чём ты говоришь, понадобятся ведь не только связи. Ты это понимаешь?

— Конечно! — у собеседника дух захватило от собственных мыслей. — Смысл работы составляет системно-аналитический подход к синтезу архитектуры и математической модели хранения конфиденциальной информации на центрах обработки данных общего назначения для широкого круга информационных систем, включая информационно-платёжные, научно-образовательные, социальные сети и системы хранения персональных данных.

— Андрей Геннадьевич! — взволновался вдруг Светослав.

— Что?

— Ваш сын целует мою дочь!?

— Юрка!

Дети резко отстранились друг от друга.

Юрик наигранно-беззаботно повёл плечами в ответ на эпатаж родителей:

— А что такого?

Мариночка, сама невинность, как ни в чём не бывало снова уставилась в книжку разглядывать пирамиды: она здесь совершенно ни при чём.

— А что такого? — успокаиваясь от неожиданной реакции Славки, выдохнул Андрей.

— Как это «что»? Как «что»? Сегодня он её целует. А завтра…

— А завтра я на ней женюсь, — спокойно продолжил Юрик.

Тут уж оба родителя улыбнулись. Ребёнок, почувствовав перемену, тут же развернул вектор. Обиделся. Нахмурил белобрысые свои бровки и поджал губы.

Славка почему-то вспомнил историю с завоеванием сердца вожделенной Верочки Анатольевны Дорожкиной. И ещё более фантастическую — с собственной матерью.

Неоднозначно глянул на Юру, потом на его родителя. Система, столь простая и невероятно могучая, родившаяся в голове молодого учёного Дмитриева, несомненно, обречена на противоборство всех существующих компьютерных систем и баз данных. Ведь она позволяла сохранение информации как некую идентификационную точку. Причём точку, подобно душе, неприкосновенную конфессиям, политическим режимам, войнам, пыткам и даже контрразведкам любых стран. Соответственно, её вот прямо тут, на этапе зародившегося ростка необходимо охранять и поддерживать. Более того, надо ей дать некий ключ к стремительному росту. А ключ — это…

— Назови Имя Бога… — как заклинание, произнёс Славка.

— Что?

— Просто назови Имя Бога.

Андрей не нашёл, что ответить. Аналитик с математическим складом ума и умница, он или держал паузу, или давал возможность оппоненту выразить мысль целиком. Раз сказано «А», должно было прозвучать и «Б». Уж больно непонятно говорил социолог.

Славка, однако, не торопился. Дети почему-то напряглись. Замерли. Точно их отругали за что-то.

— Видишь ли, Андрей, — сильно приглушив голос, чтобы их не услышали, произнёс Славка, — ты задумал грандиозное переустройство мира, информационных систем хранения данных. Причём, как я дотумкал своим нематематическим умом, наиболее безопасное из всех, что были до этого, надёжно защищённое от взлома. Отсюда вытекает множество не только лишь настоящих, что уже случились, но и будущих предстоящих неприятностей… Я хотел сказать, «нюансов»… Ты хочешь, чтобы тебя вывели на …?

Славка указал пальцем наверх.

— Угу… — кивнул Андрей.

— А я не могу это сделать…

Казалось, в зале затихарилась сама тишина. Перестали стучать по блюдечкам с пирожными ложки. Официанты смолкли. Замерли даже цветы в горшках.

Марина и Юра открыли рты, будто им, а не отцу Юры Славка пытался рассказать интригующую сказку.

— Чтобы система начала работать без влияния противоборствующих сил, строго говоря, от Ватикана до Моссада, тебе надо назвать Имя Бога. Своего Бога … понимаешь?

…?

Пауза начала давить на ушные перепонки…

— Что за бред? — рассердился-таки никогда не выходящий на эмоции Андрей Геннадьевич.

— Каждый человек может знать то, что не знаешь ты. Так? — терпеливо продолжал Славка.

Андрей молчал.

Его сын непринуждённо отобрал у девчонки книжку и стал громко её листать. Мобильное устройство, прилагаемое к книжке, приятным женским голосом, наведясь на изображение, заворковало:

— Бог Солнца Ра… Богиня справедливости Маат… Бог подземного мира Осирис… Бог возмездия за грехи Амат… Бог-Бык плодородия Апис… Богиня пьянства Хатхор…

— Пьянства? — взметнулись бровки у Юры.

— Ха-ха-ха! — засмеялась девочка.

— Уймитесь уже со своей ХАТХОР! — потерял терпение Андрей. — Так ты придёшь завтра?

— Да.

Глава 29. Дивидэ эт импэра — разделяй и властвуй

Академики говорили одно, айтишники — другое… Глаза горели. Щёки пылали. Люди в пиджаках и галстуках напоминали сумасшедших. Все. Кроме, собственно, самого изобретателя Андрея Дмитриева, что красовался вообще без галстука и пиджака, в потёртой джинсовой куртке, являя некий вызов даже внешним видом.

Светослав Петрович Большаков пришёл пораньше, и, с его профессиональной привычкой вникать в глубину любых социальных и психологических процессов, занял самую удобную наблюдательную точку в зале. В разговор не вмешивал-

ся. Но понимал, что весь это спектакль устроен чисто для него. Как никто другой, он ощущал щеками, телом, сердцем леденящее дыхание БУДУЩЕГО.

Нет. Это не было похоже на комедию. Впрочем, и на трагедию тоже. Скорее, на некий фарс, совершенно не забавляющий, а побуждающий на нестандартное решение. Выцарапывающий из печёнок желание помочь.

Ведь бесспорно и очевидно, что все эти люди находились в тупике. Ибо каждый из них знал лишь часть общей матрицы. Часть знаний, которую охотно являл.

Беседа, а точнее, горячий спор о «детёныше» в виде изобретения системы защиты базы данных, что представил на «Скале советов» Дмитриев, не умолкала часа три.

Из разрозненных реплик Светослав Петрович понял, что лишь чудо может спасти реально-очевидную безнадёжность ситуации. Защипало под ложечкой. Он вспомнил рано ушедшего из жизни ЮрВедыча.

Славка, как это было характерно для него, слышал и не слышал, но одновременно размышлял, взвешивал и анализировал, оказавшись невольным свидетелем произрастания новейшей системы, которая органично заполнила БЫ место старой. Но сейчас это тупо невозможно по ряду адекватных причин.

Речь шла как о сугубо интимном, так и о корпоративном способе облачного хранения информации, который по уровню безопасности, надёжности и скорости передачи данных превосходил всё, что ранее предлагалось на рынке.

По официальным данным, объём цифровой информации, генерируемой на предприятиях, увеличивается ежегодно в среднем на 50 процентов. Значительная часть IT-бюджета тратится на закупку и обслуживание нового дискового пространства. Но большинство средних и крупных компаний не решаются пока использовать облачные решения для архивного хранения и резервного копирования своих данных из-за отсутствия гарантии безопасности и низкой скорости.

БЕЗОПАСНОСТЬ включает в себя множество факторов, которые, в применении к хранению и резервному копированию данных, сводятся к трём основным параметрам:

Надёжность (Durability) — исключение безвозвратной потери данных;

Доступность (Availability) — бесперебойный доступ к данным;

Защита от утечек (Leakage Protection) — защита от краж, утечек и несанкционированного доступа.

Кроме того, большинство компаний, предоставляющих услуги облачного хранения, умалчивают о реальной скорости передачи данных, которую может получить клиент. Некоторые провайдеры признают, что загрузка большого объёма данных может занять несколько дней или недель, и предлагают воспользоваться услугой так называемого физического засева.

«Спуститесь с облаков на грешную землю и привезите нам свои диски курьером!»

Датацентры с гордостью говорят о собственных скоростных каналах. Подобные цифры некоторых вводят в заблуждение. Десять тысяч одновременных процессов скачивания превращают 10-Гигабитный канал в мегабитный, что эквивалентно перемещению 128 килобайт в секунду. Реальные тесты перемещения информации из России в американские и европейские хранилища, принадлежащие наиболее крупным компаниям в сфере облачных услуг, показали среднюю скорость (upload/download) на низком уровне (при этом потенциал собственного интернет-канала был равен 10 Гигабит). При скорости 200 килобайт в секунду 1 Терабайт информации будет загружаться в течение 2 месяцев! А если вам необходимо сделать резервное копирование 10 Терабайт? Ждать два года? Отвезти диски курьером за тридевять земель? Нет, уж лучше по старинке: на бобины и в железный бункер. Пусть дорого и не очень удобно, зато быстро и привычно. В облаках хорошо, а на земле лучше.

Получается, что именно низкая скорость перемещения и беспокойство о безопасности хранимой в общедоступном облаке информации не позволяют средним и крупным компаниям всерьёз рассматривать переход от традиционных форм резервного копирования к онлайн бэкапу.

Предложенная же Система облачного хранения поднимает уровни безопасности и скорости на новую, недосягаемую ранее

высоту, по уровню надёжности и простоте установки превосходя всё, что сейчас предлагается на рынке.

Но дело было даже не в рынке!

Чем же она показалась Славке так интересна?

В основе работы программы лежит известный латинский алгоритм «Разделяй и властвуй» — divide et impera (дивидэ эт импэра), который позволяет разбивать и кодировать отдельные файлы на фрагменты с избыточностью, которые затем распыляются на отдельные узлы (nodes).

Каждый фрагмент хранит информацию обо всех совместно кодированных фрагментах.

На этапе запуска система объединяет 100 узлов (nodes), расположенных в 50 географически распределённых по основным континентам Земли независимых друг от друга современных датацентрах. Каждый датацентр соответствует международным требованиям, прошедшим соответствующую сертификацию.

Формируемый системой по умолчанию 20-процентный уровень избыточности означает, что заложенные в систему данные будут доступны даже при одновременном сбое или выходе из строя 20 из 100 узлов. Это соответствует уровню надёжности (durability) в 24 девятки (99,999999999999999999999%) и уровню доступности (availability) в 11 девяток. Статистические расчёты, произведённые по заказу разработчиков департаментом компьютерных наук Колумбийского университета, показывают, что данные, хранящиеся в таком хранилище, защищены от потерь в течение как минимум 150 лет. Выход из строя одного или нескольких узлов теперь не является чрезвычайным происшествием. Можете спать спокойно — на ваш век хватит!

Вот и получается, что ни одно предложение по облачному хранению не может сравниться с данной системой по уровню защищенности от:

1) сбоев электропитания, плохо спроектированных систем резервного питания, не соответствующих нагрузкам;

2) обрывов интернет-каналов, повреждения кабеля, выхода из строя техники и т. п.;

3) возможности перехвата всех передаваемых на сервер конфиденциальных данных провайдером;

4) риска полной потери или длительного перерыва в результате проведения следственных мероприятий (законодательство требует от датацентра выдать серверы или любую информацию, в том числе передаваемую на серверы) по требованию правоохранительных органов, что может привести к потере бизнеса из-за длительного простоя или к утечкам конфиденциальной информации в любой момент времени);

5) стихийных бедствий, политических рисков, террористических актов, военных конфликтов и т. п.

Пожалуй, единственной угрозой для такого способа хранения информации может быть только вселенская катастрофа!

В подобной системе информация хранится «везде и нигде». Это беспрецедентный уровень защиты хранимой информации от краж, утечек или несанкционированного доступа!

Докладчики особо отмечали, что любой файл воспринимается программой, как поток из байт. Этот поток разбивается на фрагменты, которые перемешиваются с маркерами, кодируются для обеспечения избыточности и затем рассылаются и записываются на 100 распределённых узлов. Каждый фрагмент изначального файла хранится на отдельном сервере и закрыт приватным ключом клиента для доступа к серверу.

Если даже злоумышленники и смогут вскрыть один или несколько серверов, они доберутся только до фрагмента изначально заложенного файла, которого будет недостаточно для понимания сути всей информации, распылённой по 50 странам. Созданные фрагменты закладываемого файла объединяются ключом, который знает только клиент. Не имея ключа, злоумышленник не сможет понять связь с другими фрагментами файла. Даже при наличии доступа ко всем 100 серверам сразу, найти сопоставимые части представляет собой большую проблему. С учётом того, что обработанный файл предварительно зашифрован клиентом, даже теоретически трудно представить, как можно взломать содержимое.

Код или Ключ — то самое ИМЯ БОГА, способное выстраивать в цепочку ДНК саму УДАЧУ или путь к ней.

Ещё одним гарантом безопасности и неоспоримым преимуществом системы распределённого хранения является открытость кода. Это просто. И следует одно из другого, ведь при расширении количества датацентров, подсоединяемых к системе, скорость передачи информации увеличится в разы!

Система гарантирует бесперебойную обработку и пересылку файла любого размера. Быстро сделать резервную копию крупных мультимедийных файлов или образов дисков и серверов теперь тоже не проблема. Ещё одно неоспоримое достоинство — автоматическое возобновление процесса закачки с того места, где он был в силу различных причин прерван. Докачка особенно актуальна для резервного копирования или восстановления крупных файлов образов диска или сервера.

Реализована также возможность назначать приоритеты отдельным заданиям на копирование или восстановление в мультисессии. Программа, установленная на одном компьютере или сервере, позволяет одновременный запуск множества трансферных сессий.

Но и это ещё не всё. Программный модуль системы имеет открытый код, поэтому любая компания может легко установить и адаптировать систему к своим уже работающим программам резервного копирования. Система без проблем агрегируется с любыми программами дедупликации и инкрементного бэкапа, совместима с любой операционной системой. Модуль универсален и может быть установлен не только на сервер, но и на персональные компьютеры или планшеты.

Значительная экономия на хранении данных здесь просто очевидна!

— Ты понял? Чтобы запустить вычислительный центр, надо просто через любое железо подключиться к сети, — уже по пути к метро продолжал доказывать непонятно кому Андрей, обращаясь и не обращаясь к Славке.

— Я понял.

— Нет. Ты понял, что никакие данные не теряются?

— Да понял я.

— О! — входил в раж учёный, — а это значит…

— Просто назови Имя Бога!

— Что?

— Просто назови. Тебе для соединения закодированных фрагментов надо подойти к девайсу. К любому девайсу! Посмотри. Кругом куча разрозненных предметов. Дом. Дорога. Автомобили. Дерево. Травинка. Цветок! Облако…да…облако… Всё это — устройства божественной системы бытия. Любое устройство можно подключить к информационным данным ВСЕЛЕННОЙ! Некоторые называют его БЕЗДНОЙ! Ты же сам говорил. Нужен код. И тогда…

— …данные автоматом подгружаются?

— …ну, наконец-то мы заговорили на одном языке! Милый ты мой атеист! Математик хренов! Отключись от иконы с изображением. И это просто доска, покрытая левкоем. Сойди со Святого Места силы, выключи из розетки, и любой телевизор — просто железка с экраном! Человеческий мозг — это компьютер. И планета Земля — компьютер. И Галактика типа Млечный путь — компьютерная система. И космос. Я теперь понимаю, что твоя цель — это не просто схлопнуть бабки, это создание системы безопасности исторических данных в планетарном масштабе, и эти данные все государства мечтают переписать, а некоторые вообще стереть навсегда! Тебе, чтобы решить столь глобальную задачу, надо просто обдуманно и осознанно вспомнить код.

— Имя Бога?

— Вот именно.

— У каждого свой Бог?

— Точно.

— И как же его… и где он, этот код?

— Вот бы я знал…

Приятели остановились у входа метро.

— Был у меня друг один. Контактёр. — осторожно начал Светослав Петрович. — Он бы нам помог. Кроме него — никто…

— И где он сейчас?

— Как родилась Маринка, пришёл какой-то юрист, показал бумажку о наследстве после гибели профессора Лебедева. Крупная сумма на счёт упала. Я новую машину купил… А как погиб?.. Что было?.. Вот он бы смог нам помочь.

Глава 30. Скорость

Будучи соседями, дети которых дружат, обе пары супругов Большаковых и Дмитриевых частенько проводили праздники вместе. Особенно дни рождения. А тут Оксана, жена Андрея, просто повелась на идею сына лепить пельмени вместе безо всякого праздника.

Причём сам-то Юра уклонился от любого участия в кулинарном процессе и мешал приготовлению ужина, как только мог.

На достаточно просторной кухне Дмитриевых раздвигали обеденный стол. Светослав, облачённый в фартук хозяйки кухни Оксаны, перекручивал через механическую мясорубку четыре вида мяса — говядину, баранину, свинину и птицу. Андрей у плиты следил за несколькими кастрюльками воды с мешалкой в руках. Вера Большакова с дочуркой занимались тестом: изготавливали колбаски, делили на шарики и раскатывали в лепёшки. Причём маленькая Марина, казалось, не отставала от родительницы, её крохотные пальчики работали быстро и ловко. Пельмени у неё получались, и она любила это дело.

— У вас так хорошо связь ловит. А у нас вечные сбои, — завершив с начинкой и уже добавляя перец, зелень и чесночок в фарш, вёл беседу Светослав, — вот, держите, девчонки! Фарш готов!

Андрей ухмыльнулся:

— А что бы ей не работать, связи-то? Я одновременно использую несколько каналов. Ну, как ты в мобильнике. У тебя сколько симок?

— Две.

— А работает одна! И та плохо! А у меня пять. Если одна не берёт, другая спокойно ловит сеть. Так и в той системе, о которой мы говорили. Если сбой даст один канал, его без проблем заменит другой. А если подключено несколько — скорость увеличивается. То есть, это и изобретением считать-то нельзя. По отдельности всё уже было. Просто заработало, когда соединили.

— У нас в школе задачка была такая. На сообразительность. Тройка лошадей бежит со скоростью 15 километров в час. С какой скоростью бежит каждая лошадь? — подключилась Оксана. — Ха-ха-ха!

— Вот именно.

— Однако пельмени лепить впятером быстрее!

— Вот именно.

— Да что ты, Андрей, заладил? «Вот именно» да «вот именно»!? Я с первого раза всё понял. Как в рекламе: «Не важна твоя скорость, важна скорость твоего провайдера…».

Юрик тем временем полез за шоколадкой и опрокинул пакет с мукой.

— Ты! Провайдер! — рявкнул на него Андрей.

— Это не педагогично, переходить на личности! — тут же вмешалась мать.

Муж только поднял руки кверху, запросив помощи небес.

— То есть, ты хочешь сказать, что сейчас почти везде присутствуют несколько линий связи: сотовые компании, проводной интернет, wi-fi. И для увеличения скорости можно использовать их все одновременно и по нескольку раз? То есть все возможные варианты, что помимо скорости усложняют перехват данных?

— Ну да, самый простой пример — телефон с несколькими SIM, в котором можно использовать как несколько линий одного оператора, так и всех разных.

— Кстати, хочу заметить, весьма остроумно придумано, — подключилась к беседе Вера, — помните, как один изобретатель сделал эффективную прерывистость в машинных щётках? И запатентовал. А другой изобретатель подал на него претензии. Мол, это всё уже было. И диод. И регистр. А когда он соединил элементы, стало лучше. Знаете, чем он защитил изобретение?

— Чем?

— Он объяснил, что вот — стих известного поэта. Все слова тысячу раз использовались до него. А прикол в том, что соединить в стих может только гений!

На этот раз Юрик чуть не опрокинул коробку с хрустальными рюмками.

— Юрка! — окрик матери уберёг хрусталь от погибели.

Ответная реакция ребёнка удивила Большаковых.

— Можно на «ты». Но по отчеству обязательно! — потряс указательным пальцем сынишка.

— ЮрВедыч? — уловил знакомую интонацию Светослав.

— ЮрВедыч? — переглянулась с ним Вера. И тут же отвергла нереальность идеи, — не может быть.

— Ох, как же мне надоело брови выщипывать! — подбоченился Юра. — Намекаю, намекаю. Никак понять не могут!

— Что происходит? — не поняла происходящего Оксана.

Вода в кастрюльках закипела, и пора было уже забрасывать пельмени.

— Эй! Кто-нибудь вообще меня сегодня кормить будет? — уставился на взрослых четырёхлетний мальчик.

Ответила только Марина:

— Конечно! Смотри, сколько я налепила!

— Как же ты мог столько времени спокойно претворяться младенцем, когда порой тебя так не хватало?! — отложив в сторону недомытую мясорубку, пытался постигнуть реальность Светослав.

— Что происходит? — решительно ничего не понимала Оксана.

— Переселение душ. Похоже, ваш Юра — это наш Юрий Всеволодович Лебедев, — сделала предположение Вера Анатольевна.

* * *

— Это не педагогично, переходить на личности! — верещал из детской ЮрВедыч.

Славка, наконец, собрался с мыслями, подбежал, крепко облапил Юрика. Радостно растормошил. И уже вместе возвращались на кухню, широко улыбаясь во все физиономии.

— Ты хочешь сказать, что мой сын и есть тот самый контактёр? — искоса глядя на всю эту катавасию, подозрительно спросил Андрей.

— Ага!

— Ну… зашибись!

— А чё с пельменями — то? — пролепетала Марина.

— Дело тут вообще не в пельменях. А в скорости приготовления, — как заправский повар, а заодно и сисадмин, нравоучительно изрёк ЮрВедыч. — Славка, ну чё ты тупишь?

— В смысле? Я понимаю, что представленная система не терпит никакой конкуренции…

— Я не о том. Погляди, что лежит в нижнем шкафу справа.

Славка извлёк с полки внушительную баночку чёрной икры и бутылку шампанского «Асти» с удовлетворённым возгласом:

— Есть повод, и есть, чем отметить!

— Вина хоть сегодня нальёте? — шевелил несуществующими бровями улыбающийся контактёр.

— Ты ещё маленький! Брови не отросли!

— Я маленький?!

— Хватит паясничать! Мой руки и садись за стол, — скомандовала мать Оксана.

И все по этой команде, воспринятой каждым как индивидуальную для него, поплелись мыть руки.

Глава 31. Розовые кольца

Оранжевые телепортационные кольца, нежно и прозрачно ниспадающие на всю Москву, люди принимали за предвестников рассвета, когда заря с зарёй сходится. Откуда-то сверху на Землю нисходила каскадами световых юбок потрескивающая энергия. Объёмный оптический эффект ароматного небесного цветка растворялся через окна во всех многоэтажках. Зависал над Москвой. И не собирался изменять цветность.

Светослав после вчерашних удивительных событий проснулся раньше обычного, вышел на кухню, чтобы не будить домашних.

На мобильнике высветилось: «Андрей». Славка нажал кнопку приёма. Он почти наверняка знал, кто хочет с ним говорить.

— Привет, — просто сказал Юрик со смартфона отца.

— Привет, ЮрВедыч! — ответил Славка, опять ощутив легкую эйфорию общения после пяти лет молчанки.

— Как видишь, я последователен в собственном решении.

— Да. Вижу.

— Зачем ты сердишься? Ты хотел, чтобы я из пелёнок с тобой заговорил и испугал весь белый свет? Да и не мог я. Голосовым связкам хоть какое нужно время, чтобы развиться.

— Мне всё равно.

— Как же. Всё равно тебе, — проворчала трубка, — ты же первый подошёл к смартфону, зная, что я позвоню. Тебе же загорелось, чтобы произносили в последний раз.

— Ну, допустим.

— А я не могу этого сделать.

— Почему?

— Я маленький ещё. Сам сказал — брови не отросли!

— Ты ж их выщипал! Не видно, что ли?

— Ну, выщипал.

— Зачем?

— Затем! Надоело летать. От зимородков серых и наблюдателей прятаться! Поживу хоть одну жизнь, как человек.

— А икру где взял?

— Догадайся с трёх раз.

— Украл, что ли?

— Ну, украл!

— ???

— И что? Я в одной из жизней был, знаешь, какой вор?

— И не хочу знать!

— А напрасно! Читал теорию взаимозаменяемости Хеленджера?

— Читал!

— Вот и отец мой физический Андрей того и добивается, чтобы исторические факты все до копеечки соблюдены были, как есть. Кто был вор и кто убивец, и кто проститутка в роду, чтобы всё это суммировалось, и чтобы родители потом не удивлялись, что за гены у их ребенка вылезли!

— При чём здесь компьютерная система хранения и Хеленджер?

— А при всём! Главное — это правда. Не как её хотят подать попы и безбожники, продать политики и перелицевать наизнанку вруны всякие от истории! И вот мой отец создал новую модель мира, где в ячейках будет правда храниться. И защитные коды будут беречь её.

— А если заведомо не правда будет помещена в ячейки, а ложь? Если тысячи агентов по всему миру одномоментно заложат дэзу?

— Атеизм тоже религия… — повторил свои слова ЮрВедыч.

— В смысле дэза — это тоже информация?

— Конечно! И со временем её легко будет вычислить. Устаревшие технологии сменят новые. Потом новейшие. И так далее. А в будущем энергия этой правды, извлечённая из ложной капсулы, позволит вообще создавать живые организмы. Динозавров. Саблезубых тигров. И людей! Человек — это ведь не только плоть. Это ведь и не только дух. Это ведь ум-за-разум!

— Ну… тогда… помоги ему…

— Имя Бога найти?

— Ну, да.

— Тут просто всё. Это Хатхор. Сигнал не чувствуешь разве с Венеры?

— Розовые кольца?

— Угу.

Аппарат чуть не выпал из рук Юрика — за его спиной стоял Андрей и тоже глядел на облака.

— Доброе утро, па.

— Доброе утро, ЮрВедыч. Дай-ка мне смартфон, дорогой.

Андрей, конечно же, услышал мнение контактёра насчёт предполагаемого Имени Бога.

— Хатхор, — в виде эксперимента тут же произнес он, наблюдая за дополнительными ячейками смартфона. Потом вбил слово целиком.

Он ждал реакции банковской системы. Но файлы не запустились так, как планировал изобретатель. Чего-то не хватало. Система констатировала: «ошибка файла».

И ничего не происходило. Не менялось.

— Привет, Андрей. Давно не общались, — зарокотал в телефоне голос Светослава, — ну что, сработало?

— Нет. Чепуха это, похоже, какая-то с Именем Бога.

— ЮрВедыч сейчас в детском теле. Телепортироваться не может. Возможно, просто перепутал имя.

— Я стопроцентно уверен, что это Хатхор! — ничего не понимал Юрий Всеволодович. — Сигнал идёт уже которую неделю прямо из храма. Ливень помнишь? Пап? Помнишь ливень? Вспомни!

— И?

— Вот тогда и пошёл первый сигнал Хатхор.

— И что же нам делать? — раздавался из трубки голос Светослава. — В Египет лететь?

— Лететь? — переспросил Андрей сына.

— Лететь, — пожал плечами Юрий.

— Вдвоём со Светославом?

— Втроём!

Отец немного подумал и отверг его предложение:

— Ага, чтобы ты мороженое через каждые пять минут просил!

— Нет. Только вина.

— Что???

— Давно не пил, понимаешь ли… Пять лет в завязке!

— Даже думать забудь. Тем более, в Египте сухой закон!

— Не скажи! Там всего-то три четверти мусульман. Но одна четверть греческих коптов. Вот они винцом и приторговывают. Им же вера позволяет!

— Он неисправим… — ухмыльнулся в телефон Славка.

Глава 32. Венерианская цивилизация

Венерианская цивилизация, прошедшая через Андрея сначала абрикосовым ливнем, затем кольцами межпланетного лифта, пыталась теперь постоянно будоражить видениями во снах, точнее, в дрёмных состояниях меж сном и бодрствованием.

Его целенаправленно затягивало некое родственное чувство сопричастия.

В то же время Андрей находился в полном опамятовании своей души и разума, потому что постоянно, с точностью до секунды контролировал своё местоположение во времени и пространстве.

* * *

— Зачем я здесь, в Дендере? Лицезреть камни и пыль разрушенной древней цивилизации? Копаться в душе палочкой, будоража притупившуюся на время боль неизбежности смерти? Созерцать величие храмовых построек? Пытаться заглянуть в глаза пришельцев, выточенных на саркофагах? Восхититься профессиональной последовательностью идеальных линий?

— Нет, — отвечал внутренний голос, — ты ищешь следы Хатхор.

Если честно, подспудно Венерианская цивилизация Египта манила давно, и зов этот не давал покоя ни одно десятилетие.

Всплывающий и удаляющийся обратно в исторические пласты лик Хатхор не был в его дрёмных состояниях статичным и каменным. Скорее, весёлым. Солнечным. Музыкальным.

Музыкальным?

Да, именно музыкальным. Поющим каждой линией. Танцующим невиданный танец всею походкой и блеском мудрых синих глаз. Ресницами. Золотыми бубенчиками на одежде. Являющим собой саму гармонию лёгкого безоблачного детства. И, наверное, счастья.

Живая, тёплая, светящаяся изнутри голубоватая кожа была идеально-нежной. Слегка загорелой.

Теперь, видя это, он узнал, что голубая кожа богов тоже (оказывается!) может быть загорелой солнечным загаром пропечённого пшеничного хлеба.

Лицо Хатхор отличалось от других лиц богов Древнего Египта. Оно не удлинённое, как у арабов и египтян, а почти круглое, как у славян.

* * *

Интересы друзей переключились на загадки Древнего Египта.

Предположения и гипотезы бередили умы. Одна версия сменяла другую.

О так называемой Венерианской цивилизации на самом деле знали они крайне мало.

Символо-цвет её розовый.

Вторая по удалённости от Солнца и шестая по размеру планета Солнечной системы названа в честь древнеримской богини любви Венеры.

Как и вся женская логика, характер этой планеты загадочен и своенравен.

В отличие от Земли и большинства других планет, Венера вращается в противоположном направлении. Венерианские сутки, то есть период одного оборота вокруг своей оси, составляют 243 земные сутки. А период оборота вокруг солнца — 225 суток. То есть за венерианский год солнце всего два раза поднимается из-за горизонта.

Атмосфера плотная. Состоит из углекислого газа с двадцатикилометровым слоем облаков из концентрированной серной кислоты, а давление в девяносто раз превышает земное, что говорит о том, что жизнь на ней в том виде, как мы её представляем, просто невозможна! Из-за парникового эффекта средняя температура поверхности составляет 462 °С. Венера — самая горячая планета в Солнечной системе, хотя Меркурий находится гораздо ближе к Солнцу. Планету нетрудно распознать на вечернем или утреннем небе, так как по блеску она намного превосходит самые яркие звёзды.

Астрономы в свои телескопы видят Венеру разной: то бледно-жёлтой, то жёлто-оранжевой, то красноватой, в смысле розовой, как мы её и привыкли представлять. А под облаками находится коричнево-красная поверхность, как у Марса.

Подобно перьям Жар-птицы энергетические крылья экзотической планеты расправлены и летят во Вселенной более четырёх миллиардов лет!

Приятели уже знали, что самое дорогое, что есть на планете Земля — энергия. Времена приходят и уходят, а боги, герои и люди в поглощении и выбросе энергий неизменны. Отсюда причины войн, претензий и конфликтов. Отсюда рождение и гибель цивилизаций. Осваивание более слабых территорий (планет) более сильными. Развитие, расцвет, комфортное благополучие, застой пассионарности, упадок и, как неизбежное следствие, нравственное разложение и тотальная деградация общества.

ЮрВедыч обычно вклинивался в беседы со свойственным ему безапелляционным максимализмом.

— Один процент учёных, мудрецов, философов, в том числе религиозных, пытающихся удержать «стадо» от вымирания, по статистике появляется всегда. А тут уж как повезёт. Если некий праведник, он же советник или визирь, находится близко к телу императора (например, в случае с Александром Македонским это Аристотель), тогда империя развивается. Сейчас мы наблюдаем процесс самоуничтожения североамериканской цивилизации. Это значит только, что возле Президентов долгое время уже нет места праведнику. А порок не может существовать бесконечно.

* * *

Друзья по большей части сводили беседы к древним египтянам, которые верили, что космический порядок оказывает влияние на земной мир, что проводники-люди-боги не раз пытались уберечь человечество от потопов, землетрясений и прочих бед.

Но этого не случалось. Ведь история циклична.

А храм весёлой и прекрасной богини Хатхор в своё время был засыпан песками по самые щёки её нежных ликов.

Изучая на всевозможных фото и видео танцевальные весёлые изображения, испещрившие стены храма Хатхор, все трое фантазировали, как же выглядела та цивилизация, откуда сила богини несла знания и опыт.

* * *

А во снах снова и снова Андрею приходили эфемерные прозрения в виде розовых солнечных пирамид. Янтарных храмов. Хрустальных мостов!

Всё это было очень похоже на образ волшебной русской сказки. Или это уже венерианская быль? Или, может, египетский миф?

Андрей с удивлением наблюдал то, что ему позволяли «пришельцы» — на чём передвигались жители той, преданной забвению венерианской цивилизации. На плавающих в эфире домах-миллионниках разнообразных фантастических форм и конфигураций.

Ангельской красоты люди, умеющие слышать музыку сфер, это они, по преданию, подарили египетским царям первой династии флейту, арфу, ударные инструменты, культуру танца и поэзии. Венерианцы, как и Хатхор, чудом спасшиеся на планете землян, обладали такими же прекрасными чертами лица. Синие глаза на пол-лица умели двигать энергии Бездны, видеть, «как боги, добро и зло».

Вкусившие с древа вечности, они управляли как прошлым, так и будущим.

Излучающие добро и любовь, они общались при помощи телепатии. Читали иные книго-фильмы, голограммы небесных произведений в виде энерготекстов или биотекстов, больше похожие на разноцветные поля шаровых молний разного объёма, позволяющие входить в собственные биополя, подключаясь к фантомам созданных креаторами художественно-музыкально-видовых образов. Книги ценились превыше всего, потому как, впуская в собственные души каждое подобное «кино», можно было становиться участником сюжета и самому в нем корчиться от боли или умирать от счастья.

Глубочайшие эмоциональные переживания вызывали у венерианцев не только книги. Любой житель Венеры мог беспрепятственно попадать в любой дом, пляж, хранилище ценностей, ведь там отсутствовали заборы, замки, запирающие устройства! Информация принадлежала сразу всем.

Ах, да. У них ещё были другие уши! Отдалённо напоминающие расправленные плавники рыб, они улавливали гораздо более широкий спектр звуковых колебаний.

— Может, от них произошли далее наши русалки и сирены? — спрашивал Андрей собственный внутренний голос в своём же сне. — Может, они умели так же обворожительно издавать колдовские звуки?

— Гармония — их стихи-Я! — отвечал ему сон, — Й-А — Я-я-я- это межвременье между жизнью и смертью, законченная форма прозрения и результата.

Обитатели янтарной, погубленной кем-то или чем-то цивилизации жили дольше людей, если не вечно. Не старели. Не болели. Умели менять внешность и перевоплощаться, копи-

руя свойства другого предмета. При малейшем желании обретали крылья. Хвост. Жало. Клыки. Челюсти. Шерсть. Панцирь…

Медовое золото венерианских многоголосий мантрами посвящало своему отцу Солнцу многочасовые гимны любви.

Души, попадающие после смерти сюда, забывали на века юдоль земную, становились птицами…

* * *

Предположения привели друзей к тому, что именно Хатхор подарила человечеству и карту далёких звёзд. И законы. И Книгу Мёртвых. Уникальное предвидение на календарях, предсказавшее грандиозный потоп. Во всём этом прослеживалось главное: не сохранение тела, а сохранение духа для пути восхождения к Свету. К «жизненному уроку».

* * *

— Что же это за путь? Что за свет? — продолжал рассуждать Андрей после плутаний в собственных мыслях, точно беседа, начатая летним ливнем, не прекращалась ни на минуту, даже во сне… — Может, Сириус? Самая яркая звезда? А может, аллегория, означающая накопленные знания и умение любить? Ведь Венера — богиня любви.

Вообще никто не доказал ему, что на Солнце — воплощении Бога Ра и на Солнцеподобной рудожёлтой Венере нет энергетической жизни. Может, это и был рай. А тот, кто не достоин этого рая, расплавлялся в огне земного же ядра, и душа его после переплавки возвращалась с той же целью в новое тело — научиться любить и собирать знания.

* * *

Однажды Светослав разбудил звонком приятеля глубокой ночью:

— Знаешь, что я вычитал о Храме в Дендере? — и, не дождавшись ответа, продолжил, — он знаменит тем, что многие века давал уставшим путникам приют под сводами занесённого замка. Ну, типа, некоего оазиса в пустыне! Кстати, знаешь? Внутренние части таинственных комнат откопали относительно

недавно… в них и произошли сенсационные открытия, которые учёные не могут объяснить.

Дендера — по-египетски, оказывается, вовсе не Дендера, а Ден-Дар-Ра, в переводе — дар бога солнца, город на западном берегу Нила, в пяти километрах от Кены и в шестидесяти от Луксора. Проще говоря, между Абидосом и Луксором.

Но это не единственная сенсация!

При раскопках был найден самый древний астрономический календарь с изображениями всех созвездий зодиакального круга. Находился сей престранный предмет колоссального размера на потолке портика часовни, посвящённой Осирису. Календарь рассказывает о затмениях. И не только. Он объясняет ситуацию с потопом! И полностью подтверждает теорию допотопного смещения на 15 градусов строительства пирамидальных комплексов на планете.

— Погоди! Не торопись! — просыпался Андрей. — Давай-ка всё по порядку!

— Джон Х. Роджерс характеризовал астрономический тёмный рельеф как «единственную полную карту древнего неба, которую мы имеем». Сейчас зодиак находится во Франции (с 1821), в Лувре (с 1922). А туристы в храме Хатхор могут видеть его точную копию на потолке. Сейчас перешлю картинки. Смотри!

Небесный купол изображён диском, который держат четыре небесные колонны в форме женщин, между которыми расположены боги-духи с головами соколов. На первом кольце 36 духов символизируют 360 дней древнеегипетского года.

Солнечное затмение указывает на дату 7 марта 51 г. до н. э., оно показано кругом, внутри которого богиня Исида держит бабуина (бога Тота) за хвост.

Лунное затмение указывает на дату 25 сентября 52 г. до н. э., оно показано кругом, внутри которого Глаз Гора. Количество лунных затмений в год от 2 до 4, поэтому имеется ещё несколько подходящих лунных затмений.

На внутреннем круге можно увидеть 12 созвездий зодиака. Некоторые из них изображены в привычных греко-римских иконографических образах: Овен, Телец, Скорпион и Козе-

рог, хотя большинство изображений значительно отличается от принятых в Древней Греции. Водолей изображён как бог разливов Хапи, который держит две вазы, с которых потоком течёт вода.

* * *

— Ты уверен, что Имя Бога надо искать именно в Дендере, в храме Хатхор?

— Абсолютно, — снова и снова уверял Юра.

Впрочем, мозги контактёра работали далеко не в полную силу. Путешествовать во времени он совсем не мог. Дело было не в бровях. А в физическом возрасте его нового тела.

Для объяснения некоторых изображений на календаре Богини Хатхор исследователям не один день приходилось возвращаться к Геродоту. Согласно древнему тексту, Земля после удара астероида частично перевернулась. Затем стороны света поменялись своими местами. Солнце всходило на западном горизонте, а садилось на восточном. Геродот в своей «Истории» писал:

«В это время, рассказывали жрецы, Солнце четыре раза восходило не на своём обычном месте: именно дважды восходило там, где теперь заходит, и дважды заходило там, где ныне восходит».

О катаклизме свидетельствовал не только Геродот. Всемирный интернет убыстрил знания на порядок! Предания утверждали, что в Китае воды моря отступили от побережья на юго-восток. Естественно, если в одном районе земного шара была огромная приливная волна, и воды доходили даже до горных вершин, то где-то на противоположной стороне должен был начаться мощный отлив.

Удар гигантского планетоида, пришедшийся точно в аккупунктурную точку Земли, вызвал серию мощных извержений подводных вулканов, находившихся вдоль трансрегиональных тектонических разломов срединных горных хребтов Атлантического, Индийского, Тихого и Северного ледовитого океанов.

Огромная толща воды, упав на раскалённую лаву открывшихся гигантских трещин и провалов на дне океана площадью

в тысячи квадратных километров, превратилась в газ, вызвавший гидроудар небывалой мощности.

Достаточно вспомнить размеры и глубину каньонов Марианской впадины, чтобы осознать масштабы бедствия.

В халдейском повествовании также сохранился рассказ о страшных водяных столбах, которые, поднявшись до самого неба, напугали самих богов.

В арамейской легенде о потопе рассказывается, что хлынул страшный ливень, огромные потоки воды обрушились на землю, реки оставили свои русла, а океан вышел из берегов.

В китайском трактате «Хуайнаньцзы» это событие и изменение наклона земной оси описывается так: «Небесный свод разломился, земные веси оборвались. Небо накренилось на северо-запад. Солнце и звёзды переместились. Земля на юго-востоке оказалась неполной, и поэтому воды и ил устремились туда… В те далёкие времена четыре полюса разрушились (полюса меняли своё положение 4 раза), девять материков раскололись, огонь полыхал, не утихая, воды бушевали, не иссякая».

Через некоторое время после катастрофы произошло то, о чём говорилось в полученном жрецами предупреждении.

Астрономически — начиная с восхода Солнца в год катастрофы в первой минуте головы Рака, точка последующих восходов начала смещаться вдоль линии эклиптики в обратном направлении, войдя в «сердце Льва».

Зодиакально — двигаясь против часовой стрелки, «первая минута головы Рака вошла в сердце Льва». То, что движение было таким, подтверждает и Дендерский Зодиак, на котором Рак изменил своё местоположение на линии эклиптики, переместившись назад ко Льву.

Описанное в древнем папирусе зодиакальное событие произошло не сразу. «Обратный отсчёт зодиакального времени» длился до тех пор, пока силы инерции и «внешнее вмешательство» не привели к тому, что вращение Земли ускорилось, а прецессионный механизм начал работать в привычном режиме.

Период сбоя прецессионного механизма и последовавшая за этим первая, самая критическая фаза нестабильности параметров Земли длились несколько сот лет.

За это время отклонение оси вращения Земли, составившее вскоре после удара астероида 20° от исходного значения, постепенно уменьшилось, но не вернулось в прежнее положение, вследствие чего Северный географический полюс Земли оказался смещён на 15°.

Лишь через 1153 года после страшной катастрофы, когда планета уже несколько сот лет находилась в относительно стабильном состоянии, жрецы завершили сложнейшую работу по пересчёту основных данных по цикличности и прецессионным ритмам.

Судя по шкале времени Дендерского Зодиака, работа была завершена где-то к 10512-10500 году до нашей эры.

— Представляешь, — восклицал поражённый до глубины души Андрей в трубку, — эти знания вместе с храмом долгое время были занесены песком! А изображения на стенах и потолках — переданные древними людьми файлы истинных знаний!

— Осталось только вспомнить ключ? — вторил Светослав.

— Вот именно!!!

Глава 33. Историческая достоверность

Работая одновременно над глобальной облачной системой хранения данных, Андрей снова и снова задавал вопросы Светославу, поскольку Юрка обратно «впал в детство». Там он помнил. Там не помнил. Хулиганил, одним словом, и вёл себя, как ребёнок! Секунды прозрения случались с ним теперь столь редко, что совсем не помогали в процессе поиска Имени Бога.

А сорока лет ожидания взросления сына для полноценной беседы у Андрея не было.

— Слав, ты назвал слово «Единет», что это там, в будущем за образование?

— Если честно, я сам не понял до конца. Но, по ощущениям, похоже на некую социальную сеть, только пользователей миллионы.

— Как они общаются? Интернет? Вотсап?

— Нет. Совсем нет. Единет — это мыслеформа.

— Коллективный разум?

— Тоже нет. Скорее, дробление на ячейки по интересам. Есть исторический портал. Есть развлекательный. Есть научный. Есть спортивный. Есть юмор…

— А по времени?

— Полтысячи или даже тысячу лет вперёд. Не могу сказать. В эту систему путешественников во времени не пускают. Сразу вызывают «чистильщиков памяти»…

У Андрея невольно захватило дух:

— Ага! Значит, получилось! Возможно, это именно то, над чем я сейчас работаю!

— ???

— В приоритете создания Системы несколько задач. Одна из них — личные данные. Для каждого они бесценны. Такая фишка — как, типа, закладка. Банк.

— Неприкосновенный.

— Да. Только на века. Данные помещаются в некий канал с перспективой на сотни лет. Информацию нельзя ни изменить, ни украсть. По принципу Михаила Ломоносова: «Народ, который не знает свою историю, не имеет будущего».

— То есть ты хочешь подарить будущее людям будущего! Ну, ты крут!

— Вот именно! Я нашёл способ дробления избыточной информации и рассредоточения фрагментов любого файла на пазлы. На сотни кусочков. Каждый из них, если будет вскрыт, ничего не даст похитителю. И лишь код соберёт всё это воедино. Лишь код «раскодирует» как маленькую кроху, так и большой объём информации. Делается это для того, чтобы ни один робот или человек не смог ни раскодировать, ни собрать воедино, ни изменить, ни стереть совсем ни человека, ни проект, ни исторический факт!

— Ты хоть понимаешь, что ты сотворил?

— Если честно, я ещё в процессе. И всех функций системы до конца не продумал.

— Ты создал беспрецедентное новое право ЧЕЛОВЕЧЕСТВА!

— В смысле?

— Простой пример для начала. У каждого, даже бедного человека, есть социальное право на погребение от государства. Так?

— Допустим.

— Отсюда напрашивается юридическая форма, которая неизбежно попадёт в Конституцию Человечества Будущего. «Каждый человек имеет право на закладку файла правды о себе».

— По поводу закладок, я как раз сейчас работаю. Оставляю честно и подробно сведения, которые завещаю открыть только через сто лет!

— А другие так могут?

— Без проблем. Причём ни одна разведка мира не сможет изменить эту закладку. И она со временем будет продаваться дороже однозначных номеров автомобилей в Арабских Эмиратах! Представляешь? Например, у тебя вместо жемчуга хранится шкатулка с кодами доступа к воспоминаниям Мэрилин Монро! Или Фрэдди Меркьюри. Или там, скажем, астронавтов, что так и не побывали на Луне!

— Ха-ха-ха!

— Вообще не смешно! Миллионы будет стоить такая флэш-карта!

— Деньги, друг мой, утратят необходимость. Ты забываешь!

— А энергия? Ты не берёшь в расчёт, что прогресс не стоит на месте. Сейчас это просто слово. Видеофайл. Фотография. Старое фото можно восстановить? Да. Даже по некачественным фрагментам. Как восстанавливают и цветность старых кинофильмов. В ключ ведь можно будет со временем помещать не только параметры ДНК и митохондрий, но и некую энергию. Да! Именно энергию, по которой воссоздадут тебя и меня… однажды…

— Энергетическое клонирование? Ну, ты загнул…

— Я тебе говорю: так будет! — обиделся Андрей недоверию.

* * *

Историческая достоверность не касалась самой богини Хатхор. Как только не интерпретировали её функции разнообразные историки! Кто называл её Богиней неба, расшифровывая имя, как дом бога. Кто-то утверждал, что она и есть та самая Богиня неба, корова, породившая солнце! Галактика как бы её

молоко, то есть Млечный путь! На некоторых изображениях она вообще была с рогами или в виде коровы! Лицо при этом сильно горизонтально вытягивали. В более поздних мифах Хатхор отождествляли с богинями Сехмет и Тефнут (влага) и передвигали как бы на ранг ниже. В греческий период Египта, конечно же, ей нашлось место в виде богини любви. Музыки. Празднеств...

Одно изображение не давало Андрею покоя.

На царском троне восседала Хатхор. На её короне — коровьи рога. Меж ними — солнце, как у Асписа. Но это ещё не всё! Пред богиней склонила колени сама Маат — Богиня истины и правосудия! Вот же она, расправила свои золочёные крылья в уважительном поклоне перед Хатхор! Образ Маат трудно спутать с другими. Её благословенное чело перевязано алой лентой, в которую воткнуто то самое заветное пёрышко! Перо истины! На суде потустороннего мира перо Маат служило мерилом правды. На одну чашу весов укладывалось сердце умершего, на другую — именно это перо! Если перо перевешивало, значит, человеческое сердце легче пера, и сам он попадал в чертоги бога света, …попадал в лодку самого Ра, и остальные боги служили ему…

Но почему же Маат изображается всего лишь слугой Хатхор?

— Кто такая, эта загадочная Хатхор? — спросил он у Юры.

— Богиня музыки сфер, — бойко ответил сынишка, — Хатхор ещё также и богиня поэзии, живописи, радости, праздника, женщин, деторождения и любви. Была связана с благодарностью. Она дочь Ра, которая защищает рай от Апопа.

— Апоп, это кто?

— Да Змей такой вселенский…

— А…

— А в руках её что за предмет, похожий на погремушку? Передатчик? Рация? Мобильник?

— Ха-ха-ха! Это музыкальный инструмент, что звуками изгоняет силы тьмы и зла. Если ты читал Библию, и особенно то место, где бог боится, чтобы люди не попробовали с дерева истины, так вот именно Хатхор наделена способностью к наивысшей проницательности и видению прошлого и будущего, поэтому помогает направлять праведные эстетические души

музыкантов и поэтов, философов и учёных в Рай. Её изображают в виде женщины с чуткими ушами, воронками, напоминающими коровьи. Иногда — с головой коровы или просто в виде коровы. Но часто просто очень красивой женщиной славянской внешности. Изображается исключительно с синими глазами, горизонтально-вытянутым лицом представителя венерианской расы и с голубым телом. Её символами являются музыкальные инструменты. Из-за этого христиане нарекли её укороченно-примитивно: «Хатхор — богиня пьянства».

— А на этом рисунке почему у неё в руках не погремушка, а посох какой-то и анх?

— Анх — это ключ. Флэшка с декодировкой!

— В хранилище данных?

— Точно! Только небесных.

— Типа, облако?

— Ха-ха-ха!

— А палка?

— Очень просто. Посох с навершием в виде головы бога Сета и с раздвоенным концом носил разные названия. Уас. Джед. Скипетр, если хочешь. На самом деле в реалии это ОРУЖИЕ! Типа автомат Калашникова, только сильнее лазера! Истину во все времена приходилось охранять!

— Сет, что боролся с Асирисом? Сет, единственный наделённый способностью защищать Бога солнца от вселенского змея? Сет, обманутый Нефтидой и защищающий до сих пор влиятельных людей планеты? Правящую верхушку? Власть? И самого бога солнца?

— А как тебе то, что в одном из мифов Ра послал Хатхор, повсюду изображённую прекрасной юной девой с детским личиком и пухленькими губками, ни много ни мало — УНИЧТОЖИТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВО? — задал встречный вопрос ЮрВедыч. — И тогда весёленькая танцующая богиня плодородия и любви превратилась в богиню разрушения и войны Сехмет?!

— Кто там в этой небесной иерархии главнее, Хатхор или Ра?

— Тут вообще не важно: мать или сын главней. Там, в мире межпланетарном и межгалактическом совершенно другие отношения…

Глава 34. Люди в серых костюмах

Московская погода в то утро окутывала пространство максимальным комфортом. Ещё не властвовала жара середины лета. Не было холодно, как зимой, осенью или весной, когда земля не прогрета, и знобит от прикосновения с нею подошв неподготовленной обуви.

Тёплое и в то же время нежаркое небо давало передышку земным существам. Семи холмам Москвы охотно помогали семь ветров. Люди ощущали непонятый душам до конца эффект расправляющихся крыльев.

Всё это называлось свежестью.

Редкие облачка веерились хвостом фантастических розовых павлинов. Юрик, поджидая отца у подготовленной к поездке Теслы, дразнил соседских собачонок тёти Иры, чем досаждал ей неимоверно. Хорошо, что уже появился Андрей Геннадьевич.

Вдруг Юра увидел знакомые силуэты людей в строгих серых костюмах, вышедших из тёмной машины с забрызганными номерами и подошедших к отцу. Он напряг слух, чтобы понять намерения визитёров.

— Добрый день, — поздоровался с отцом неизвестный. — Андрей Геннадьевич Дмитриев?

Опасность заставила ЮрВедыча мгновенно напрячь всю сообразительность…

— Да, очень приятно. С кем имею честь?

— А-а-а-а! Меня собака укусила, — заверещал Юрик.

— Где? Покажи! Где! — подбежал отец.

Собачонки возмущённо затявкали.

— Когда? Ничего не было, — возмутилась соседка.

Люди в серых костюмах замедлились в нерешительности.

— Скорее! Скорее! К врачу! — ребёнок так стремительно ворвался в автомобиль и так громко и напористо требовал, что Андрею ничего не оставалось, как повиноваться.

Когда они вырулили на шоссе, ЮрВедыч серьёзным голосом констатировал:

— Началось! Теперь Зак не оставит тебя в покое.

— Тебя укусили или нет?

— Сейчас тебя укусят так, что и память сотрут. И все данные считают со всех устройств. Ты разве не понял?

— Данные с устройств считать невозможно.

— Почему?

— Нечего красть. Понимаешь? Я систему ещё не придумал! Она до конца не разработана. Помнишь, говорили? Есть щётки. И есть диод, регистр. Но надо заставить все элементы прерывно работать. То же самое со стихами. И с физикой. Есть протон. Нейрон. Электрон. Некие детальки конструктора. Но мы можем из нот собирать музыку. Из слов собирать стихи. Из атомных ядер и электронов — любую молекулу сложного вещества!

— Но существует ещё и поле!

— Вот именно. И не одно. Их масса. По большей части, до конца не изученных. Все, к примеру, пользуются электричеством, но ни один человек не знает, что это, чёрт возьми, такое! Поля бывают невидимы для одних и видимы для других… Людей… Приборов… Роботов… Компов… Сетей… Гравитационное поле позволяет…

— Знаю.

— Ах, да… прости… Конкретно сейчас я занимаюсь проблемой сохранения в цифровом виде некой совокупности электронов и нуклонов, что образуют электромагнитное поле мозга и того таинственного естества, что является человеком вообще, потому что атомы собираются в молекулы, а молекулы тяготеют друг к другу исключительно с помощью электромагнетизма. Есть ещё рентгеновское излучение. Есть волны, которые колеблются. Упруго… и не очень. Но я, поверь, не могу понять, каким образом движутся планеты… потому что планета — это одно. Она — мёртвый камень. А движение планеты — это уже третье состояние. Молекулы человека — это одно. А живой, разговаривающий, и, тем более, думающий человек — уже космическая тайна! Чтобы понять суть квантовой физики, …физики, составляющей человеческую душу или вот твой случай, её переселение из одного носителя в другой… Я ведь хочу всё-всё это оставить будущим землянам от нас, землян настоящих. Понимаешь? В виде банка данных, в облаке, не зависимом ни от кого.

— Я понимаю только, что ты слишком много говоришь. Вот тобой и заинтересовались все эти чудики. Серые ведь не отстанут! Они пришли с целью полностью тебя выпотрошить и…

— И?

— И стереть память!

— Но ты же можешь помочь.

— Я? Я не могу! Мне вырасти надо до совершенно фиксированной массы тела и мозга! Я ребёнок. Понимаешь?

— А говоришь, точно взрослый!..

Tesla стремительно уносила отца с сыном от пришельцев. И когда казалось, что опасность миновала, в зеркало заднего вида оба увидели «хвост». Серая машина с забрызганным номером приближалась.

Чрезвычайное нервное напряжение позволило ЮрВедычу расслышать не только шуршание инопланетных шин этих преследователей, но и шуршание других шин нескольких таких же автомобилей, пытающихся обойти беглецов справа и слева.

— Сворачивай между домами! — закричал ЮрВедыч.

Андрей поспешно свернул в первый же поворот, где уютно зеленели цветники ухоженных садиков. Двор был относительно пуст. Народ разъехался по отпускам, а остальные уже убыли на работу.

— Так куда мы едем?

— К чёрту на рога едем. Эх! Не думал я так скоро снова встретиться с «серыми»… Видишь ли… папа — выдавил из себя профессор Лебедев, — подвинься. Дай-ка мне руль!

Ребёнок ловко развернул транспортное средство среди аккуратненьких заборчиков и клумбочек. Визжа колёсами, автомобиль резко набрал скорость и неожиданно погнал прямо в лоб тёмным машинам, двигающимся по узкой подъездной дороге одной колонной.

А дальше произошло уж совершенно для Андрея невероятное. При соприкосновении с бампером Tesla серые инопланетные внедорожники стали отскакивать, как пинг-понговые мячики от ракетки. Разлетаясь в разные стороны, они все по очереди покинули не только дорожную полосу, но, похоже, что и планету тоже…

Андрей, застыв в одной позе, слышал лишь щелчки, похожие на щёлканье пальцев.

От неожиданности пришельцы не успели принять согласованное с центром решение, и в очевидной спешке им пришлось просто телепортироваться, оставляя вместо себя прозрачные облачка неведомого на земле газа.

— Кажется, пронесло, — выдохнул Юрий. — О! Нет! Только не это! Смотри!

Большая цветочная клумба дворика приобрела вдруг ясные очертания гигантского лица. Розовые аквилегии или, по-народному, водосбор, составляли лысую голову. Воронки глаз образовывали синие дельфиниумы. Рта у головы не было. Зато рукой с единственным зелёным указательным пальцем этот субъект погрозил обоим…

Тут из окон стали высовываться встревоженные шумом жители. И видение исчезло.

— Ну, ты крут! — начал выходить из «заморозки» Андрей. — Что это было?

— Когда?

— Последние четверть часа.

— Если коротко, те, что в серых костюмах — это люди Зака, космические бандиты. Им нужно твоё открытие. Но они боятся светиться, чтобы не иметь дело с галактическими наблюдателями. Вот импровизация в цветочной клумбе, это и есть…

— Наблюдатель? — догадался Андрей.

— Он самый. Это как бы первое предупреждение.

Машина постояла ещё некоторое время. Люди в ней молчали. Никто из них даже не вспомнил, куда собирались ехать с утра.

— И что дальше? — прервал это молчание Андрей.

— Откуда я знаю? — потёр лоб ЮрВедыч, — все учёные земли ломают башку над квантами, хотя никто в них не верит. А они есть. Физика вообще не наука. Она переизлучает тепло уже в собственном диапазоне!

— То, чем я занимаюсь — тоже не наука! Нет идеальных моделей! Есть лишь стремление…

— Рули к туроператору. Звони Светославу. Пусть шлёт загранник. Бери горящий тур в Каир на двоих. Я так понимаю,

они теперь плотненько сели на хвост! Дня три-четыре им понадобится на планирование нового вторжения. А потом или ты запустишь систему свою долбанную, или они тупо загребут все разработки! Загляните в мастабы. Саркофаги. Уверен, где-то оно всплывёт само. Это слово. Чёрт! Я просто уверен, что это Хатхор! Но почему не работает? Крутится где-то рядом. Я понять не могу!

Неотвратимая реальность появления людей в сером растревожила приятелей не на шутку.

Совершенно очевидно, что информационная энергия откуда-то просочилась. Из разговоров или снов. Теперь было не важно.

Билеты взяли быстро. Но оставалась ещё пара дней до полёта.

Профессор Лебедев посоветовал замечательное средство от «серых»: постоянно находиться в каком-нибудь шумном обществе, ибо те, как известно, стараются не привлекать к себе внимания.

* * *

А в полночь лунный свет выстроился на ковровой дорожке в виде длинноногого наблюдателя.

ЮрВедыч вздохнул:

— Ну, вот… опять… Привет. Давно не виделись!

Глава 35. Не сыпь мне соль на перец

На любого человека временами одновременно обрушивается и боль, и радость. Сомнение и решимость, свет и тьма. А на ребёнка и подавно. С одной стороны мать увлекает дочку узорами для вышивания и нежными лоскутками да тряпочками. С другой — отец заставляет выполнять определённые социальные обязанности. С третьей — друзья по школе и улица вклиниваются в процесс развития и сбивают с толку. Как отделить, что нужное, а что нет? Может, нужно и то, и другое, и третье?

Со взрослыми вопрос куда сложней. У некоторых, помимо секса, хлеба и зрелищ, есть ещё устойчивая потребность оставить некий цивилизационный след. Они ведь уже не как дети!

Они взрослые. Отличающиеся от остальной массы БЕЗДАРНЫХ взрослых именно уникальной взрослостью с целью ТАЛАНТЛИВО побуждать к развитию спираль ЦИВИЛИЗАЦИИ.

Самым забавным во всей земной круговерти была реальная доступность информации. Только люди сопротивлялись знаниям, кто как мог! Не читали книг. Не ходили в библиотеки. Не искали первоисточники. Занимались всякими глупостями. Поглощением пива. Ухаживанием за девицами. Выплёскиванием эмоций на массовых спортивных и музыкальных сборищах. Тратами денег на накопление пылящихся в домах коллекций ненужных вещей.

Никто не интересовался, что так сближало две семейные пары. Профессор Светослав Петрович Большаков преподавал социологию, психологию и философию. Его жена Вера работала бухгалтером. Андрей Геннадьевич Дмитриев предметно занимался компьютерными технологиями, а его жена Оксана — физикой. И были они совершенно не совместимы ни по интересам, ни по образованию, ни по социальному статусу.

Разве что дружили их дети…

Внешне казалось, что родители не обращают особого внимания на возню дружных ребятишек. На самом деле каждый шаг строго контролировался. Причём на уровне подсознания, каким-то боковым зрением время от времени один из четырёх взрослых обозначал рамки, в которых ребёнок может совершать те или иные действия, и за которые заходить никак нельзя.

Поэтому невообразимо живой и подвижный сынок Андрея постоянно причинял родителям, да и самой Мариночке всевозможные «квесты», раздвигая простор личных свобод за счёт уменьшения «ареала» остальных.

Юра мог по сотне раз заставлять девчонку повторять трудные слова в виде какой-нибудь считалочки. Вместе с ним Марина научилась чисто выговаривать трудные буквы «р», «л», «с». Вместе разучивали они стишки. Пели нехитрые весёлые песенки. Вместе шалили в какой-нибудь песочнице. Причём Марина делала это осторожно, а Юрик упивался любой детской шалостью самозабвенно! Пел. Танцевал. Громко декламировал стихи.

Смело брызгая по лужам, забредал по колено, не боясь измочиться в ледяной воде. И она за ним!

Смело отдирал обои, чтобы громко, по-детски смеяться, а на самом деле прочесть обрывки фраз старых газет, что прятались под обоями десятилетиями в их старой московской квартире. И Марина не отставала.

Не успеешь оглянуться, комната напоминала острова Японии после ядерного взрыва!

Но в том была заложена простая «сермяжная правда» — терпеливо, вдумчиво и целенаправленно взращивал и воспитывал он так, как ему было надо, будущую спутницу жизни. Лепил. Рисовал. Направлял путём будоражащей игры в нужном направлении развития разума. Вся ВСЕЛЕННАЯ ЛЕБЕДЕВА теперь заключалась в её крохотном симпатичном детском тельце.

В детском саду на многочисленных занятиях испытывала его мятежная душа удивительное счастье от воскрешения чувств. Он смотрел и не мог налюбоваться, насытиться видением непорочной и прекрасной девичьей красоты. Чуть вьющимися шаловливыми русыми локонами. Пытливым синим взглядом красиво очерченных глаз. Длинными-предлинными, как у эльфа из сказки, тёмными ресницами. Подвижными, удивляющимися всему бровками, мимическими линиями. Полыхающими от мороза, ветра или дождя щёчками. Всегда яркой розочкой губ. И всеми-всеми, от первого до последнего, словами, рождающимися из них. Лёгким детским дыханием.

Невольно он вдыхал девчоночий аромат, исходящий от платьишек, заколочек, туфелек и других сопутствующих душе Марины штучек.

Он так явно и демонстративно-красиво ухаживал за ней, что все к этому привыкли. И девочка, кстати, тоже. Её неразвившаяся чувственность не позволяла выходить за рамки любознательности мира вообще, в котором, в частности, были луна, звёзды, солнце, Юра, мама, папа и все детки в садике.

За единственным занятием никто не мог застать ЮрВедыча, прячущегося в теле ребёнка, по причине чрезвычайной его осторожности — он парадоксально много читал по ночам. Для этого он ещё в годовалом возрасте имитировал ряд кош-

марных просыпаний и вынудил родителей постелить ему в библиотеке, доставшейся семье с царских времён.

Две семейные пары, сблизившиеся около четырёх лет назад из-за детской дружбы, представить не могли, как сильно может их объединить общая цель. А после возвращения ЮрВедыча и контакта с пришельцами в сером все и подавно погрузились в некий криптоисторический экшн.

Вот и сегодня, собравшись на кухне у Дмитриевых, обе семьи ещё и ещё вспоминали малейшие детали прошедших событий пятилетней давности. Старались не упустить подробности и мелочи.

Взрослые понимали: прошлое, что связывало совершенно разные личности Светослава и ЮрВедыча, напоминало, скорее, ряд неких приключений во имя исполнения рыцарского обета. Хотя самого обета и не было. Был лишь поиск. Научный или антинаучный. Подобно двенадцати подвигам Геракла. Где там наука? Сплошной креатив. Иррациональное мышление двух дивергентов, приведшее к результату. Шкурный интерес одного — влюбить в себя предмет обожания Верочку Дорожкину. Цель другого — просто спасти собственную шкуру от космической банды Зака, и, одновременно, от галактических наблюдателей. И, главное, избавив от страданий душу непревзойдённой Малиналь, заполучить её, наконец. Причём провернуть это надо так, чтобы всё оставалось в тайне.

Чтобы в «тиши, глади, да божьей благодати» продолжать наслаждаться достигнутым «багажом», оба подозрительно относились к глобальным изобретениям Андрея Геннадьевича, третьего дивергента со всеми его облаками и прочими виртуальными (от слова вирчуэл — несуществующий) прибамбасами.

Оба, однако, понимали, что все до последнего «огородики», что городили они до сих пор, и были задуманы провидением с той лишь целью, чтобы Нереальная Реальность Будущего запросила именно у Андрея, Светослава и ЮрВедыча помощь в этом прошлом, а для них — в настоящем.

Но как помочь и не быть загнанным в ловушку межгалактической системы? Ведь путешествия в прошлое и будущее тут же оставляют энергетические следы. Как «голым слезть с ёлки и

не поцарапать задницу»? При всём при этом тысячи сопутствующих изобретению задач никто не отменял.

— А как работает ключ? — ненароком бросил через плечо вопрос Светослав. — Я до конца не догоняю…

Взрослые не уследили за детьми, что резво пооткрывали банки со специями и высыпали на стол.

— Марина! Как ты ведёшь себя в гостях? — ахнула Верочка.

Соль безнадёжно перемешалась с перцем.

Зачинщик каверзы Юрик торжествовал. Даже злорадствовал.

— Ты зачем это сделал? — спросил Светослав, то веря, то не веря, что Юра снова впал в детство.

ЮрВедыч многозначительно развёл руками, и из-за этого чуть не схлопотал подзатыльник от Андрея. Но тот вовремя спохватился, понимая, что его слишком «живой» сын был ранее не его сыном, а неким профессором Лебедевым. Значит, соль и перец на столе рассыпаны неспроста.

Все ждали реакции Оксаны. Только мама вообще не рассердилась:

— Нашалил, негодник? — весело сказала она и обвела глазами гостей, — придётся тебе и твоей подружке преподать урок физики!

— Тока не бейте! — выставил ручонки сынишка, наигранно улыбаясь.

Как отделять перец от соли, он уже знал. И мать знала, что он знал. Но, будучи женщиной сообразительной, поняла, что выходка Юры — очередной квест, чтобы урок элементарной физики усвоили и остальные.

— Объясняю ещё раз, — телепатически, как мать на сына, спокойно среагировала Оксана, — последний!

Достав резиновые перчатки, она потёрла их о шерсть.

— Смотри! Резина и шерсть при трении дают отрицательный заряд. Чтобы к перчатке притянулись частицы перца, они должны иметь положительный заряд. Но частица имеет нейтральный заряд, то есть одинаковое число положительных и отрицательных зарядов.

А теперь смотрите, дети! Если поднести заряженную резиновую перчатку, то перец начинает притягиваться к ней из-за

того, что отрицательные заряды с одной стороны начинают перемещаться в другую. В итоге получается, что перец с одной стороны положительно заряжен, а с другой — отрицательно, такое явление называется перераспределением электронов.

— А что с солью? — спросила Вера.

— А соль не притягивается к резине, так как в этом веществе электроны перемещаются плохо…

— Я понял! — стукнул себя по лбу Светослав. — Понял!

— Что ты понял? — обернулся Андрей.

— Понял, наконец, суть работы твоего ключа! Ключ отсортировывает частицы разрозненных данных, как резиновая перчатка — перец.

Славка благодарно глядел на ЮрВедыча.

Тот по обыкновению пожимал плечами. Кстати, брови-то у него потихоньку отрастали. Он всё ещё надеялся попасть в Египет. А вдруг возьмут? Там же так интересно.

В то же время и Светослав Петрович, и Юрий Всеволодович чувствовали себя вольно или невольно ступенями ракеты. Первая отделилась. Вторая — тоже. А ракета — это уже мысль Андрея, что обязательно должна привести к мировому открытию новых технологий.

Это значило только бесполезность и Славки, и Юрия в собственном поиске Имени Бога для их товарища.

— И в будущее летать не надо.

— И в прошлое тоже?

— Вот именно.

— Объясни, почему?

— Они только этого и ждут, а нам нужен результат. Сами вычислим Имя Бога!

— Математическим путём? — поднял на Славку глаза Андрей.

— Тематическим!

— Или телепатическим, — подыграла жена Верочка.

— Ну, артисты… — распределяла соль и перец обратно по баночкам Оксана.

Марина заглядывала то в одну баночку, то в другую, и не понимала, о чём идёт разговор. Она при рождении, назвав Имя своего Бога, осознанно и абсолютно лишилась памяти прошлых

воплощений. И являлась единственным реальным бесхитростным ребёнком среди присутствующих.

— Ну, наконец-то, догадались… а я всё намекаю… намекаю… — выдохнул печально ЮрВедыч.

Глава 36. Что это за ключ?

Международный аэропорт федерального значения Шереметьево имени А.С. Пушкина принимал и отправлял пассажиропоток с неизменной исправностью. Большаков и Дмитриев, пройдя необходимые формальности в ожидании приглашения на посадку, устроились в пустом кафе.

— ЮрВедыча не хватает с его вином и чёрной икоркой… — покосился на ценник Славка.

— Нам самый дорогой, вот этот, — не в пример ему, сделал заказ на коньяк Андрей.

Он, конечно, волновался, но старался не подавать вида.

Переживания были связаны и с предстоящим поиском, сулящим незапланированные приключения, которых он не особенно желал по складу спокойного рассудительного характера, и с беспокойством по поводу неуправляемого контактёра Лебедева, непонятно с какой целью возродившегося в утробе любимой жены Оксаны. Именно в их семье! И с отсутствием реакции жены на всё это «безобразие». Точно она давно знала, что воспитывает «уникальное существо», а на самом деле — сумасшедшего путешественника по временам и мирам. Прохиндея. Шарлатана. И авантюриста! Который вёл себя, то как японский мудрец, то как «любимая обезьянка Будды», то вообще как заправский классический вор. Вот как её вообще понять, эту женскую материнскую антилогику?

Славка, вооружившись «Египетской Книгой Мертвых» и время от времени заглядывая в пожелтевшие страницы, так, чисто для пробы, заставлял повторять Андрея то одно «божественное» словообразование, тот другое. А вдруг сработает!

Но коды не работали. Минуты в ожидании нужного объявления тянулись медленнее самых жирных улиток.

— Хорошо, — изучая прозрачность взлётных полос и движущиеся по ним самолёты, произнес Светослав, — мне до конца не ясна только одна деталь твоей системы. Ключ запуска — это пароль? Если пароль, грубо говоря, слово, его очень просто вычислить по отпечаткам пальцев там…и бери — не хочу! Пользуйся всей базой данных!

— Нет. Это не слово. Это крипт.

— Шифр?

— Система.

— Без коньяка не пойму…

Напиток весьма приятно разлился по сосудам.

Андрей обладал особенностью. Он вообще не мог есть, когда говорил. Поэтому постарался максимально доходчиво ответить без закуски.

— Это, на самом деле, очень простая вещь. Это последовательность, какая часть файла где лежит и в какой последовательности это склеить обратно. Ну, к примеру, 50-я часть первого файла лежит в Амазоне, 20-я часть в Эппле. И ячеек сотни. Причём без эмоций. Чистая математика. Компания, которая хранит, вообще не представляет даже, какая она, сотая или пятидесятая. Это и есть Ключ доступа к информации.

— Ясно. Так это уже было 10 тысяч лет назад!

— В смысле?

— «Непрочитанные книги умеют мстить!» — проговорился как-то великий мистик Рэй Бредбери. Светослав открыл «Книгу Мёртвых». — Смотри, как интересно. С тем, что ты только что сказал, проводим параллель. Древние фараоны, жрецы, оракулы, астрономические предсказатели и т. д. были весьма компетентны в распознании настоящего смысла жизни. Они считали, что у человека 9 составляющих:

Физическое тело Кхат.

Двойник души или дух Ка.

Душа Ба.

Центр духовной жизни, отвечающий за пороки и добрые дела в прямом толковании — сердце, но распознаётся, как Аб. Именно его будут взвешивать весы бога Анубиса!

Кхаибат или тень.

Кху, то есть душа духа.

Секхем энергия души.

Рен — это имя, при упоминании которого эти составляющие воскресают.

И, конечно, Саху, духовное тело, которое служит обиталищем души.

И всё это стремится уподобиться богу Ра. Встать с ним вровень. Попасть на его лодку! У бога Солнца множество имён. Имена Бога требовались для опамятования собственного предназначения. То есть запуска компьютера, для сборки девяти частей общей базы данных.

— Ты не понял, — прервал его словоизлияния Андрей, — ключ к системе — это вовсе не пароль, что легко может раскодировать любой юзер!

— Не скажи, — возразил Славка. — Твой ключ выполняет функции имени РЕН некоего умершего! Называя имя, ты запускаешь механизм сборки всех частей человеческой составляющей. А именно: ты назвал Рен, в смысле код, в смысле крипт сборки, он же самый короткий путь распознавания всей работы системы: щёлкнул затвор замочка в мёртвую дверь забальзамированного тела Кхат, в него вернулась душа Ба, разбудила душу духа Кху, от этого проснулся небесный двойник души Ка, забилось сердце добродетелей и пороков Аб, для вселенского равновесия добра и зла тело стало оставлять тень Кхаибат, запустилась, как механизм часов, энергия души Секхем, и духовное тело Саху, обиталище души, заработало всеми своими земными и небесными винтиками и колёсиками.

Андрей на некоторое время уставился в безликие плитки зала. Своей серостью они единственные среди разнопёстрого вокзала не мешали сосредоточиться на главном.

— Я думал об этом.

— Ты читал «Книгу Мёртвых»?

— Да нет, конечно. Но всё это, то, что ты перечислил, я и пытаюсь заложить в систему. И уже работаю над этим много лет. Чем больше работаю, тем отчётливей понимаю, что возможности независимого хранения безграничны.

— Что? Прямо и будут сканироваться нейросвязи мозга?

— Прямо и…!

— И сохраняться?

— Похоже, другого выхода нет. Это в будущем и произойдёт, если вы оба видели ЕДИНЕТ! Он же Zeloma, о которой так много написано в энциклопедии символов управления «Славянский выбор».

— А как же скопировать МРТ мозга, и заложить в неприкосновенные ячейки… простите, …мысли? Эмоции? Ведь главное в человеке не одежда и остальное прекрасное, как по Чехову, а именно эмоциональность! Любовь…

— Ерунда.

— Любовь — ерунда?

— Дело техники. Занять несколько специалистов. Дать задание разработать соответствующую программу.

— А наблюдатели? Вдруг придут и скажут: «Ай-ай-ай!»

— Давно бы уже пришли. Но, видно, это входит и в их планы тоже. Я думаю, мы, земляне, должны сами прийти к этим алгоритмам. И самостоятельно…

— Сделать открытие?

— Ага. Я так думаю, это как с тем же Именем Бога. Вспомнить его…

— Или вычислить?..

— Вот именно. Вспомнить или вычислить…

— Почувствовать…

— Прочувствовать…

— Это и есть первый экзамен…

— Вступительный?

— Что-то вроде этого.

— Ух!

— Я думаю, для них, космических регуляторов энергий, по типу — как задачка с тремя неизвестными для первого класса. Если справимся, переведут во второй класс, и так далее.

* * *

Наконец объявили посадку. Но друзья не торопились, лениво поглядывая, как суетятся люди, обременённые багажом, и складываются пазлами в длинную беспокойную очередь.

— Сейчас мы опираемся на технологии, которые есть, — продолжал мысль Андрей, — технически у меня почти всё готово. Объединив все части, мы получаем систему хранения в полном объёме. Уже в нашем веке это можно запустить. С нами или без нас.

— Боюсь, без нас человечество так и не получит гарантию индивидуальной неприкосновенности и Великий ШАНС на историческую достоверность!

Пространство за окном стало густо розоветь, точно услышало разговор. Или это просто солнце так роскошно садилось. Пассажиры, однако, не замечали фантастических оконных световых реплик.

А Славка с Андреем оба обратили взоры на необыкновенный закат.

— Остальные моменты мы додумаем, — обещал уже не другу, а как бы исчезнувшему за взлётной полосой солнцу Андрей. — Различные версии и кажущиеся первоначально нереальными возможности, новые фишки приходят в проект с разными людьми. Мы ведь постоянно общаемся и с айтишниками, и с учёными, и с академиками, вот и с философами тоже… И они подкидывают всё новые и новые идеи, накручиваясь на проект, как на снежный ком.

— Да… — потащил за рукав к выходу на посадку друга Светослав, — но как ты будешь сканировать знания мозга? Его память? Как будешь оставлять закладки на интимные переживания? Тайны? Потенциальные открытия, ещё не свершённые, но заложенные базы новой музыки, картин, поэм?

Андрей с сожалением бросил последний взгляд на недопитую бутылку марочного коньяка. Но то, что приятели оставили на столе сей роскошный напиток в уютном окружении двух рюмок, показалось ему весьма символичным.

Некий магнетизм рождался в пространстве. Его неотвратимая предсказуемость и пугала, и радовала.

Впрочем, ничего выдающегося при взлёте и приземлении не произошло.

Глава 37. Египет своими глазами

Космический прозрачный змей, выливаясь и испаряясь с момента первого проникновения на землю, а сейчас достаточно поистощившись, легко проследовал за авиалайнером. Но был не готов к летней неумолимой жаре Египта.

Бедняга даже не подозревал, что по статистике в Каире летом осадков — ноль миллиметров! Полный ноль!

Люди, однако, дивились. Среди лета трусил обильный для этих мест дождичек, наполовину закрыв небо и окрасив предвечерье в тона чайной розы, набросив полупрозрачную вуаль на «чудо света».

Дождевой Зуб Мудрости, вызывающий грозы и прочие электрические непонятки, выпал где-то в пустыне. Но так, как это было днём, никто не увидел упавшую звезду, соответственно, никто из бедуинов не успел загадать желание.

Лишь Андрей почувствовал некую фантомную боль в правой скуле. Только подумал, что просквозило кондиционером.

В абрикосовом предвечерье путешественники с первой же оказией направились к пирамидам.

Каир встречал суетливо. Замусорено.

Запах прибитой пыли и перезревших бананов заполнил пространство.

Тучка тоскливой береткой таяла в сумерках над пирамидой Хеопса.

Ночь опускалась быстро. Вызвездился небосвод.

Путешественники, хотя и были чрезвычайно сосредоточены на своих поисках, всё же не могли не залюбоваться настоящим звёздным карнавалом. Тут же отметили, что небо здесь другое, не как дома. Весь звёздный пантеон словно приподнялся над горизонтом, небесные светила стали гораздо ярче и как будто ближе.

Лебедь и Орёл по-прежнему летели навстречу друг к другу безо всякой надежды когда-нибудь сблизиться. Красавица Вега мерцающими взглядами заигрывала с мужественным Арктуром. Но доминировала на этом празднике Северная корона, сверкающая всеми своими семью гранями и сдерживающая разные пылкие сердца от необдуманных поступков.

Вдруг Большаков напрягся и, не отрывая взгляда от созвездия Льва, странным голосом спросил:

— А какое сегодня число?

Андрей сначала хотел подшутить над другом, ведь тот сам заказывал билеты на авиарейс, а прилетели они сегодня, так что потеряться во времени Слава никак не должен был. Но, поддавшись его волнению, просто ответил:

— 23 июля 23 года, — и сам уставился, заинтригованный, на участок неба.

Увиденное его поразило.

В 23 часа три планеты, Марс, Венера и Меркурий, сошлись вместе, образовали практически идеальный равнобедренный треугольник, напоминающий мифическую лодку Ра, и в центре этой лодки расположился Регул — главная звезда созвездия Льва.

— Что бы это значило?

— Если повезёт — увидим.

Хорошо, что пирамиды находились на прежнем месте. Выстроились в одну линию общим направлением на северо-восток! И смотрелись мистическими чёрными гигантами на фоне миллиардов мельчайших светлячков ночного неба.

Русскоязычный гид с арабской внешностью, которого друзья наняли индивидуально, торопливо вещал, что в Египте более ста пирамид. Самая большая — Великая пирамида на Плато Гиза. Она — единственная из многочисленных египетских пирамид считается чудом света. Как описано в более поздних летописях, в свете солнца пирамида выглядела «как сияющее чудо, которому сам бог Солнца Ра, казалось, отдал все свои лучи». Однако после разграбления Каира завоевателями местные жители принялись снимать облицовочные плиты с пирамиды для своих нужд.

Несмотря на сейсмичность местности, пирамиды, окутанные ореолом мифов и тайн, непоколебимо стоят не одно тысячелетие, поражая учёных, археологов и исследователей всех стран простым фактом своего существования.

— Навязчивое внимание постоянно меняющихся «истинных вер» разрушило их больше, чем землетрясения! — констатировал Светослав. — От некоторых остались только внутренние

ходы и камеры. Эти допотопные монстры пережили пеласгов, этрусков, римлян, греков, египтян, евреев…

Вера в разных богов сменялась верой во Христа и Аллаха. Причём, если доверять Геродоту, каждый из завоевателей пытался растаскивать пирамиды для утверждения собственной религии, как мог.

— Кстати, Слав, — отозвался Андрей, — ступенчатые постройки найдены не только в Египте. Они встречаются в Междуречье, Ираке, Иране, Сирии. Больше сотни их найдено в Мезоамерике. Южной Америке. Китае. Индии. Эквадоре. Перу. Вьетнаме. Корее. Камбодже. И даже на островах Атлантического и Тихого океанов. Такие сооружения есть под водой Чёрного моря в Крыму. На Алтае. В Сибири.

— Ну да. Мавзолей В.И. Ленина — тоже шестиступенчатый зиккурат, причём он смотрит фасадом на Красную площадь, а внутренней, точно такой же зеркальной частью, — в Преисподнюю эдаким бантиком. Гробница Канта — зиккуратик чуть поменьше.

— А ты видел в Париже прозрачную пирамиду у Лувра? О! Она дальше продолжается уже не конфеткой, а ромбом, как вверх, так и вниз. Кстати. На границе Франции и Испании тоже возведены современные пирамидки. И не только. После Перестройки пирамиды были установлены почти в каждой столице бывших советских республик!

Тем временем неугомонный гид убедительно продолжал просвещать друзей официально утверждёнными знаниями. Якобы некий фараон, а точнее, Хеопс, второй фараон четвёртой династии Древнего Египта, так возлюбил самого себя, что заставил десятилетиями сотни тысяч людей возводить усыпальницу, где и был благополучно захоронен с целью воскрешения для вечной жизни…

Глава 38. Поиски Имени Бога с Геродотом

Каждый день Светослав Петрович старательно выбирал разные экскурсии и проводников, ведь то, что говорил один, не входило в компетенцию другого.

Андрей Геннадьевич же где-то раздобыл русский вариант Геродота, теперь и у него появился первоисточник.

Картина была забавная. За экскурсоводом неотрывно следовала группа из двух человек, при этом один был вооружён Книгой Мёртвых, второй — фолиантом «История. Книга II. Евтерпа» Геродота. Зачастую утверждения гидов входили в прямое противоречие с информацией в первоисточниках. Но иногда они сообщали детали, приводившие наших путешественников в замешательство, и направляли их на новый поиск.

Им было мало своих экскурсий. По некоторым вопросам они могли прослушать нескольких проводников. Дело в том, что на туристических маршрутах пересекалось множество других, чаще разноязыких, экскурсий. И так, как мобильник Андрея мог переводить иностранную речь, то он постоянно пристраивался за новой группой, получая из наушников качественный перевод со всех языков.

Светослав Петрович из сил выбился следить за ним!

Дни пробегали быстро. Список имён Египетских богов в базе смартфона множился, что ручьи после летнего сумасшедшего ливня. Каждое имя последовательно инициировали. А чуда не происходило.

Да, там было найдено множество мумий и прочего, оставленного в захоронениях династического периода.

А что же было до?

Изучая данные до династий, археологи были весьма озадачены фактом отсутствия следов письменности! Никаких знаков! А покойных вообще расчленяли! Отрубали голову и присыпали ямки. Кроме всего прочего, как и в Америке у майя и ацтеков, в Африке тех лет весьма было развито людоедство.

После этого был период, когда умерших частично кремировали, складывая конечности в сторону восхода солнца.

— Примитивные глиняные сосуды, — комментировал собственное видео Светослав, — горшки с нарисованным треугольным орнаментом, что может процарапать и ребёнок. Толщина стенок у мисок и кувшинов гуляет. Украшения далеки от геометрической точности последующих ювелирных изделий времён династий. Грубо обработанные фигурки из камня, кривенько

и косенько, но очень трогательно нанесённые на поверхность найденных предметов незамысловатые узоры…

— Да, но… — вставлял реплики Андрей, — откуда вдруг взялись инженерные знания для строительства пирамид?

— Подводим итог додинастического периода. Первобытнообщинные племена Африки не структурированы. Не обладают знаниями архитектуры и обработки камня. Какая-либо наука отсутствует. Исключительно инстинкты.

— Смотри! Как тебе? — улыбался друг. — В период династий письменность на папирусах вместе с остальными яркими признаками глобальной уникальной цивилизации появляется вдруг резко и сразу!

— Запоминаем на всякий случай эту мысль!

И действительно. Именно в период династий появились иероглифы! Это сопровождалось мумифицированием, рисунками на гробницах внутри камер, на саркофагах, на столбах храмов и в дворцовых комплексах. Сей цивилизационный бум продолжился вплоть до 600 г. н. э., пока арабы не пришли на эту землю.

После прихода арабов египтяне резко забыли высокоточную геометрию, собственную письменность, мумифицирование и, что самое интересное и парадоксальное, веру в своих 200 богов!

Друзья на личном опыте смогли убедиться, что на данный момент по факту 80 процентов населения Египта — мусульмане и поклоняются Аллаху, и 20 процентов — копты и поклоняются Христу. Атеистов в Египте нет. В паспорте даже есть строка, к какой вере принадлежит подданный этой страны. Более того. Народа египетского, как такового, тоже нет. Редко кто знает, что нарисовано на гробницах, прочесть это могут только специалисты-египтологи, коих оказалось меньше, чем в Москве! На вопрос: а чем отличаются арабы и копты от египтян и как выглядят современные египтяне, местные жители Египта ответить оказывались в затруднении и начинали что-то лепетать о бедуинах, которые как бы египтяне, но и не египтяне, а живут там, в пустынях Африки, своей жизнью и более напоминают по укладу быта наших цыган, потому что вне прописки и вне закона, однако по вере всё-таки являются мусульманами. В школы бедуины не ходят. Занимаются древ-

нейшей профессией свободных людей. В общем, в городах их побаиваются.

Получалось, в сравнении с технологиями времён строительства пирамиды того же Хеопса, современные жители Египта точно откинулись в развитии на много веков назад. Ни один из них не мог объяснить, как древние люди, проживающие на данной территории, возвели пирамиды.

Расцвет изображений и письменности, содержащей отрывки Книги Мёртвых внутри мастаб, приходится на период сразу после прихода династий. И после династий — тотальный упадок со временем, а не расцвет, как это было в странах Европы и Америки!

* * *

— Так о чём же всё-таки свидетельствует историк Геродот? — после сытного ужина, развалившись в плетёном кресле веранды уютного отеля и поглядывая на синий горизонт Красного моря, лениво спросил Светослав.

— Разберём детали, — охотно открыл книгу Андрей.

Книга была испещрена его подчёркиваниями и заметками. Вооружена закладками.

— Видишь ли, Свет ты мой. Светик. Светослав! Как полезны и удобны исторические закладки!!! Сама история глобально сотни раз переписывалась. А артефакт в Его Величестве Книге сохранился! А почему? А потому, что раньше не было общепланетарных компьютерных технологий. Вот конкиста, к примеру. Сожгла и удалила тысячи артефактов существования Марсианской цивилизации и практически уничтожила культуру майя, ацтеков и т. д. Далее. Китай. До сих пор хранит тайну своих пирамид, не допуская туда туристов! Белую пирамиду можно увидеть только из космоса. То же самое получается с египетскими фараонами. И если бы не Геродот…

— И их же Книга Мёртвых…

— Да.

— И их астрологический календарь в Дендере.

— Вот именно. То картина мира нам представлялась бы такой, как хотят пройдохи-царьки и пройдохи-политики.

— И что Геродот?

— Он утверждал, например, что египтяне первыми придумали астрологический календарь и установили продолжительность года. «Это открытие, по словам жрецов, египтяне сделали, наблюдая небесные светила».

— Ха-ха-ха! «По словам жрецов»!

— Запомним и эту мысль тоже!

Геродот считал, что календарь египтян точнее эллинского! Ведь эллины каждый третий год добавляли вставной месяц, чтобы сохранить соответствие времени!

Геродот также свидетельствует, что большая часть Верхнего Египта — «земля наносная». И, кстати, он постоянно говорит фразу: «как меня уверяли жрецы, и как я сам думаю», то есть он утверждает, что территория Египта очень сильно была подвержена заносам земли и песка. «У меня создалось впечатление, что низменность, лежащая между упомянутыми горами к югу от Мемфиса, некогда была морским заливом совершенно так же, как долины в Илионской области и в Тевтрании около Эфеса и долины Меандра…»

И вновь мы можем наблюдать его утверждение: «Итак, я верю рассказам жрецов о Египте и целиком разделяю их мнение».

Геродоту, как и нам, конечно, интересно, каким богам поклонялись жители Египта. И среди них он называет уже знакомых нам персонажей по древнегреческим мифам.

«О Геракле же я слышал, что он принадлежит к сонму двенадцати богов».

«Египтяне заимствовали имя Геракла не от эллинов, а, скорее, наоборот, эллины от египтян, у меня есть много доказательств. Между прочим, оба родителя этого Геракла, Амфитрион и Алкмена, были родом из Египта».

«Геракл — древний египетский бог, и, как они сами утверждают, до царствования Амасиса протекло 1700 лет с того времени, как от сонма восьми богов (первого поколения) возникло двенадцать богов, одним из которых они считают Геракла».

Перенесёмся мысленно в Анапу, где больше 800 лет царствовала античная Горгиппия (для сравнения, современные историки утверждают, что Москве тоже чуть более 800 лет).

Именно в Анапе найдена стена с изображением всех одновременно 12-ти подвигов Геракла! Богом у греков он не считался. Но считался героем, сыном Бога Зевса и Алкмены (жены Амфитриона).

— На это мне есть, что тебе сообщить, — ответил Светослав, — ты пробивай. Пробивай имена! Может, там дело-то именно в звучании названия имени! Вот, смотри. Неожиданно и несвоевременно ушедший из жизни Юрий Петухов в книге «Дорогами богов» провёл удивительное и захватывающее исследование. Лингвистически он доказывает, что имена греческих богов имеют, безо всякого сомнения, русские (этрусские) корни. При всём скепсисе с ним невозможно не согласиться. Назову лишь некоторые.

Фишка в том, что основу любого корневого сочетания всегда составляют согласные. Есть также взаимозаменяемые согласные глухие-звонкие: б-п, з-с, д-т, гласные же могут меняться, как меняются говоры в разных областях. К примеру, в Москве акают, в Горьковской области окают, в Малороссии — х(г)ыкают. И так далее.

Гера — это раз. Она как бы жена и как бы и сестра Зевса. Причём её имя не переводимо с древнегреческого. Что мы знаем о ней? Гера — воинственная богиня, изображается в шлеме, с копьём или мечом в руке, с пылающим, яростным взором. Да и сама она вспыльчивая, резкая, буйная, мстительная, яростная…

Произносится её имя в Греции, как нечто среднее между Хера и Хара. И в этом созвучии чётко слышится корень «яр». Яростная богиня Яра! Тут мы сталкиваемся с полнейшим лингвистическим и функциональным тождеством образов! Точнее, это один образ, первоначально архаичный славяно-русский, заимствованный древними греками у коренного населения Эгеиды и воспетых ими этрусков.

— Ты зачем это мне говоришь?

— Андрюха, думай. Все проводники по-разному называют своих богов. Сравни произношение имён Гера и Исида! Она ведь то Исида. То Изида! То Мут-Нетьер, «Мать богов», то Вест-Кекау, «Великая магия»! То Мать бога-сокола неба. То Эсет, что означает «Богиня Трона»...

— О'кей. Убедил. Продолжай про Геру.

— Я нисколько не переключаюсь на богов греческих. Просто говорю, что во времена Геродота славянские, греческие и египетские — одно и то же, только по-разному называются! Вот, смотри, теонимы славянского языческого пантеона, сравним их с пантеоном греческим, точнее, судя по всему, догреческим, то есть этрусским. И обнаруживаем у славян богиню Живу, которую все мы знаем с детства и, соответственно, бога Зива-Жива, характеризующего собою живое начало в природе и роде. Сами слова «жизнь», «живой», «жить», «живительный» этимологически неразделимы с теонимом Зив-Жив. Согласен?

— Допустим.

— А Зевс?

— А что Зевс?

— Какая основная функция греческого Зевса? Да, мы знаем, что он повелевает громами, наказывает всех подряд, вершит суд и т. п. Но основа образа Зевса — дарователь жизни. Именно по этой причине Зевс крайне непостоянен, и практически все богини и очень многие смертные женщины имеют от него детей, он жизнедаритель.

— Ха-ха-ха!

— Не смейся! Мы видим полное функциональное и лингвистическое соответствие Жива и Зевса. И совершенно ясно, что для греков русское, понятное и не изменившееся со времён глубокой архаики «Зив-Жив» непереводимо. Возможно ли совпадение в созвучии и образе? Нет, в данном случае совпадение исключается. Более того, можно продлить этимологическую цепочку: «Зив-Жив» (славянское) = «Зив-Див» (иранско-славянское) = «Дио-Део» (латинское). То есть мы приходим к выводу, что и латинизированное Део, что означает Верховный Бог, также происходит от русского Зив-Жив, что полностью подтверждается законами лингвистики!

На эти заявления Андрей тут же забил ещё несколько кодовимён богов в мобильник.

А Светослав продолжал:

— Далее Юрий Петухов проводит параллели между именами славянских и греческих богов: Апполон — Купало, Лато —

Лада, Яр — Арес, Афина — Таена — Тайна. Прометей — Прометливая мысль. Язон — Ясон. И, наконец, Геракл — Ярый.

Геракл. Прикинь? Вообще не грек. Само имя Геркулес состоит из двух частей: Гера и клеос. Первая часть с греческого не переводится. Но, как мы уже показали, означает «Яр, Ярый». Вторая часть вполне переводима. Клеос — слава. Здесь мы должны заметить, что по строгим законам лингвистики из слова «клеос» слово «слава» не могло образоваться. А вот наоборот могло. То есть греческое «клеос» имеет славянорусское происхождение и дано было грекам от древнейшего населения славянороссов. Само имя прославленного героя-витязя звучало первоначально «Ярослав» и лишь спустя века было трансформировано греческими сказителями в Хара-клеос-гераклиус. К примеру, можно сказать, что имя славянского бога Яровита в западных хрониках упоминалось как Геровит!

Тут уже оживился Андрей. И сообщил удивительные сведения, что почерпнул из Геродота. Складывалась оригинальная картинка «божественного мира целого полушария планеты»!

— Итак, живший с 484 г до н. э. по 425 г до н. э. древнегреческий историк и географ… — говорил математик.

— Возможно, имя его произошло также от Яра-Дот или Гор-Тот, позволим себе эти вопросы? — дополнил социолог.

— Позволим… — согласился Андрей, — по крылатому выражению Цицерона, «отец истории», автор первого сохранившегося значительного трактата «История», описывающего греко-персидские войны и обычаи многих современных ему народов, — открыл-таки свои заветные «закладки» Андрей, — свидетельствовал: «Я отплыл в Тир Финикийский, узнав, что там есть святилище Геракла. И я видел это святилище, богато украшенное посвятительными дарами. Среди прочих посвятительных приношений в нём было два столпа, один из чистого золота, а другой из смарагда, ярко сиявшего ночью. Мне пришлось также беседовать со жрецами бога, и я спросил их, давно ли воздвигнуто это святилище. И оказалось, что в этом вопросе они не разделяют мнения эллинов. Так, по их словам, святилище бога было воздвигнуто при основании Тира, а с тех пор, как они живут в Тире, прошло 2300 лет. Видел я в Тире и другой храм Геракла,

которого называют Гераклом Фасийским. Ездил я также и на Фасос и нашёл там основанное финикиянами святилище Геракла, которые воздвигли его на своём пути, когда отправились на поиски Европы. И это было не менее чем за пять поколений до рождения в Элладе Амфитрионова сына Геракла. Эти наши изыскания ясно показывают, что Геракл — древний бог».

Геродот утверждает, что в Древнем Египте были почитаемы также Пан, Селена, Гермес, Дионис и, особенно, Персей. Что обычаи некоторых культов были заимствованы у этрусков (пеласгов).

Так, «Обычай изображать Гермеса с напряжённым членом эллины восприняли не от египтян, а от пеласгов. Первым эллинским племенем, перенявшим этот обычай, были афиняне, а от них переняли уже все остальные. Ведь в то время, когда афиняне уже считались эллинами, пеласги поселились в Аттической земле, почему с тех пор и население Аттики также стало считаться эллинским. Всякий, кто посвящён в тайное служение Кабиров, совершаемое на Самофракии и заимствованное от пеласгов, поймёт меня. Ведь Самофракию прежде населяли те пеласги, которые впоследствии поселились среди афинян, и от них-то самофракийцы переняли эти таинства… Боги установили мировой порядок и распределили все блага по своей воле».

— Что у нас получается в сухом отжиме?

— А то и получается, что некие боги, пришедшие на землю, по мнению Геродота и по рассказам жрецов, «установили мировой порядок и распределили блага». То есть по факту поделили ресурсы планеты!

И, далее, очень интересно Геродот пишет о «происхождении» богов: «О родословной отдельных богов, от века ли они существовали, и о том, какой образ имеет тот или иной бог, эллины кое-что узнали, так сказать, только со вчерашнего и с позавчерашнего дня. Ведь Гесиод и Гомер, по моему мнению, жили не раньше, как лет за 400 до меня. Они-то впервые и установили для эллинов родословную богов, дали имена и прозвища, разделили между ними почести и круг деятельности и описали их образы».

Почти мистические рассказы Геродот передаёт соплеменникам как достоверность. Технический современный мозг, конечно, может допустить некое механическое устройство типа мобильно-

го телефона или рации, управляющее древними. Может, отсюда пошло верование в птиц с человеческими лицами. Птицу-Феникс, Птицу-Гамаюн, Птицу-Матерь Славу? И Матерь-Сва. Так, Геродот пишет: «А жрицы в Додоне сообщили вот что. Две чёрные голубки однажды улетели из египетских Фив, одна — в Ливию, а другая к ним в Додону. Сев на дуб, голубка человеческим голосом приказала воздвигнуть здесь прорицалище Зевса. Додонцы поняли это как волю божества и исполнили её. Голубка же, прилетевшая в Ливию, как говорят, приказала основать там прорицалище Аммона. И это также оракул Зевса. Это мне рассказывали додонские жрицы. Старшую из них звали Промения, среднюю — Тимарета, а младшую — Никандра. И другие люди из Додоны, из числа храмовых служителей, подтвердили мне их рассказ».

Вот же, как интересно получается. Бог Амон-Ра — бог солнца. Богу солнца голубка велит построить храм. В это же время строится и «прорицалище» Зевса. То есть, оба храма строятся одновременно! Кроме того, жрецы утверждают, что АМОН, ОКАЗЫВАЕТСЯ, ВООБЩЕ-ТО ВСЕГО ЛИШЬ ОРАКУЛ ЗЕВСА! Иными словами, Зевс главней их главнейшего бога-созидателя.

Многие нынче говорят о пирамидах и загробном мире. Но ведь была же и другая жизнь. Интересная. Бытовая. Праздничная. И зачем же строили египтяне пирамиды и храмы, и как же на самом деле проходили их храмовые праздники?

Одна из любимых богинь Египта — Бастет. В честь неё выстроен город Бубастис. Бастет-Бубастет — древнеегипетская богиня радости, веселья и любви, женской красоты, плодородия, домашнего очага с лицом кошки, почиталась особо.

Читаем дальше: «С наибольшей охотой египтяне собираются в городе Бубастисе на праздник в честь Артемиды и затем в Бусирисе в честь Исиды. Ведь в этом городе находится самый большой храм Исиды. Расположен же этот город в середине египетской Дельты (Исида — это египетское имя Деметры). Третье празднество бывает в городе Саисе в честь Афины, четвёртое — в Гелиополе в честь Гелиоса (Бога Ра), пятое — в городе Буто в честь Латоны (Лады), шестое — в Папремисе в честь Ареса.

Когда египтяне едут в город Бубастис, то делают вот что. Плывут туда женщины и мужчины совместно, причём на

каждой барке много тех и других. У некоторых женщин в руках трещотки, которыми они гремят. Иные мужчины весь путь играют на флейтах. Остальные же женщины и мужчины поют и хлопают в ладоши. Когда они подъезжают к какому-нибудь городу, то пристают к берегу и делают вот что. Одни женщины продолжают трещать в трещотки, как я сказал, другие же вызывают женщин этого города и издеваются над ними, третьи пляшут, четвёртые стоят и задирают подолы своей одежды. Это они делают в каждом приречном городе. Наконец, по прибытии в Бубастис они справляют праздник с пышными жертвоприношениями: на этом празднике выпивают виноградного вина больше, чем за весь остальной год. Собирается же здесь, по словам местных жителей, до семисот тысяч людей обоего пола, кроме детей.

После жертвоприношения все присутствующие мужчины и женщины, много десятков тысяч, бьют себя в грудь в знак печали. А кого они оплакивают, мне не дозволено говорить. Карийцы же, живущие в Египте, при этом заходят ещё дальше египтян: они наносят себе раны ножами на лбу; по этому-то узнают, что они чужеземцы, а не египтяне».

— Забавно!

— Что забавно? — переспросил Андрей.

— Забавно то, что современные египтяне считаются наиболее верными Аллаху, если на их лбах есть шишки от усердного пятиразового моления в день. Возможно, эта лобовая традиция перешла к ним от древних египтян, потому что в других странах такого нет…

— Ты меня сбиваешь с мысли!

— Прости. Продолжай!

— Геродот утверждает, что: «Египтяне первыми ввели обычай не общаться с женщинами в храмах и не вступать в святилища, не совершив омовения после сношения с женщиной».

— Интересно, почему? Претило, что богиня может быть сильнее бога?

— Возможно. Но вот что может ещё показаться интересным. Некоторых животных жители этой страны почитают наравне с людьми, приписывая им свойства видеть потусторонний

мир: «Трупы кошек отвозят в город Бубастис, бальзамируют и погребают там в священных покоях. Собак же хоронят каждый в своём городе в священных гробницах. Так же, как собак, хоронят ихневмонов; землероек же и ястребов отвозят в город Буто, а ибисов — в Гермополь. Медведей, редких в Египте, и волков, которые несколько больше лисиц, хоронят там, где найдут их мёртвыми».

— Хочешь сказать, что именем бога может быть имя животного, в смысле, ихневмона?

— Чёрт его знает, — улыбнулся Андрей.

— Не богохульствуй!

— Кстати, как и в Европе, там каждый месяц и день года были посвящены какому-нибудь богу. Всякий надеялся предугадать заранее, какую судьбу, какой конец и характер будет иметь родившийся в тот или иной день.

Рассказ же Геродота о некоем Хеопсе, который вверг страну в пучину бедствий, передали ему, собственно, те же жрецы! Якобы Хеопс прежде всего закрыл все святилища. Запретил совершать жертвоприношения. Ну и, понятное дело, заставил всех египтян на него работать.

По мнению Геродота и жрецов, сто тысяч людей перетаскивали камни через реку с Аравийских гор непрерывно.

«Десять лет продолжалось строительство этой дороги и подземных покоев на холме, где стоят пирамиды. В этих покоях Хеопс устроил свою усыпальницу на острове, проведя на гору нильский канал. Сооружение же самой пирамиды продолжалось 20 лет. Она четырёхсторонняя, каждая сторона её шириной в 8 плефров и такой же высоты, и сложена из тёсаных, тщательно прилаженных друг к другу камней. Каждый камень длиной, по крайней мере, в 30 футов.

Построена же эта пирамида вот как. Сначала она идёт в виде лестницы уступами, которые иные называют площадками или ступенями. После того, как заложили первые камни, остальные поднимали при помощи помостов, сколоченных из коротких балок. Так поднимали с земли камни на первую ступень лестницы. Там клали камень на другой помост; с первой ступени втаскивали на второй помост, при помощи которого поднимали на

вторую ступень. Сколько было рядов ступеней, столько было и подъёмных приспособлений. Быть может, однако, было только одно подъёмное приспособление, которое после подъёма камня без труда переносилось на следующую ступень. Мне ведь сообщали об обоих способах, почему я и привожу их. Таким образом, сначала была окончена верхняя часть пирамиды, затем соорудили среднюю и напоследок самые нижние ступени на земле. На пирамиде египетскими письменами было обозначено, сколько редьки, лука, чеснока съели рабочие. И, как я очень хорошо помню, переводчик, который читал мне надпись, объяснил, что на всё это было израсходовано 1600 талантов серебра. Если это верно, то сколько же денег пошло на железные орудия, на хлеб и одежду для рабочих, так как строительство всех этих сооружений продолжалось 20 лет и, кроме того, немало времени понадобилось на ломку и перевозку камней, и сооружение подземных покоев».

— Ты в это веришь?

— При любых математических подсчётах задачка не сходится с результатом. Можно допустить только лишь некий двадцатилетний ремонт-достройку, но никак не возведение данного монумента. К тому же, далее Геродот явно пересказывает язвительные сплетни жрецов: «А Хеопс, в конце концов, дошёл до такого нечестия, по рассказам жрецов, что, нуждаясь в деньгах, отправил собственную дочь в публичный дом и приказал ей добыть некоторое количество денег, сколько именно, жрецы, впрочем, не говорили. Дочь же выполнила отцовское повеление, но задумала и себе самой поставить памятник: у каждого своего посетителя она просила подарить ей, по крайней мере, один камень для сооружения гробницы. Из этих-то камней, по словам жрецов, и построена средняя из трёх пирамид, что стоит перед великой пирамидой (каждая сторона этой пирамиды в полтора плефра)».

— Ну, что ж, Геродотом описана постройка очень основательно.

— Не стыкуется одно: камни в пирамиде неподъёмные! А внутри пирамида Хеопса местами вообще выточена из сплошной скалы специальными высокоточными инструментами по

идеальной пространственной разбивке. Внутренние помещения похожи на шахты современного лифта! Общий вес сооружения, подсчитанный математиками, — около 20 миллионов тонн! Даже если допустить, что на среднюю пирамиду ушло камней чуть меньше, и каждый камень весит около тонны…

— Ха-ха-ха! Ничего себе, было посетителей у дочери фараона!

— Однако далее, опять же ссылаясь на жрецов к подлинности информации, Геродот пишет, что Хеопс царствовал 50 лет, а после его кончины престол наследовал его брат Хефрен. «Он поступал во всём подобно брату и также построил пирамиду, которая, впрочем, не достигает величины Хеопсовой. Я сам ведь её измерил. Под ней нет подземных покоев и не проведён из Нила канал, как в той другой пирамиде, где вода по искусственному руслу образует остров, на котором, как говорят, погребён Хеопс. Самый нижний ряд ступеней он велел вывести из многоцветного эфиопского камня и построил пирамиду на 40 футов ниже первой, при таких же, впрочем, размерах. Обе пирамиды стоят на том же самом холме высотой около 100 футов. Царствовал же Хефрен, по словам жрецов, 56 лет».

Но были и другие пирамиды, о строительстве которых пишет Геродот, всячески повторяя, что всё по свидетельству египетского жречества.

Так, например, чтобы превзойти прежних египетских царей, Асихис воздвиг в память о себе пирамиду из глиняных кирпичей с надписью, вырезанной на камне и гласящей: «Не ставь меня ниже каменных пирамид. Как Зевс над прочими богами, стою я над ними. Шест погружали в озеро и из грязи, которая приставала к шесту, изготовляли кирпичи. И таким образом меня воздвигли».

* * *

— Завтра на пирамиду едем?

— А чё там делать? Глупости очередные слушать?

— Надо посетить усыпальницы и мастабы…

Глава 39. Великое разочарование у саркофага

«Всё боится времени, но время боится пирамид», — гласит восточная мудрость. Однако Мехмед-Али вместо лома, уксуса и других разъедающих составов, которые употреблял Мамун, задумал пустить в ход английский ружейный порох. Европейские друзья вовремя отговорили вице-короля, внушив ему опасение, что от взрыва пострадают здания Каира!

Но более возмутительны, конечно же, сведения о вековом разрушении пирамид. Так, Султан Египта и Сирии Селлах-Эддин (1169-1193), военачальник, мусульманский лидер XII века, курд по происхождению, основатель династии Айюбидов, которая в период своего расцвета правила Египтом, Сирией, Ираком, Хиджазом и Йеменом, полушут-полугосударственный человек, Карагёз, имя которого перешло в наследство восточному Петрушке, брал из них камень для каирских построек, например, для цитадели. Преемника Селлан-Эддина, Мелик-эль-Камиля, осенила мысль разорить так называемую красную пирамиду (Менкаврову). Восемь месяцев стояли под ней лагерем рабочие и упорно трудились, стараясь уничтожить монумент. На девятый месяц Мелик бросил безумную затею, приведшую его лишь к убеждению в своём бессилии. «Когда смотришь на выломанные глыбы», — свидетельствует Абделятиф, арабский врач и писатель XII века, — «думаешь, что пирамида Менкавра разрушена до основания; когда же взглянешь на самый памятник, видишь, что он почти не тронут; только на одной стороне снята часть его зеркальной одежды».

* * *

Вооружившись всеми этими ветхими обрывками знаний, Большаков и Дмитриев пытались вписаться в круговорот туристического маховика, чтобы достичь заветной цели поиска единственного Имени Бога среди сотен имён и их инвариаций.

Египет не был исключением из стран, паразитирующих на «языческом» прошлом. Так, к примеру, бизнес острова Крит построен на продаже сувениров с изображением греческих богов. Но придерживается христианской цементирующей

религии. Италия торгует литературой и теми же статуэтками, относящимися к эпосу древней римской мифологии. Но никто не отменяет католичество.

Египет привлекает, по большому счёту, вообще всё население планеты вовсе не из-за тотального мусульманства! И не чёрные наряды женщин арабского происхождения манят обывателей и учёных к дельте Нила, а боги Древнего Египта.

— Смотри! — воскликнул Славка, наводя фотоаппарат на картинку.

Среди пыли и песка пустыни пирамиды появились так, точно впервые, а не в сотый и тысячный раз на разных изображениях… удивляя, как старый и загадочный миф! Как научное открытие. Как любовь! Как сказка! Как Бог! Как новое рождение. И как смерть…

Обоим показалось, машина везёт их бесконечно долго; на самом деле просто пирамиды были слишком высоки для местных географических пропорций. Меж сих рукотворных пирамидальных гор пыль и песок после дождя уже высохли. Вселенский ливень где-то в этих замусоренных бытовыми отходами песках уже утерял счастливую звезду собственного зуба мудрости. Лишь места падения тяжёлых дождевых капель миниворонками всё ещё выпукло морщинили «кожу» бессмертной старушки Пустыни.

Иногда южная сторона пирамиды Хеопса освещалась ярким африканским солнцем, тут же зеркально отражая его на весь Каир! Зрелище завораживало и Славку, и Андрея снова и снова, точно ежедневное явление этих грандиозных строений видели они каждый раз по-новому.

— Надо полагать, пирамиде дали имя Хеопса, чтобы не перепутать с другими пирамидами, находящимися рядом, — шепнул Славка.

— Ага. Хеопс, похоже, к ней имеет такое же отношение, как любой из царей, оказавшихся рядом за последние 5-10 тысяч лет, — отозвался Андрей.

На квадратные пыльные камни-гиганты, выточенные из песчаника, забраться было разрешено. И Славка полез, правда, кряхтя и с большим трудом. Всё-таки возраст брал своё.

Андрей же выбрал посещение внутренних ходов.

Приятели разделились.

Оставшись наедине с собственными мыслями, каждый думал практически об одном и том же.

Цивилизации не исчезают просто так. На всё должна быть причина!

Светослав пытался заглянуть в Саху, небесную душу души Каира, сверху.

Но прошёл всего несколько переходов.

Устал.

Wi-fi работал.

Он набрал знакомый номер. Включил видеосигнал для Верочки. И делился с нею увиденным. Мариночка тоже подбежала к телефону и строила забавные мордашки.

— Папочка, — похвасталась она, — у меня зубик выпал!.. Привези мне бусики из бирюзы! Мама сказала, там все царицы бусики из бирюзы носили!

Вера на это только улыбнулась и попросила несколько фото для семейного альбома…

А Андрей в это время разглядывал Ба (или душу) Египта как бы изнутри, для этого он поднялся к проходу внутрь пирамиды Хеопса. Сейчас его цель — мастабы.

Вошёл под прохладную сень доисторических камней. Невольно пригнулся, сделав поклон магическим сводам.

И тут непонятно как он почувствовал, что произошло некое разделение его естества на девять составляющих, которые начали бунтовать и возмущаться, и, что уж самое странное, — вести беседу друг с другом! Физическое тело Кхат. Двойник души или дух Ка. Душа Ба. Сердце Аб. Тень Кхаибат. Душа духа Кху. Энергия души Секхем. Андрей, то есть имя Рен. И даже небесное духовное тело души Саху. И всё это устремилось уподобиться богу Ра. Встать с ним вровень. Попасть на его лодку! С одной только целью, чтобы тот доверил Имя Бога, отвечающего за достижение цели, для которой Андрей, собственно, и пришёл на эту землю, а именно: построение некой системы, типа банка или хранилища информационного наследия ЗЕМЛЯН!

* * *

Глупо искать чёрную змею в чёрной комнате, особенно если она там есть! Но Андрей всё равно восходил в Великую пирамиду изнутри, приближаясь к её Аб (сердцу), в надежде разгадать тайну.

По утробе шахты, выложенной в скальных породах из базальтовых плит, он поднимался нестерпимо долго.

Подъём показался ему маленькой жизнью. Ни на стенах, ни на потолке ни одного знака или символа для подсказки он не обнаружил! Он продвигался, влекомый подсказками старых мудрых уже прочитанных книг.

Страница каменной книги, что читал он сейчас, оказалась ГЛАДКОЙ… не за что даже зацепиться! Только высокие. Только долгие стены, зовущие в чёрный мрак!

Где же имя?

Где имя?..

Имя?..

Температура внутри мастабы, как ему сообщили, была всегда одинаковая. 20 градусов! Коридор ни на что ранее увиденное в жизни не похож, разве что на шахту лифта, но лифт обычно вертикальный, а коридор был выполнен древними каменщиками под определённым углом.

На поворотах Андрею пришлось прогибаться и следовать далее в неудобном скрюченном состоянии. Мышцы Кхат, не привыкшие к такой зарядке, через минут пятнадцать запросили пощады! Но любопытство гнало вперёд. Постоянно вертелся вопрос к Ка: как это древние люди тащили сюда этот гранитный гроб?!.. гроб?.. в самой усыпальнице давил спёртый запах слежавшейся пыли.

И вот, наконец, камера…

А что же в ней?

Но это не гроб! Не саркофаг! Это большая шкатулка из красного гранита, повреждённая взрывом каких-то варваров. Унылая и молчаливая. Пустое помещение с гладкими стенами и достаточно высоким потолком.

А в ожидаемом саркофаге, выточенном с математической точностью, где якобы находилась мумия, о чём бездоказательно было заявлено от имени современной исторической науки, —

лишь чёрный космос! Лишь прямоугольный зрачок пустоты. Смерть надежды Аб, маленькой змеёй ужалившая в темноте!

Ты искал её! Она нашлась! Внутри Великой пирамиды великое разочарование ожидало каждого потерей колоссального количества энергии Секхем.

По лицу давно струился пот. И закапал прямо в саркофаг. Саркофаг? Что это за конструкция?

— Ты самонадеянный глупец! — шептала Ба-Саху. — То, что не могли разгадать лучшие умы мира, ты хотел вот так просто получить?

И нет здесь никакого ИМЕНИ БОГА! Нет кода ни криптографического, ни электронного, ни рукописного, ни визуального!!!

Но отчего же Геродот свидетельствовал, что читал там какие-то письмена? Отчего наука раз за разом твердит, что это гробница, а не что-либо другое? Что ты пытался там найти, кроме чёрной змеи разочарования?

Код души Хеопса?

Сдерживая усмешку над собой перед встречным потоком на спуске, на обратном пути Андрей мудро и снисходительно уступал встречным великое право протрезветь…

Идти вниз телу было ещё трудней! Работала уже другая группа мышц пресловутого Кхат! С лиц посетителей пирамиды пот бежал ручьями!

Те, кто только поднимались, думали... что это слёзы!..

* * *

Пирамида Хеопса была пронизана множеством и других узких тоннелей, связывающих внутреннюю её часть с поверхностью. И устроены они были слишком узко, чтобы служить ходами. Что они из себя представляли — до сих пор загадка. Может, это вентиляционные каналы для винчестера? Может, пирамида — вообще гигантский кулер?

Версия, что это резонаторы для сбора энергии, чтобы отправлять на звёзды неким инопланетянам, казалась Андрею неуместной…

Факт, что среди раскалённой пустыни с температурой до 50 градусов внутри пирамиды всегда прохладно, всего плюс

20 градусов и днём, и ночью, говорил о том, что архитектор сооружения великолепно знал законы математики и физики.

Частично пирамида Хеопса изначально была облицована неподъёмными гранитными плитами. Остатки облицовки до сих пор служат верой и правдой основаниям домов и домиков Каира.

Из гранита же была сделана пробка, которая обозначает бывший вход во внутреннюю её часть, расположенный на высоте более 15,5 метров от основания.

Андрей заглянул в приобретённый справочник на русском языке. Учёные рассчитали объём пирамиды Хеопса. Сейчас он составляет 2,35 миллионов кубометров. Раньше он был на 170 тысяч кубометров больше. Однако из-за того, что пирамиду несколько столетий использовали в качестве каменоломни, она изрядно пострадала.

Для постройки пирамиды Хеопса было использовано около 2,2 миллиона каменных блоков, уложенных в 210 рядов.

Тысячелетия пирамида Хеопса являлась высочайшей постройкой планеты. Она утратила это звание только в 1880 году. Периметр её основания достигает 922 метров. Вес пирамиды Хеопса оценивается в пять миллионов тонн. Сейчас её вершина обломана, и высота пирамиды составляет 137,3 метров. Но раньше, после завершения строительства, она была выше — 146,7 метров.

Академическая наука, опираясь на Геродота, который ссылается, в свою очередь, на жрецов, упорно утверждала, что процесс постройки пирамиды Хеопса продлился около 20 лет. Кёльнский собор возводился около 600 лет. А Собор в Барселоне до сих пор не выстроен…

Но есть ещё один интересный факт.

Когда исследователям впервые удалось проникнуть внутрь пирамиды, они так и не смогли найти ни одной мумии. Все «погребальные» камеры были пусты.

Наполеон после первых минут, проведённых внутри древней постройки, почувствовал себя настолько плохо, что больше не возвращался к вопросу посещения древних гробниц. Он поддерживал интерес учёных к раскрытию египетских тайн и субсидировал несколько научных экспедиций.

— Что там? — спросил Светослав, оторвавшись от любимых лиц Верочки и Марины.

— Ты меня прости, но это не усыпальница.

— А что?

— Похоже на развитую систему охлаждения глобального компьютера…

— Для хранения глобальной информации? — улыбающийся и весёленький после сеанса связи Светослав подумал, что Андрей шутит.

Но тот твёрдо, задумчиво и как-то весьма утомлённо кивнул:

— Угу…

Глава 40. Энергетические мечи Артура и Тамерлана

В Низовье под Волгоградом, там, где Волга щедро делится своими водами с Ахтубой, хранился Щит Тамерлана.

И дело было вовсе не в мече, что искали люди в серых костюмах. А именно в Щите, защитившем в лихое время Сталинград.

Артефакт меча, то есть не его энергетическая духовная проекция, а железный клинок, как известно, экспонировался в музее Англии, поэтому «серых» он совершенно не прельщал. Они как никто другой знали, что это лишь физическая оболочка. Подделка.

ЮрВедыч нужен был им для использования колоссальных возможностей именно энергетического меча Тамерлана. Но они даже не догадывались про Щит.

А ЮрВедыч догадался. Связавшись с отцом, буквально зарывшемся в изучение пирамид, Юрик пытался втолковать ему, что Имя Бога может быть Щитом. Поэтому искать надо Щит. Подобный Эгиде Афины. И Щиту Тамерлана!

У Андрея от жары и собственных неудач и без того раскалывалась голова.

Какой ещё щит?

Какой щит, когда они пытаются дешифровать Имя Бога?

— Между Волгой и её левым рукавом Ахтубой начинается пойма, преходящая в волжскую дельту!

— Я тут при чём?

— Три параллели! Щит Эгиды, Щит Тамерлана и Щит Хатхор! Все три — в дельтах! Все три защищали цивилизации и давали резкий взлёт новообразованным государствам! — убедительно шепелявил Юрик, — А на небе треугольником тебе в подсказку выстроился парад планет!

— Что у тебя с передними зубами? Выпали?

— Выдрал!

— Зачем?

— Марина тут зубик потеряла… я, чтоб её поддержать…

— Ну, ты теперь крас-с-с-сава! — не сдержал улыбки отец.

* * *

Со смутной надеждой Светослав напросился на массаж в салон Гора. Его намазали какими-то таинственными маслами. Основательно промассировали спину и погрузили в «ванну фараонов», объяснив, что именно в подобной концентрации морской соли, соды, йода и ароматических бальзамирующих тело масел жрецы Древнего Египта и фараоны входили в транс и общались с богами.

Предупредили, что температура не должна превышать сорока градусов и включили таймер на двадцать минут…

Но Большаков не расслабляться пришёл, а искать информационные проходы в тонких материях. Когда, притушив свет, массажистки вышли из комнаты, он поднял температуру до цифры 50…

Попытался медитировать, сосредоточиться на своих ощущениях, прикрыл глаза. И вдруг яркая вспышка разбросала вуаль морока, и действительно пришло видение.

Сначала невесть откуда взявшиеся знаки, похожие на счётные палочки для детей, начали выстраиваться в ряд. Три вертикально, потом три горизонтально и снова три вертикально. Звуком эту комбинацию можно было выразить, как Та-Та-Та — ти-ти-ти — Та-Та-Та. Что-то очень знакомое. Если вертикальные палочки принять за точки, а горизонтальные — за тире, то получается широко известный в азбуке Морзе позывной «SOS», что означает международный сигнал бедствия «Прошу помощи». Затем горизонтальные отрезки начали съезжаться и складываться друг на друга в стопку. Каждые три палочки вскоре

перетрансформировались в цифру 3. Не останавливаясь, вторая и третья тройки начали несимметрично уменьшаться в размерах и проникать друг в друга, устраиваясь в нижнем полукруге цифры и складываясь, наподобие матрёшки: третья — во вторую, вторая с третьей — в первую.

Видение захватывало. Трёхтроечная матрёшка принялась расти, вытягиваясь кверху, пока не образовала систему из трёх треугольников, находящихся друг в друге, с общим нижним основанием и разной, увеличивающейся в геометрической прогрессии, высотой. То есть каждый последующий треугольник был в два раз выше предыдущего. При этом все треугольники были вписаны каждый в свою окружность.

Вся конструкция светилась неоновым светом, но интенсивность свечения была не одинаковой. Необычайной яркостью обладали наименьший треугольник и его круг. Яркость второго треугольника и круга была в два раза меньше. Самый высокий треугольник и его круг излучали уже мягкий, комфортный свет.

Но светились не только треугольники и круги. Самостоятельной световой полосой обладало общее основание треугольников. Это свечение было почти лунным и настолько мощным, что по горизонтали вправо и влево оно распространялось далеко за пределы ограниченного треугольниками основания, как бы устанавливая некий горизонт, площадку.

И на этом переливающемся звёздным светом горизонте внутри самого малого треугольника стоял человечек. Его лицо было обращено к Светославу, и он шевелился. Ноги его для устойчивости были широко расставлены. А руками, раскинутыми в стороны, он удерживал боковые стороны треугольника, плавно контролируя, собственно, размер этого треугольника. Освещённый со спины шестью источниками светового излучения, трёх треугольников и трёх кругов, он призрачно мерцал размытыми очертаниями. Невозможно было угадать: мужчина это или женщина, ребёнок, взрослый или старик…

Несмотря на всю витиеватость и многогранность конструкции, все её элементы, треугольники и круги, имели две общие точки соприкосновения между собой. Это крайние точки нижнего основания треугольников.

Но это были общие точки соприкосновения не только для верхних треугольников и кругов. Как только зрение чуть адаптировалось к яркому свечению, Большакову открылся ещё один треугольник с общим для предыдущих треугольников основанием. Его даже треугольником трудно назвать, настолько он вытянут, как клинок. И направлен он не вверх, а вниз. Стороны его отливали голубоватым светом, усиливающимся по мере приближения к острию до силы пламени. Однако само остриё в пламени уже нельзя было рассмотреть.

Когда вся картина сложилась перед глазами, Светослав вдруг совершенно отчётливо увидел перед собой меч. Верхняя последовательность треугольников с человечком в одном из них — это, без сомнения, рукоять. Четвёртый, длинный и острый треугольник, направленный вниз, — конечно же, клинок, резко пронзающий черный космос. А горизонтальная полоса — не что иное, как гарда эфеса или крестовина меча.

И вся эта конструкция не являлась статичной. Все элементы мерцали, переливались, корректировали форму. Верхняя конструкция могла кратковременно приспускаться на нижнюю в пределах сегментов кругов ниже горизонта событий и наоборот.

Удивительное видение мгновенно исчезло, лишь только таймер просигналил о завершении сеанса…

* * *

Несколько раз прокрутив в памяти содержание видения от начала до конца, Светослав пересказал всё Андрею. Срочный сеанс связи, который по этому поводу устроили друзья с ЮрВедычем, озадачил обоих.

— Ну вот, теперь и ты знаешь, что такое энергетический меч Тамерлана! — преспокойно объяснил видения Светослава профессор.

— А цифры? — любопытствовал Андрей.

— Я думаю, три тройки составляют кодировку Имени Бога.

— Это подсказка? — выразил надежду Большаков.

— Причём явная! — утвердительно кивнул ЮрВедыч. — Хорошо бы увидеть всю картинку на бумажном носителе.

На листе не хватило места для длины нижнего треугольника-клинка. Зато хорошо получились светящаяся горизонтальная линия и рукоять из верхних треугольников с кругами и человечком внутри одного из них.

Юрик даже не скрыл довольной улыбки от увиденного.

— Горизонтальная линия, крестовина меча, гарда — это горизонт событий, реальное время, где мы все находимся, — констатировал ЮрВедыч. — А сам клинок, что ниже горизонта событий — это энергетические множественные воплощения наших прошлых жизней. То, что выше горизонта событий — это эфес, наше будущее.

— Точно! — вдруг хлопнул себя по лбу Андрей и заходил кругами по номеру отеля, точно шарик на колесе рулетки в казино, генерируя вслух какие-то свои мысли.

— В хранилище может быть заложена не только наша настоящая жизнь! Но и все предыдущие! Дерево! Древо! Ага…

Наконец Андрей упокоился. Присел рядом. И невозмутимо доложил:

— Основной функционал системы будет связан с тем, что люди не видят пока…

— Не могут увидеть, — старался помогать Юрий на другом конце, — свои тысячи воплощений распознают лишь те, кто либо не забыл их при рождении, либо особо продвинутые, либо посвящённые. Есть ещё четвёртый вариант. Те, в ком течёт кровь самих фараонов.

— В смысле, богов?

— Во всех течёт кровь богов… только разных.

— То, что увидел Слава, это и гарда, и эфес одновременно. Эфес — это будущее. Гарда держит состояние вечной жизни. Клинок — это прошлое. Много-много прошлого… Ты не увидел самого острия, потому что это и есть первое рождение в виде разумного существа на этой планете. Площадка, на которой стоял человечек, это наше настоящее.

— Все эти треугольники и круги не были в строго фиксированном состоянии! Они постоянно туда-сюда двигались!

— Горизонтально или вертикально двигались? — переспросил ЮрВедыч.

— Вертикально.

— Понятно. Значит, тебя выбрали по принадлежности крови. Один из конкретных физических твоих предков, Слава, был фараоном. Вот тебе и явилось видение… ДНК проверь, кстати. Иначе оно не работает.

— Я думаю, цифры… — рассуждал Андрей, — это триединая система, составляющая основной крипт шифрования энергий. А вообще, забавно…

— Что?

— Что? — одновременно переспросили Славка и Юрик.

— Машина моя…

— ???

— ???

— Tesla.

— А что Tesla?

Андрей нарисовал рядом со схемой Светослава логотип Тесла.

— Не напоминает?

— Ну-у-у… — протянул гласную ЮрВедыч, — если меч удлинить на логотипе… что-то в этом есть…

— А теперь смотрите ещё вот что.

Андрей перевернул логотип и выбрал смешную картинку блогеров, сравнивших логотип Tesla с одним из вариантов логотипа белорусского МАЗа.

— Вот именно! Это так и работает! — поднял указательный палец вверх ЮрВедыч.

— Где-то там, в Беларуси жил фараон? — захохотал Славка.

— Вот именно! — продолжал настаивать профессор. — Причём Тесла тоже не простой был мужик, скажу я вам! Логотип на машине практически в точности повторяет рисунок Славки.

— Да, только у Tesla пирамиды не такие, и выбран вообще-то скруглённый принцип, то есть по факту круг… а у белорусов…

— За ними и будущее! — парировал Андрей.

— То есть ты хочешь сказать, я неправильно это увидел, и меч Тамерлана или чей он там был, Александра Невского или Артуровский Эскалибур, теперь в этом воплощении Андрея Дмитриева должен был повёрнут остриём в будущее?

Андрей снова заходил вокруг, как одержимый. Несвязные фразы слегка пугали друзей, потому что изобретатель показался им немного сумасшедшим.

— В основе схемы — космический принцип рождения и смерти. То есть магнетизм…. Если сканировать знания мозга… Закладки… Информацию можно положить и оплатить через криптовалюту, оплатить заранее… Откидываемся от конкретных банков, потому что не факт, что оно проживёт десять лет…сто…двести… тысячу… А криптовалюта может прожить веками… Человек берёт, закладывает. Оплачивает. А ключ получит тот, кому делегировано завещание… потом… через такое-то время… Вот я ключ выставляю на аукцион, допустим, кто его купит, и деньги получат мои родственники, например… На первом этапе мы говорили, что хранят разные гуглы-амазоны… Но потихоньку вводим момент, что новомодные магазины становятся не актуальны, и любой человек… пользователь… зарегистрировавшись, сможет продавать своё место… И телефоны по терабайту памяти имеют… Соответственно, подключив магазин, распылять можно не на сотни, а на тысячи… Будем использовать системы рейтингов… Кто давно — большой рейтинг… Кто только — малый… И это позволит уйти от корпораций-гигантов и госсистем… Но как промежуточный этап… Не начисляемый… Он надёжный… И его никто не может контролировать, потому что нет единого узла! Да. Никто не сможет договориться, и децентрализованная система… По сути что-то…

— Что?

— Что?

— Ах… это вы…да… я тут немного… может в бар? — отозвался изобретатель.

На глазах Светослава и ЮрВедыча рождалось мировое открытие.

Глава 41. Отрицательный результат — тоже результат

Солнечным сплетением чувствуя усиление опасности при отсутствии прогресса в поисках на пирамидах, ЮрВедыч не находил себе места. Он должен был именно сейчас находиться там! В Египте!

Или не там?

Или не в современном Египте?

А где?

Впервые за новую жизнь в теле мальчишки он попытался сконцентрироваться и попасть в прошлое. Но по закону жанра надо было сначала оказаться в будущем.

Не создав петлю равновесия, затея оказалась бы не только пустой, но и смертельно опасной!

Дождавшись, когда мать уйдёт в магазин, он передвинул кроватку в центр библиотечной комнаты, удобно устроился в позе лотоса. И представил логотип МАЗа.

* * *

…Переместиться с телом в будущее не удалось. Лишь только замерцали характерные круги мировых матриц, энергосоставляющую полупрозрачную сущность контактёра перехватили в настоящем.

— О! Кто тут у нас! — обрадовался Зак, разглядывающий запутавшегося в сетях ловушки ЮрВедыча. — Пришёл должок вернуть?

— Какой ещё должок? — пытался избежать квитирования профессор.

— Меч! Меч Тамерлана!

Чтобы сконцентрироваться на возвращении истраченных сил, ЮрВедыч тянул время. Для этого надо было запудрить мозги своему вечному врагу.

— Ну, во-первых, не Тамерлан. А Амир Тимур! Тамерланом его назвали…

— Ты зубы нам не заговаривай! — вмешался один из приближённых Зака. Несколько человек в строгих серых костюмах уже заполняли пространство вокруг.

— Как с вами вести серьёзные переговоры, если вы простых слов не понимаете?

— Просто отдай меч.

— Вы тупые такие! Серые! — закричал несдержанно ребёнок, барахтаясь в невидимых конструкциях ловушки. — Как я отдам вам меч? Это же родословное древо избранных! Царей!

— Землян иноземного происхождения? — пытался переводить на свой язык Зак.

— Дошло по длинной шее… отпусти!

— Не-е-ет, — тянул удовольствие от обладания контактёром Зак, — сам попался. Мы тебя не звали. Теперь тебе не уйти, пока не отдашь меч!

* * *

Мама Оксана, отправляясь в магазин, сразу почувствовала что-то неладное.

Во-первых, при выходе из подъезда, испуганно мяукнув, дорогу ей перебежала безволосая розовая кошка породы сфинкс. Ни у кого в доме доселе она не видела такой кошки.

Во-вторых, долго не подходил автобус, который, оказалось, вообще отменили! И она пошла пешком.

В-третьих, очень высокий мужчина врезался у входа в магазин больно ей в плечо.

В довершение всего, не оказалось в наличии тех продуктов, за которыми она отправилась в дальний магазин.

Начиналась гроза. Ударил гром. Но дождя при этом не было. Более того, тучи как-то странно рассосались. А солнце так нещадно высветило и обожгло внутренним предчувствием…

— Окно! Я забыла закрыть окно, — встревожилась мать, резко развернулась и остановила такси.

— Прошу вас, срочно! Мой сорванец такой вольный! У меня открыто окно на кухне!!!

* * *

Открывая дверь, Оксана слышала отрывочные крики Юры:

— Вы тупые..! Серые!.. Вам меч? …древо избранных!

Забыв про открытое на кухне окно, мать вбежала в библиотеку.

На кровати сидел четырёхлетний сын с закрытыми глазами в позе лотоса внутри полупрозрачного шара и дёргался так, точно к нему было подключено электричество. Во все стороны разлетались искры.

Оксана, ни секунды не медля, рванулась к сыну, сгребла ребёнка в охапку. Ей показалось, что она вырвала его из какого-

то кокона. Через каждую жилку женщины мгновенно прошёл ток электрического разряда.

И магнетизм прекратился. Юра повис, точно мёртвый, на руках.

Мать в ужасе закричала, стала его тормошить. Мальчик медленно открыл глаза.

Произошедшее невозможно было объяснить никакими известными физическими законами!

— Ты зачем кровать перенёс? Откуда шаровая молния? Как себя чувствуешь? Что болит? — не умолкали вопросы матери.

А ЮрВедыч понимал только одно, что сам-то он не знает Имени своего Бога. И, если бы не ворвавшаяся мать, что явилось невероятным сюрпризом, ничто не спасло бы его на этот раз от Зака!

— Обещай мне, — успокаиваясь понемногу, обнимая и целуя сыночка, лепетала обезумевшая от испуга женщина, — что больше не будешь меня так пугать!

— Я тебя не пугал! — пришёл, наконец, в себя проказник. — Ты сама напугалась!

* * *

Попытка профессора оказаться в будущем, а затем узнать всё-всё в прошлом оказалась бессмысленной. Да. Тело ребёнка было пока слишком слабым для путешествий.

Глава 42. Гранитные страницы Книги Мёртвых

Волей судьбы изучая желания древних, и Андрей, и Светослав удивлялись их простоте! Египтяне стремились только лишь «есть хлеб из белого ячменя, пить пиво из красных зёрен и не работать на полях!»

«ЯЧМЕНЬ», «ПИВО» — забивал символо-знаки для проверки Андрей.

Код не работал.

— Для того, чтобы сытно есть и сладко пить в загробной жизни рядом с фараонами, помимо несметных богатств располагали умерщвлённых рабов, — подливал масла в огонь Славка, —

рядом с торговцами укладывали дорогие фигурки слуг из камня, а простым труженикам просто на папирусе писали списки рабов! И, кстати, все они вместе мечтали попасть в ту самую лодку бога Ра, и чтоб боги им прислуживали! Вот вам и смысл жизни! Вот вам и поиск божественного Света бога Ра! По принципу: «И чтоб Золотая рыбка мне служила, и была б у меня на посылках!».

— Не так просто попасть «к Ра»! — парировал Андрей. — Это ведь не просто место подле верховного бога. Это ещё и свидетельство того, что все остальные боги иерархий будут тебе служить! Но вот ведь в чём парадокс. Ра, если верить каменным летописям, не столь уж и сильный. Чтобы стать сильным с помощью Ра, надо сначала сделать его ещё более могущественным.

Андрей откопал фото, где на полоске тонкого виссона древними записывалось специальное супермагическое заклинание для Ра. Фактически сам Ра нуждался в защите от демонов тьмы!

К тому же друзья прочли на «Дверях Ка» входа в гробницу: «Если твоё Сердце (совесть), помещённое на одну чашу весов, будет легче Пера богини Маат, помещённого на другую чашу весов, то ты (9 твоих составляющих) сможешь пройти через эти Врата Ка в чертоги Бога Света».

Надписям более 5 тысяч лет!

— Заметь, — делился мыслями Славка, — мусульманство нисколько не изменило стержневому символу. Там так: и будет на левой руке твоей книга. И на правой руке книга. В одной записаны все добрые поступки. В другой — плохие. Если перевесит книга с плохими поступками, ты попадёшь в ад.

— В православном язычестве: «на левом плече сидит чёрт, на правом — ангел». — улыбнулся Андрей. — Отсюда суеверие: поплюй через левое плечо, чтобы не сглазить!

В это время оба уже разглядывали надпись на саркофаге: РЕУ НУ ПЕРТ ЭМ ХРА (REU NU PERT EM HRU), что означало «Главы о Восхождении к свету».

* * *

Они узнали, что из Азии и с Аравийского полуострова через Красное море на Север Африки попали некие люди, полностью изменив порядки, обычаи и культуру Древнего Египта.

По более популярной версии, пришельцы, конечно же, упали с неба! Но древние папирусы транслировали отнюдь не возвышенные, скорее весьма приземлённые желания и стремления царей всех династий.

До этого момента попадания других людей всё шло не так. Жители Египта использовали как погребение умерших, так и кремацию. При погребении тела умерших либо разрезались на довольно значительное количество частей, либо их хоронили без расчленения. Тела, не подвергавшиеся расчленению, укладывались в могилах на левый бок головами на юг и иногда заворачивались в шкуры газелей или циновки.

«Египтяне того времени не предпринимали попыток мумифицировать своих умерших в прямом смысле этого слова. Это, по-видимому, был наиболее древний способ погребения в долине Нила».

Умерших хоронили головой на юг, принося религиозные погребальные жертвоприношения.

А вот дальнейший способ сохранять тела умерших от разложения пришёл на смену расчленениям и просуществовал в Египте с самого начала додинастической эпохи вплоть до 640 года н.э., когда эта страна была завоёвана арабами.

В додинастический период в захоронениях расчленённых или кремированных тел не найдено никаких надписей.

И вот вдруг на смену этому дикарству пришла новая культура.

«Закрытые сверху ямы и углубления в земле, которые служили могилами и которые выкапывались практически без разбору на берегах реки, сменились грубыми сооружениями из кирпича, состоящими из одной или нескольких камер. Могилы больше не выкапывались в долинах, а делались на склонах холмов. Тела усопших не сжигались и не расчленялись, а голову больше не отделяли от тела. На смену шкурам животных, циновкам и грубой ткани пришли аккуратные слои особой материи, тщательно обматываемой вокруг тела; кроме того, мёртвых стали укладывать на спину в саркофагах вместо того, чтобы поворачивать их на бок и оставлять лежать прямо на земле» — свидетельствовали исторические надписи в краеведческих музеях.

На ритуальных сооружениях появляются страницы Книги Мёртвых. На гранитных саркофагах, стенах и даже лентах, которыми оборачивалась мумия, на убранстве помещения и ритуальных предметах появлялись её главные действующие лица: Осирис, Изида, Нефтида и прочие. Умерших снабжали амулетами. Отпевали особым способом. Изображали на всех атрибутах отрывки из упомянутой книги. Бальзамировали покойных от 70 до 90 дней.

После бальзамирования укутывали «Локонами Нефтиды» — некими бинтами или лентами, где иногда рисовали инструкции, как вести себя в загробном мире. Затем укладывали под золотую маску в золотой гроб. После — в деревянный. За деревянным шёл каменный саркофаг. Если человек беден, количество элементов в данной «матрёшке» сокращалось.

Саркофаг ставился «на ноги», когда в некрополе было мало места. Поэтому основание саркофага плоское. Но для богатых и знатных людей расписанные страницами Книги Мёртвых гранитные саркофаги устанавливались «лёжа» в обширном царском помещении.

Естественно, желая жить вечно в райских кущах, многие влиятельные люди Египта возражали против обезглавливания умерших, и их протест нашёл своё отражение в главе XLIII Книги Мёртвых, которая, судя по её названию, специально предупреждает, что «нельзя отрубать голову человеку, ушедшему в царство мёртвых».

Текст этой удивительной главы представлял для Андрея огромный интерес. Он гласил: «Я, Величайший, сын Величайшего; Я, Огонь, сын Огня, который получил свою голову назад после того, как она была отрублена. Голова Озириса не была унесена от него, так да не будет и голова … (здесь стоит имя усопшего, которого также зовут Озирис) унесена от него. Я вновь собрал себя по частям; Я сделал себя здоровым и невредимым; Я вернул себе молодость; Я Озирис, Владыка Вечности».

Древнейший папирус с текстами Книги Мёртвых, известный на сегодняшний день, — это папирус, который был написан Ну, сыном «Хранителя дома Хранителя печати Аменхотепа (Amenhetep) и хозяйки дома Сенсенеб (Senseneb)»; этот чрезвычайно

ценный документ датируется, самое позднее, началом эпохи XVIII династии. В нём приводятся две версии 64 главы, одна из которых несколько длиннее другой, и каждая версия снабжена пояснением, которое указывает дату написания текста. В пояснении к более короткой версии говорится, что «Глава была найдена в фундаменте усыпальницы Хенну (Hennu) главным каменщиком во времена правления Его Величества царя Юга и Севера Семти» (или Хесепти), а пояснение к более длинной версии гласит, что она «была найдена в городе Кхеменну (Гермополис, город Тота) на железной плите, привезённой с юга, которая была инкрустирована буквами из настоящего лазурита, под ногами бога (т.е. Тота) во времена правления Его Величества царя Юга и Севера Мен-кау-Ра (Men-kau-Ra), т. е. Мисеринуса, сыном царя Херу-та-тафом (Heru-ta-ta-f)».

Историки немного путают эти два утверждения, одно из которых относит «обнаружение» Главы к эпохе первой династии, а второе — к временам IV династии.

Обычай танцевать у трона бога появился сразу.

— Слав! Они танцевали!

— И что?

— Так, ничего… просто подумалось… Может, в танце и песне? Может ключ-то в звуке? В некотором ритуальном действии? А? Посуди сам!

Осириса можно наблюдать на священном месте, к которому ведёт короткий ряд ступеней; перед ним изображена фигура царя, который танцует в присутствии бога, причём голова его увенчана короной или обеими коронами Юга и Севера.

Царь может держать предметы власти в виде символов, иероглифов или простых посоха или трости.

Именно поэтому позднее Озириса стали называть «Богом на вершине лестницы».

Царь Усертсен, например, танцевал перед богом Амсу (Amsu) или Мину (Minu), Сети I танцевал перед Секхетом, а упоминание в тексте Пепи I о царе, танцующем, подобно карлику, перед богом, т. е. Озирисом, доказывает, что эта традиция была распространена в Египте ещё в раннюю династическую эпоху; о том же, что сфера распространения этой традиции не ограни-

чивалась Египтом, ясно свидетельствует отрывок из Библии, в котором Давид танцует перед ковчегом Господа.

Фигура Озириса, сидящего в своем святилище на вершине небольшой лестницы, является самым ранним из имеющихся изображений этого бога.

* * *

К XXII династии уровень понимания глобального смысла Книги Мёртвых резко упал. Художники просто копировали куски текста, не понимая, что там написано.

Тексты стали отрывочны и неполны, и зачастую абсолютно никак не связаны с сопровождающими их виньетками. А сама традиция изготовления копий Книги Мёртвых была предана забвению; наступил даже такой момент, когда примерно в 700 году до н.э. переписывание книги было полностью прекращено.

Особый интерес среди работ, популярных в эпоху Птолемеев, греко-римский период и, вероятно, более поздние века вызвала у Андрея «Шаи ен Сенсен» или «Книга Дыхания». В этом сочинении можно наблюдать идеи и верования, основанные на содержании Книги Мёртвых, которые показывают представления людей относительно бессмертия и счастья души усопшего и его мёртвого тела.

Считалось, что вся Книга Мёртвых, просуществовавшая в веках 5 тысяч лет, в целом была написана богом Тотом, писцом богов, и, следовательно, имела божественное происхождение; в момент Творения именно Тот давал указания, которые затем выполнялись Птахом и Кхнему, и именно Тот был защитником и помощником бога Озириса, а, значит, каждого верующего в Озириса, так что роль автора Книги Мёртвых прекрасно ему подходит. Эта точка зрения просуществовала вплоть до самого позднего периода, поскольку в Книге Дыхания в обращении к усопшему говорится: «Тот, могущественнейший из богов, Владыка Кхеменну (Гермополиса) приходит к тебе и своею собственной рукой пишет для тебя Книгу Дыхания».

— Я понял, — воскликнул Славка однажды, — ТЫ ПИШЕШЬ НОВУЮ КНИГУ ДЫХАНИЯ!

А Андрей весело это подтвердил:

— Зацени, если сочетать текст, ритм и пение, как может прикольно получится!

И Андрей запел, пританцовывая, строки из надгробной надписи усопшего царя Тутмеса III: «Я буду жить, буду жить. Я буду расти, буду расти, буду расти. Я проснусь в покое; меня не тронет гниль; мои внутренности не погибнут; и в теле моём не будет изъянов; глаза мои не ослепнут, черты лица не обезобразятся; уши мои не оглохнут; голова моя не будет отделена от шеи; язык мой не вырвут; волосы мои не отрежут; брови мои не обреют…

— Брови не обреют?

— Вот именно! Не мешай! ...«Я не пострадаю от смертельных ран; тело не будет восстановлено, оно не обратится в прах и не будет уничтожено на этой земле».

* * *

— Ну-ка, забей в базу, я что-то новенькое нашёл, — подчинялся Светослав общей идее, — если сердце-совесть умершего не вызывало никаких нареканий, провозглашалось «Маа Кхеру», точный перевод: «тот, чьё слово истинно и верно». Маа Кхеру становился равным богам, и пред ним открывались все двери загробного царства!

— Нет! Не работает! — отмахивался Андрей от друга снова и снова.

Светославу казалось, что тот потихоньку сходит с ума, потому что Андрей заводился на надгробные тексты и пытался их, пританцовывая, напевать словами «Книги Мёртвых». Например, это ярко было выражено в обращении к умершему Пепи I: «Так войди же в зёленые воды озера Кха и наполни водой поля Аару, пусть Пепи отправится в плавание в восточную половину неба к тому месту, где рождаются боги, где Пепи должен быть рождён, как Херу Кхути, ибо Пепи есть Маа Кхеру, и сам Пепи, и его ка приветствуют богов. И они зовут Пепи и приводят ему четырёх богов, которые пробираются сквозь волосы Гора и стоят со скипетрами в восточной половине неба; и они объявляют Ра великолепное имя Пепи, восхваляют великолепное имя Пепи перед Нехебкау, ибо Пепи есть Маа Кхеру, и Пепи приветствует, и его ка приветствует богов. Сестра Пепи — Сотис, а птица

Пепи — утренняя звезда, и вот он живёт под сенью небес перед Ра. Пепи есть Маа Кхеру»…

— Блин! Дурак! Совсем сбрендил, — шутливо бил по плечам друга Светослав.

— А «Боги рождаются на Востоке»! Как тебе эта надпись!?

— Ты не об этом думай. А о том, что есть рай. Ибо рай и есть воскрешение. То есть твоя облачная система! А у египтян она называлась «Секхет-Аару», «Секхет-хетепет», «Поля покоя» или «Поля тростника»! Забивай!

— Ни то, ни другое, ни третье не подходит…

Глава 43. Код бальзамирования

Поиски завели исследователей в хранилища разнообразных мумий. Собственно, их в Египте было столь много, что забальзамированные и обмотанные бинтами покойники украшали самые известные музеи мира от Лондона до Москвы!

— Египетские мумии — характерная особенность данного региона планеты в то самое пятитысячелетие, пока «работала» Книга Мёртвых! — заключил Славка.

При бальзамировании в теле оставлялось только сердце. Остальные органы изымались. Поэтому при погребении рядом с саркофагом ставилась торбочка с четырьмя вазонами-канопами с крышками для хранения внутренних органов усопшего. Резчики и скульпторы могли показать своё мастерство в изготовлении этих приспособлений. Крышечки сооружались в виде голов разных богов. У фараона Тутанхамона на канопах — его изображение.

— Такие саркофаги найдены, кстати, не только в Египте!

— Хранение… хранение… хранение… для чего, — бурчал под нос Андрей в ответ.

— Помнишь, — мгновенно включался Светослав, — в 2022 году все газеты печатали, что под знаменитым Нотр Дам де Пари (Наша Дама в Париже) почти под алтарём было найдено два свинцовых саркофага с забальзамированными телами двух людей. Одним из них оказался известный каноник. А второй —

неизвестный и весьма загадочный 30-летний, возможно, король. По предположению, наездник 14 века... Сам храм, как известно, этрусский, доставшийся римлянам, а от них уже французам.

— Кстати. Нашумевший ледяной гроб Алтайской принцессы Укок вообще потрясный! Ты видел? Я видел! Даже мумия прекрасно сохранилась! — Андрей пожал плечами, — КАК?

Оба тем временем разглядывали саркофаги.

— Такие же, но только каменные, саркофаги были найдены на раскопках в храме Боголюбово, которые якобы построил Андрей Боголюбский. — делился знаниями Светослав. — Они так глубоко уходят фундаментами в землю, что по определению имеют как минимум более трёх тысяч лет!

— Ты видишь? Подобным способом бальзамировали и кошек.

— Да тут целые кошачьи кладбища! Смотри!

— Ага. И всё это, пока… пока не пришли французы и не вывезли мумии бедолаг удобрением на французские поля!

Обоим понравились также изображения специальных мужчин-плакальщиков, одетых в треугольные передники жрецов наравне с женщинами-плакальщицами. Они отпевали умершего, читая «отрицательную молитву».

Андрей прямо в музее бальзамирования, наслаждаясь поэтикой перевода на мобильном телефоне, снова стал приплясывать и припевать:

«Я не чинил зла людям,
Я не нанёс ущерба скоту,
Я не совершил греха в месте истины,
Я не творил дурного,
Я не кощунствовал,
Я не поднимал руку на слабого,
Я не делал мерзкого перед богами,
Я не был причиной слёз,
Я не убивал,
Я не приказывал убивать,
Я никому не причинял страдания,
Я не истощал припасы в храмах,
Я не портил хлебы богов,

Я не портил хлебы умерших,
Я не сквернословил,
Я не отнимал молока от уст детей,
Я не останавливал воду в пору её,
Я не гасил жертвенного огня в час его,
Я не чинил препятствий богу в час выхода его,
Я чист, я чист, я чист!»…

Тут уж Светослав не выдержал. Набрал знакомый номер Юрика, включил камеру:

— Смотри! Андрей с ума сходит!

— Это над ним властвует Венерианская цивилизация, не мешай ему предаваться родственным танцам, — ехидничал ЮрВедыч.

О встрече с Заком он никому не докладывал.

* * *

Казалось, уж пересмотрели все разнообразия гробов!

Практически каждый саркофаг представлял собой микрокосмос, где днище — земля, четыре боковые стенки — стороны света, а крышка — небо. Либо с изображением звёзд, либо крыльев Маат или скарабея. Либо богини Нут — неба.

— Тройка. Ещё тройка. И ещё тройка. Как тебе? — обращался к другу Андрей.

— А… никак! Надоело до чёртиков!

— Не богохульствуй!

— Всё равно надоело!

— Нет! Ты не понял! Все эти тройственные силы — на самом деле возвращение в общую космическую базу данных!

— В первоисточник неба? К богине Матери неба Нут, чтобы та обеспечила ему вечную жизнь среди звёзд?

— Вот, смотри, знаки. На груди — усех, ожерелье богов и царей. На застёжках — головы богов, в том числе сокола или скарабея и т. д. Над ним — богиня Нехзбет в виде самки грифа с кольцами шен. Два глаза уджат. Тот, Анубис и четыре сына Гора должны были охранять канопы с его внутренними органами. Надписи на крышке горизонтально, вертикально и наискось имитировали бинты мумии и обращены к разным богам,

например, к Ра… — и Андрей снова запел, — «Жив Ра, мертва черепаха…», или к Исиде: «Спустись, мать Исида, защити бинты от противника моего…»

— Пойдём отсюда! Мне уже перед людьми неудобно! — взмолился социолог. — Ну, сколько же можно?

— Столько, сколько нужно! — огрызнулся аналитик.

* * *

Однако учёные во всех проявлениях древней цивилизации, найденной на месте настоящего Египта, наблюдали целый народ, выполняющий определённые ритуальные действия. Народ, непонятно как получивший сей престранный обычай и по понятным причинам при смене религиозной ориентации страны от них отказавшийся. Откуда взялась эта экспансия? Что произошло с древними собирателями бананов и ловцами рыбы? Как они приобрели свойство заворачивать ленточками умерших и готовить для последующего воскрешения? Зачем?

Глава 44. Загадки каменных компьютеров Саккары

Середина лета. В Египте властвовала жара.

От неё спастись можно было и в приятных номерах гостиниц, и на море.

Наши исследователи предпочитали поездки в комфортабельных туристических автобусах, снабжённых кондиционерами.

— Сегодня египтяне претендуют ещё на одно чудо Света кроме пирамиды Хеопса, — на каком-то этапе предложил Андрею Светослав. — Это непонятные каменные саркофаги в Саккаре, названные Серапеумом, потому что один из археологов выдвинул гипотезу, что в данных чёрных ящиках хоронили быков. Однако никаких быков там не нашли. А обнаружили лишь собственное удивление!

Вход в так называемый Серапеум охраняли сфинксы, о которых писал ещё Страбон. Сфинксов, понятное дело, украли ещё французские завоеватели, и сейчас те самые сфинксы выставлены в Парижском Лувре.

В 1851 году французский египтолог Огюст Мариет получил задание Лувра насытить сей достопочтенный музей египетскими папирусами или там какими-нибудь коптскими манускриптами и отправился в Саккару. В поисках сенсационных находок сначала он нашёл несколько статуй, в том числе и каменного быка, к северу от ступенчатой пирамиды.

— Ну и что?

— А то! Бык, якобы, имел все признаки Священного быка Аписа.

— Описанного Геродотом?

— А что, у Геродота тоже об этом есть?

— Сейчас погляжу, где-то я там читал, — откликнулся Андрей.

— Дело в том, что древние египтяне поклонялись среди других священных животных, птиц и рептилий также быку Апису. Его часто изображали с солнечным диском на лбу посреди рогов, — продолжал тем временем Светослав.

— А, вот, нашёл! — ответил Андрей. — Геродот насчитал 29 священных животных, которых выбирали по особым отметинам. «Только жрецы знали, какой из быков является священным». Бык должен был родиться чёрным с белым треугольником на лбу, а также иметь пятно на шее, похожее на сокола Ра, и пятно на боку в форме серпа луны.

— Геродот свидетельствовал, что, если выбранный такой бык умирал, его тело бальзамировали и хоронили по особому ритуалу на равных условиях с фараоном. Латинская версия слова «Серапеум» произошла от греческого «Серапион». Мёртвый божественный Апис в оригинале называется Осараписом. Имя, возможно, связано с именем Осириса. Пробиваешь имя?

— Не подходит, — ответил Андрей. — Может, не поедем?

— Ещё как поедем! Тут кое-что не бьётся! Понятное дело, что первого же найденного каменного быка мсье Мариет отправил в Лувр. Но этим дело не кончилось.

— Что, там было ещё что-то?

— Ага! Он начал искать и копать рядом. И наткнулся на совершенно непонятное помещение под землёй! Длинная просторная внушительная галерея была укреплена идеально-каменными арками, пол ровный также выложен камнем. В этом

подземном ходу по правую и левую сторону Мариет обнаружил ниши, где хранились гигантские чёрные прямоугольные ящики с крышками. Чёрный базальт был настолько идеально обработан, что зеркально посверкивал в темноте! Хочешь взглянуть?

— Заинтриговал! Поехали!

И вот друзья в Саккаре.

— Ну! — торжествующе восклицал Светослав, точно сам выточил только что эти ящики, — На что же это похоже?

— На что угодно, кроме человеческого гроба! Кроме того, на этих непонятного назначения предметах нет надписей! — рассуждал вслух Андрей.

Чтобы отворить шкатулочки из базальта, горе-археологам приходилось применять, судя по всему, динамит или какие-то другие устройства. Варварские методы можно было повсюду наблюдать в этой галерее.

Древние мастабы, захоронения в виде усечённых каменных пирамид, являлись действительно сенсационной находкой.

— Прикинь, — торжествовал Славка, безуспешно пытаясь хоть что-то прокарябать на базальтовой плите, — Мариет заявил, что это и есть саркофаги для Аписов!

— Вот зараза! — усмехнулся Андрей.

— А правительство тогдашнего Египта обрадовалось, что находку хоть как-то можно было объяснить, и, так как и само являлось глубоко религиозным, воздало честь и хвалу изыскателю! Вице-король Саид-паша предложил Огюсту Мариету руководить вообще всеми египетскими раскопками и соответствующую должность Директора общества «Античность Египта». Апогеем работ Мариета стало создание им Египетского музея в Каире. Кстати, он и похоронен в саду при музее! Ни много, ни мало! Вот такая оказана честь.

Группа, с которой следовали друзья, прошла далее и уже покинула мрачные коридоры. А Светослав и Андрей усиленно продолжили искать следы Аписов.

Но поиски оказались тщетными.

Все до единой камеры оказались пусты! Не было там никаких статуй! Не оказалось также и намёка на хранение мумий быков! И никаких надписей на отполированных до блеска базальтовых

шкатулках тоже не было! За исключением двух. Они были так фальшиво и наскоро процарапаны не то гвоздём, не то булавкой… что стало стыдно за Мариета, ловко убедившего доверчивых египтян, а за ними и всю археологическую науку, что это Серапеум.

— Помилуйте! — невольно воскликнул Андрей, — Имея такие технологии для изготовления базальтового шестиметрового «гробика для быка», в котором поместятся останки двадцати туш, не меньше, даже не верится, что мастер от руки выскреб потом на нём имя быка в картуше!

— И прочие, — ухмыльнулся Светослав, — далёкие от идеала и обычного изящества, принятого египетской древней традицией, рисуночки…

Даже как-то неловко стало обоим от всего увиденного.

— Ну, допустим. Допустим, это не саркофаги, — не унимался Славка, — а что?

— Может, — предположил Андрей, — подземные базальтовые камеры хранения? От чего? Для чего? Зачем? Нет, с точки зрения компьютерных технологий эти штуки могли бы, к примеру, охлаждать некие…

— Но тогда же не было гигантских серверов!

— А если были? Где бы они охлаждались при таком пекле? Либо в пирамидах, либо под землёй, что весьма логично!

Глава 45. Поющие колоссы Мемнона

Светослав Петрович не переставал удивляться другу: теперь повсюду, куда бы тот ни зашёл, во всём он видел танец и музыку, чего раньше за ним не замечалось. Даже в загадках, что в Фивах, напротив Луксора!

Некие знаменитые поющие статуи влекли его почему-то более всего.

— Так. Забивай. Мемнон!

— При чём тут Мемнон? — смеялся Андрей. — Колоссы Мемнона вообще-то к самому Мемнону никакого отношения не имеют. А как-раз-таки — ко всему, что связано с музыкой сфер. И более напоминают следы Хатхор.

— Почему?

— Да потому, что именно она родительница музыки в Египте. Автор, судя по всему, всех музыкальных инструментов от простых трещоток, с которыми везде изображена, до сложных арф и флейт. Посмотри! Кругом продаются её изображения с бубенцами.

А чтобы играть на таких высокоорганизованных и сложных многострунных конструкциях, надо знать законы сочетания звуков.

Тут Андрей вообще удивил Славку. Оказывается, изобретатель в детстве посещал и танцы, и музыкальную школу. Он продолжал мысль:

— Проще говоря, есть приятные созвучия — консонансы. Чтобы их получить, надо правильно настроить ряд струн с помощью монохорда. Это такая одна струна, натянутая на инструменте и выдающая определённую ноту. Наиболее гармоничное звучание получается, когда звучат два монохорда: один с полностью открытой струной и второй с зажатой струной посередине. Это — октава. Созвучным также считается соотношение два к трём, это квинта. И три к четырём — кварта.

— Ты это откуда знаешь?

— Это знают все, кто учился в музыкальной школе!

— А-а-а, понятно!

— Музыка сфер основана, как и архитектура, на законе Золотого сечения. Если закон созвучий нарушен, как в современной рок-музыке или рэп- или поп-, происходит диссонанс «тамбуламбу»…

— Убивание души богини Хатхор?

— Или так. Так вот. Колоссы Мемнона были широко известны в античные времена. Ибо на рассвете одна из фигур издавала семь нот. Греческие музыканты даже совершали к ним паломничества!

В Римскую эпоху речь шла уже об одной конкретной ноте «фа». В 199 г., после реставрации при императоре Септимии Севере, северный колосс, издававший этот звук, замолчал навсегда.

Друзья не могли не воспользоваться случаем пройти по следам греческих музыкантов и совершить паломничество к колоссам Мемнона. Заказав такси, они до восхода солнца были уже на месте.

Не надо было быть особо догадливым, чтобы убедиться, в какую сторону были обращены лица каменных гигантов: конечно же, на Восток, в сторону восходящего солнца Бога Ра.

От поминального храма Аменхотепа III комплекса Карнака, рядом с которым и находятся эти статуи, осталось только небольшое количество обломков.

Местность, где располагался доисторический храм, теперь назывался «Ком эль-Хеттан».

Андрей так же, как и остальные названия, вбил имя. Оно не подошло.

Храм, полностью окружённый стеною, также был обращён к востоку, где, соответственно, протекал Нил. Комплекс был разделён кирпичными пилонами на четыре двора, а само здание храма находилось в его южной части. Первый пилон сторожили две статуи Аменхотепа III (Колоссы Мемнона). От третьего пилона к четвёртому вела аллея сфинксов, за которой путников встречал бы обширный солнечный двор, окружённый несколькими рядами папирусообразных колонн высотой в четырнадцать метров, если бы время не надругалось над искусством архитекторов. На западе и востоке между колоннами первого ряда стояли статуи царя, высеченные из кварцита и гранита. В южной части двора была найдена и восстановлена стела с изображениями фараона и царицы Тии, и надписями, повествующими о достижениях Аменхотепа.

Ни одно имя не подходило Андрею.

С севера и юга к храму примыкали святилища Амона-Ра и Птаха-Сокара-Осириса. Внутри храмовой стены были найдены следы хозяйских построек, садов и озера. У храма был неглубокий фундамент, и, по всей видимости, он был разрушен землетрясением в правление Мернептаха.

Археологами здесь было найдено большое количество статуй и стел: статуи богини Сехмет, сфинксы с телами крокодилов, сфинксы с головами Анубиса и статуи гиппопотамов.

— Ты знаешь, два сфинкса отсюда перевезли в Санкт-Петербург и установили на набережной Невы!

— Да. Я в курсе. Находки из этих мест послужили бесценными экспонатами музеев.

Но самое ценное украсть так и не смогли. Это загадка поющего камня. На планете лишь в нескольких местах обнаружены подобные поющие статуи, в том числе в Сибири.

— Как же работает это устройство? По принципу органа?

— Нет.

— По закону движения свежих утренних воздушных масс?

— Да. Однако установить точную физическую картину звукообразования никому ещё не удалось.

Часы показали пять часов утра. Исследователи прислушались. Тихо-тихо одна из статуй действительно запела. Розовые потоки воздуха, исходящие от кружения воздушных масс, вызванных повышением температуры от приближающегося Солнца, создали нежное и приятное звучание.

Андрей завёл непонятный танец под эту музыку.

Водитель такси удивлённо на него посматривал из-за стекла.

* * *

— Имена колоссы получили вообще случайно. Царь Эфиопии Мемнон был героем Троянской войны, и, в конечном счёте, был убит Ахиллом. Имя «Мемнон» означает «Правитель утренней зари».

— Отстань!

— Хотя, если бы имя статуи зависело от древних египтян, они наверняка дали бы название звучащему колоссу «Утреннее солнце» или «ХепРа» по названию легендарного египетского жука скарабея, изображённого здесь на многих могильниках и саркофагах.

— Отстань!

Глава 46. Финист в программировании египетской слогописи

Весёлая богиня Хатхор преследовала путешественников повсюду, точно подзывала и приманивала к себе.

Андрею не давала покоя её загадочная улыбка. Но более того символы инструментов, которыми она пользовалась на различных изображениях. Что это за предметы? Почему их очертания

так точны? Так стилизованы? Так подогнаны под общую систему, что не могли из неё выйти пять тысяч лет?!

Светослав с интересом наблюдал за изменениями характера товарища, с которым они вместе попали в Египет.

Однажды Андрей очень рано проснулся, вскочил и вместо приветствия с добрым утром, произнёс:

— Светослав Петрович Большаков!

— Очень приятно, — отозвался из соседней комнаты номера Славка, — с кем имею честь разговаривать?

— Андрей Геннадьевич Дмитриев!

— И? — не понимал, к чему клонит друг, просыпающийся товарищ.

— Ничего в голову не приходит?

— Нет. Только кофе очень хочется.

— А ты подумай!

— Да иди ты… разбудил в такую рань… ребусы всякие загадывает… У меня без кофе котелок не варит!

— А-а-а! Думай, голова два уха! Что я сейчас назвал?

— ФИО.

— Вот именно! Вот именно! Вот именно!

Славка хлопал глазами:

— Ну и что?

— Ну и то! — терял терпение Андрей. — А в цифрах это звучит так: Та-Та-Та — Ти-Ти-Ти — Та-Та-Та!

— И? Три вертикальные, три горизонтальные и снова три вертикальные…

— Уф! — выдохнул Андрей.

— Я ничего не понимаю!

— Три, три и три — это что?

— Три, три и три — будет дырка! — разозлился друг.

— Нет. Будет код! Только этот код состоит из А — имени, Б — фамилии, В — отчества. Это ФИО! Три поколения в одном! Практически вектор родословной!

— ФИО Бога?

— Да. Вроде как Финист Ясный Сокол.

— Так может, мы не там ищем?

— Может, и не там. А может, и там!

— Я кроме сказки о Финисте вообще ничего не знаю. Но, похоже, изображения сокола… что нам тут на каждом шагу попадаются… точно их кто-то специально подкидывает… может, в них и дело?

— Да! — утвердительно плюхнулся в кресло с разбегу Андрей. — Я тоже так думаю. Ведь чертоги Финиста были далеко от России. И кто это вообще, давно все забыли. Но, похоже, это кто-то из родовых местных богов. И, может быть, его истинное имя — одна из частей того имени, что мы ищем!

— Может, наш Финист и есть их Ра?

— Может, и Ра. А может, и не Ра. Всё. Не мешай. Иди! В ресторан! На море! Иди к чёрту на рога! Я должен поработать… залезу в интернет, поищу кое-что…

В этот день Светослав сразу после завтрака пошёл в одиночестве на пляж. Думать. Поэтому даже не обиделся, что его выгнали из номера, как помойного кота!

А его друг остался у ноутбука, набивая в строку браузера всё новые и новые задания.

Чертоги Бога Света, где они? — думал Андрей. — Может, Египет и впрямь те самые чертоги того самого Финиста Ясна Сокола?

Велесова книга лишь косвенно давала упоминания о сказочном Финисте.

Следы его золотых крыл искал в Египте Андрей?

Его отбрасывало в нормальную жизнь звонками из Москвы, на которые вынужден был отвечать. И снова затягивало в историю Египта.

Его отвлекали горничные, стучащие в дверь. И снова отбрасывало в ушедшие пласты времён.

Его волновало будущее и хотелось поработать над составлением новых деталей программ, но глубины исторические манили опять.

Андрей чувствовал себя тем самым человечком в том самом эфесе, что нарисовал Славка.

С улыбкой он мог давать выбор пользователям согласно предпочтениям, на Западе или Востоке размещать информацию. Или на других материках!

Раньше он обеспечивал работу сети около тысяч квартир. Сейчас, объединившись серверами, число пользователей достигало под пятьдесят тысяч.

А потом? Миллионы?

Ему нравилось полностью погружаться в работу. Например, занимаясь софтом, добавлять новые и новые функции.

Нет. Он не прыгал от радости. Но внутренне испытывал приятное удовлетворение.

Новые времена затребовали такой продукт, который способен объединить в систему малейшие детали общей информации.

Принцип закулисных кукловодов, которые рулят глобальными процессами, оставаясь в тени мира сего — «Кто владеет информацией, тот правит миром», больше не будет работать!

Цель Андрея имела нравственное качество рыцаря без страха и упрёка! Чуть ли не короля Артура! В задачи системы входили не столько хранение, собственно, информации, сколько глобальное планетарное описание времени в деталях. Ради общей достоверности.

К примеру, человек со смартфона заснял некое событие. Загрузил в облако. Другой заснял. Третий. Тысячный. Сто тысячный…

И данные первого подтвердились множеством других независимых источников.

Вот тебе и закон, озвученный Дюма: «Один за всех и все за одного»! Вот и планетарная миссия. Где человек человеку друг, товарищ и брат вне зависимости от цвета кожи, сексуального предпочтения и вероисповедания.

Вот тебе и принцип коммунизма: от каждого по способностям, каждому по потребностям в плане информации!

Ведь это не он выдумал! Это система так устроена! Каждый мобильник или компьютер обладает функцией как временного датчика, так и геометки!

Допустим, некий преступник вышел из одного здания, перешёл под камеру другого — чётко все зафиксировано. От меток не уйти.

Допустим, это не преступник, а напрасно обвинённый гражданин. Всё то же самое. Правда, зафиксированная в чётких

данных, обличает непрофессиональных или подкупленных судебных экспертов. Обвинение может сниматься само собой!

Это касается и научных открытий. И художественных работ. И бизнес-компаний. Таким образом, весь процесс обретает тот самый Щит ЭГИДЫ! И тот самый меч ТАМЕРЛАНА!

Ведь геометка и временная метка автоматически ставятся для хранения информации.

Это позволяет сохранять авторское право на всех уровнях: музыканты, художники, поэты приобретают особую юридическую защиту! Уже не надо будет выяснять, кто первый подал идею, открыл новый элемент и так далее.

Пользователи в разных точках помещают информацию. Она полетела по серверам…

… Раньше авторское право защищалось посылкой себе самому с почты. Потом преступники научились подделывать эти метки, проставляя на почте другие даты.

При такой системе хранения, что обдумывал Андрей, подделать дату загрузки и геометку невозможно.

Берегитесь, вруны всех времён и народов! Берегитесь, недобросовестные юристы и адвокаты, берегитесь, мошенники! Люди, ради собственной выгоды пытающиеся приказывать другим, что говорить и как думать! Ведь если кто-то и попытается изменить один снимок, как и данные, то останутся другие!

Его новую систему хранения практически обмануть будет невозможно!

Чем-то это всё напоминало криптовалюту, где не было единого центра. А значит, и точки давления не работали!

Всё это станет достоянием человечества!

Крупные компании и крупные власти, конечно, хотят, чтобы информация принадлежала им. Это сулит ещё больше власти и денег!

Но!

Очень скоро вся информация будет поровну поделена на всех. Как вино. И как хлеб. И «одною рыбой» будет сыт каждый…

Снова появился по законам цикличности некий Иван-дурак! Как в русских сказках, он пытался насытить мир с помощью скатерти-самобранки, что создавал теперь сам.

Детали были практически все сложены.

Оставалось вдохнуть в систему жизнь…

А подсказок — и впрямь чуть ли не на каждом шагу! Они — у аэропорта! Они — на денежных знаках. Они — символ Египта и Бога Гора. Они — взлёт будущей жизни Жука-Скарабея!

В древнем Египте тотем Бога Солнца Ра дразнил повсюду золотыми крыльями! Не последнюю роль играли птицы Матерь СВА или Сова. Священная Матерь Слава.

Оказывается, был бог НЕБЕСНОЙ ВОДЫ, с которым отождествлял себя каждый порядочный египтянин!

А вот с русским Финистом Ясным Соколом математику разобраться было гораздо сложней! Славянская мифология явно что-то недоговаривала.

Чтобы попасть в «поля покоя», для бога-сокола ГоРа на лодочку грузятся множественные подношения!

Так может, и поля покоя, и небесная вода — это и есть то самое облачное хранение, что создавалось только теперь? Может, его мечтали дождаться избранные древние богачи при помощи сохранения плоти?

Так. Стоп. Гор. Ра. Это значит, Гор Солнцевич. Гор — сын бога Ра. Ага! Может, это первые тройки — Та-Та-Та — Ти-Ти-Ти?

Может, «Ра» звучало, как «Ра-А»!? Звучит же по-японски Ворота Тори, за которыми находятся обычно синтоистские храмы, как ворота Тори-и!

Почему бы не предположить, что Гора — это Гор Ра?

Ну, допустим…

Между тем Андрей раскопал в интернете интересную надпись на одном из 153 саркофагов, найденных на западе Фив: «Умиротворение, даваемое Великой Исидой, хозяйкой запада, дочерью Ра перед святилищем. Умиротворение, даваемое великой Селкит, владычицей Абидоса перед дверями священной земли. Даёт она существование Ба этой, Осирису певице Амона Ра Иус-Анх Правогласной в качестве всех вещей, в том числе хлеба и пива. Созерцание Хепри Золотого Сокола, видение потаённых образов в двух Святилищах!»

Вообще с этим богом Ра Андрею тоже было не все ясно!! Ра это в России. Кстати, и в Индии. Ведь санскрит и русский сильно

похожи! А в Египте вообще-то он не Ра. «Солнце» звучит, как «Шамс»! Но никак не Ра!

Утренний Ра — это вообще Хепри (ХепРа — по-египетски это скарабей, тотем Ра). В зените оно было Гор- ХорРа (изображался как человек с головой сокола). А вечером он Атум — вечернее заходящее солнце (иногда изображался с головой барана). А рука Атума, так сказать, луч результата или луч вызревшего заката, — это дочь бога Ра Иусат!

На саркофагах изображена была частенько крылатая змея, имя которой Огонь.

Углубляясь в проблему, Андрей не переставлял удивляться тому, что народы Африки сплошь поклоняются лунным богам и Оку Гора — ХорРа!

И даже хлопнут себя по коленке:

— Чёрт! Солнце для них — совсем не добрый боженька! Солнце выжигает Африку, не щадя! Они там солнца вообще боятся! Ра для них — пришлый бог с севера и востока, либо прилетевший с неба!

По всему выходило, что, возрождаясь на Земле вновь, Душа забывает, для чего она повторно пришла в этот мир. Приходится вспоминать о предназначении, ориентируясь на подсказки судьбы. Но не всегда удаётся их правильно истолковать и вообще заметить.

У русских было тоже много названий солнца. Но вовсе не для того, чтобы запутать, а наоборот, чтобы понять.

Солнечный Сокол, Ясный Сокол, Финист Ясный Сокол, Рарог — отсюда Рерих и Рюрик, древний обрядовый код Руси Великой. Ра-река Волга. Любимая птица Русов, Финист Ясный Сокол, по нашим мифам родился от Солнца ударом Молнии среди ясного неба. Жар-птицы — его подчинённые божества….

— Уф!

Немалую роль играет некое перо. Благодаря серенькому пёрышку Фиониста Ясна Сокола Настенька находит свою судьбу в русской сказке. Ершов делает Золотое перо Жар-Птицы символом героического поиска истины и счастья.

Стоп, мысль!

Перо — это и есть будущая кодировка.

А в сказке она представлена символом!

Ага. Поехали дальше!

Неспроста сюжет дублируется из сказки в сказку.

Думай, Андрей! Думай!

Человеку дается некое благо. В данном случае — великая любовь. Су-женый или Су-женая захватывается злыми силами из-за ошибки, вольной или невольной оплошности. Может быть, это смерть? Или потеря данных некоего компьютера?

И далее всю остальную сказку Иван или Настенька совершают подвиги, изнашивают каменные сапоги, изгладывают каменные хлеба, бьются с Драконом или побеждают злую невесту, напустившую чары на мужа, получают от добрых сил то ключи-отмычки, то сапоги-скороходы, то клубочек, то блюдечко с золотым яблочком… чтобы вернуть даром данное и за миг утраченное!

Ха!

Прямо-таки как они со Славкой и ЮрВедычем в поисках Имени Бога!

Что же это, даром данное? Наша жизнь? Шанс ещё раз не совершить ошибку прошлых воплощений? Или, может быть, вся великая история человечества? Глобальная история?

Почему же сюжет так часто повторяет нам эту мысль? Может, мы рождаемся вновь и вновь, забывая всё, что совершали в прошлой жизни? Может, все наши испытания — это путь к Финисту, как к любви? Путь к Свету? Ведь там, в его чертогах — тоже несправедливость, которую восстановить можем только мы!

Историю защитить можем только мы! Профессионализм защитить. Правду.

И!

Не забыть навсегда прошлые воплощения, а оставить их…

Да!

Именно так!

Андрей аж задохнулся от волнения!

Разрушить чары поможет нам только перо! Лебединое перо, что окажется тяжелее совести, как со-вести сердца «аб»! Оно скромное и невзрачное. Это — наша жизнь. Но оно имеет магическую силу. Главное в этом во всём — память. Память о том, что

нам зачем-то ни богатства, ни золота не надо. Только пёрышко Финиста Ясна Сокола.

«Разверните мне ладони! — сказал Наполеон перед смертью. — Пусть мир, который я завоевал, видит, что я ничего не беру с собой!»

Так что же это за символ — перо?

На вопрос: «зачем живёт человек?» Тибетская Книга Мёртвых отвечает: «чтобы научиться любить и собирать знания». Может, в этом весь смысл. Перо из прически Великой богини Маат — это и есть любовь и знания.

А может, база данных? Код ДНК?

Пёрышко Финиста Ясна Сокола.

Нашими предками сама Вечность — великая богиня Макошь (в Египте она схожа с Маат) изображалась с Солнцем в одной руке и с Финистом Ясным Соколом в другой.

Проведём параллель.

Вечность в египетской мифологии — мудрая богиня Маат. Из её очелья достаётся некое перо, чтобы уравновесить сердце (совесть). Если совесть умершего тяжелее пера, он отдаётся в пасть чудовища, если же легче, направляется в некий рай.

На острове Крит скульптурные соколы охраняли трон верховного бога Зевса.

Сокол…сокол…сокол… думай. Андрей!

Исследователь снова открыл книгу Геродота.

Древний историк писал ещё об одной птице с созвучным названием «феникс»: «…он редко прилетает в Египет: в Гелиополе говорят, что только раз в 500 лет. Прилетает же феникс только, когда умирает его отец… Его оперение частично золотистое, а отчасти красное. Видом и величиной он более всего похож на орла…. Сначала приготовляет из смирны большое яйцо, какое только может унести, а потом пробует его поднять. После такой пробы феникс пробивает яйцо и кладёт туда тело отца. Затем опять заклеивает смирной пробитое место в яйце, куда положил тело отца. Яйцо с телом отца становится теперь таким же тяжёлым, как и прежде. Тогда феникс несёт яйцо с собой в Египет, в храм Гелиоса».

Может, наш Финист Ясный Сокол — это Феникс?

Хотя… Сокол — смелая, азартная птица с острым зрением и молниеносной реакцией. Финист — вовсе не плачущий об утерянном отце Феникс! Неспроста на Руси лучших лётчиков называют соколами, зоркий глаз — соколиным, бойкого подростка — соколиком.

Изображение солнца у египтян неотделимо от сокола. Может быть, эти тотемы — перевоплощения с одного животного вида в другой? То ты сокол, то человек…. Ударился оземь, перекувыркнулся через голову и поскакал серым волком!

Может, то связь с потусторонним миром? С небом? Звёздами? Способностью биться с монстрами?

А может… связь с космической базой данных, называемой БЕЗДНОЙ?

Нет!

Андрей оторвался от книги и лихорадочно заходил по комнате.

Всё-таки более всего в Египте на Финиста похож Гор. Георгий Победоносец ведь тоже побеждает мифического Змея Горыныча Чуду-Юду. В разных странах Егорий, он же Юрий, он же Гор убивает в Брюсселе чудовище-человека с львиной мордой, в Египте — змея с крокодильей головой; в России до сих пор этот символ на флагах…

А вот на старых иконах рядом с Георгием Победоносцем идёт некая дева, которая ведёт на верёвочке выдрессированного Змея-Горыныча.

Тут важно учитывать, что само слово «сказка» ещё триста лет назад не являлось выдумкой или мифом. Сказки — донесения или отчёты ежедневно пишет в бортовом журнале тот же Беринг! Но одно дело — миф. А другое дело — отчёт. Донесение. Одно дело — фабула. Другое дело — сюжет!

Сказка о Финисте — это, безо всякого сомнения, некий весьма важный сюжет, как зашифрованное великими криптографами прошлого донесение нам, многочисленным потомкам.

Любовь великого Света и Солнцеподобного Бога достаётся суженой, которая теряет его в прошлом, идёт сквозь настоящее к будущему. Что же для нас прошлое?

Это Та-Та-Та — Ти-Ти-Ти — Та-Та-Та! Словосочетания: «Прошёл Уже Я».

Настоящее… те же три тройки — «На (чём) Стою Ещё (Я)».

Будущее — «Буду Ещё Я»!...

Думай, Андрей! Думай!

Свойство богов обращаться в магических животных или птиц путешествует не только из сказки в сказку в России. Биовульф известен в Германии. Минотавр в Греции. Боги с головами животных и птиц — в Египте….

А что там с Кастанедой?

Компьютер быстро выдал рецепт оборотня…

Карлос Кастанеда так описывал опыт Дона Хуана по обращению человека в животное или птицу: «Я научился становиться вороной, потому что эти птицы наиболее эффективны из всех… Она может безопасно проникать в любое место, не привлекая внимания. С другой стороны, можно стать львом или медведем, но это довольно опасно. Такие существа слишком велики, слишком много требуется энергии, чтобы превратиться в такого. Можно также стать ящерицей или тараканом, или даже муравьём, но это ещё более опасно, поскольку крупные животные охотятся за мелкими».

О! Да тут шли в ход некие «Травы Дьявола». И Карлос Кастанеда много критиковался прессой разных стран за рекламу наркотических средств.

Нет. Это неверный путь поиска!

Крылья вороны совершенно не похожи на крылья Жар-Птицы. Крылатые боги лишь слегка напоминают птиц. Безусловно, и в мифах, и в сказках есть что-то общее. Но есть и разница.

Славянская традиция сказки не допускает безнравственности и несправедливости. В высшей степени философские наши предания — истинный божественный Свет. К ним стремимся.

Культ-ур-ра — культ-поклонение; ур-свет, ра-бог? Культура — поклонение свету бога Солнца?

Что же для нас Свет? — задавался вопросом Андрей снова и снова. Наша душа, как часть Бога, часть неубиваемой истины Вселенной?

Чертоги Финиста Ясна Сокола. Доброе слово, Мудрое слово, Верное слово, где ты?

О, где?

Слово, как пёрышко Финиста Ясна Сокола! То самое перо на чаше весов, что не перевесит наша совесть, где же, в каких каменных саркофагах ты упрятано?

Открываешь крышку саркофага. А там — пусто!

Так может быть, всё-таки жив Свет очей наших? Просто был и улетел. Может, мы этой жизнью наказаны за некоторую оплошность в прошлой? А сейчас нам надо непременно изглодать эти каменные хлеба и износить каменные сапоги в поисках истины? Или прощения? Во искупление? А может, просто собственный поиск любви и знаний…

…«Непрочитанные книги умеют мстить!»

…А непонятые символы заставляют снова и снова совершать те же ошибки, чтобы из жизни в жизнь повторять старый сюжет поиска!

Ну, вот же: цивилизация тебе предоставляет современные лайнеры. Лети в Египет! Именно там, на стенах — те самые непрочитанные книги! Смотри в собственный мобильник! Погугли! Найдёшь тысячи подсказок, как на блюдечке с яблочком!

Глава 47. Связь времён

В полдень градусник зашкаливал за пятьдесят градусов в тени! Египет погрузился в натуральное пекло. Африканская пустыня дышала жаром в лицо. И это была не геленджикская вожделенная «жарулька», когда с коктейльчиком поглядываешь на освежающие волны!

Волосы трещали! А кожа на открытых участках тела уже через полчаса грозила покрыться ожогами.

Осознав, что на солнце находиться стало крайне опасно, друзья вернулись с гостиничный номер.

— Рептоидов они тут выращивают, что ли? — ворчал Светослав, обливаясь потом.

— Каких рептоидов? — заинтересовался Андрей.

— Не знаю, у меня, кажется, тепловой удар.

— Дай, посмотрю, — Дмитриев решил проверить температуру тела друга, приложив руку ко лбу.

Лёгкий ток прошёл через пальцы. Обоих подбросило подземным толчком.

— Рептоиды?

— Землетрясение!

Стены гостиницы заходили ходуном. В ванной со стеклянной полочки попадали звучно в раковину зубные щётки.

А друзья, оба, абсолютно неосознанно назвав нужный звуковой код в нужном месте, попали в плен радужных кругов Бездны между мирами и временами. Энергетический кокон Каира распался на мириады светящихся точек.

Неизвестно для чего, венерианская цивилизация захотела отослать исследователей в недавнее прошлое Большакова, когда он сам искал Имя Бога. Тогда ему в этих поисках помогал ЮрВедыч, бесстрашно пересекая границы прошлого и будущего. Сейчас проводником по оставленным энергетическим следам являлся сам Светослав.

* * *

Кабинет Командора Зака казался мутновато-призрачным, потому что друзья наблюдали за ним из параллельного пространства. Сам Зак очень сосредоточенно выслушивал доклад исследовательской группы:

— Для выращивания рептоидов на Земле, в регионе Центрально-Европейской части, необходимо обеспечить нормальные условия развития зародыша. Для этого требуется в течение трёх месяцев поддерживать постоянную температуру не менее 36,6 градусов по Цельсию.

— 36,6 градусов? — приглушённо воскликнул где-то рядом совершенно знакомый голос.

…

Профессор Лебедев? ЮрВедыч! А рядом? Светик? Да! Пока ещё холостой Светослав Петрович!

Выяснилось, что друзья не единственные, кто следил за Командором Заком. Пространство оказалось многосферным. Внутри одной сферы располагался кабинет Зака. Вторая сфера

объединяла первую, а над ней — наблюдающих ЮрВедыча и Светика. В третьей сфере, невидимые для всех остальных, уже располагались Светослав и Андрей.

Андрей впервые видел сына в прошлом воплощении, чем-то неуловимо похожего на Юрку, бровями и манерой двигаться, это точно. Только более спокойного, уверенного и… с сединой.

Светослав уже разобрался с ситуацией. Он даже вспомнил этот эпизод. Это было зимой пять лет назад.

…И услышал собственный голос, почти не изменившийся, только слегка легкомысленный:

— Ну и что?

— Как это, что? Представляешь? В Москве температуру летом от 30 до 40 градусов, поддержанную искусственно?

— Да, классно!

— Что классно? Что классно? — нервничал профессор, — от жары гипертоники сдохнут. Трава станет белой! А пожары?

— Что пожары?

— Полетели, — без лишних эмоций скомандовал Лебедев.

Светослав помнил, что направятся сейчас они на полгода вперёд, в знойное лето, и с Андреем устремился за ними, позволив телепортационной воронке затянуть их в один с профессором пространственно-временной канал.

Все четверо мгновенно переместились в московскую жару …

Под гудение машин ЮрВедыч и Светик, а с ними неосязаемые Андрей и Светослав медленно катятся в затруднённом движении по МКАД в районе трёх башенок. Только жара мгновенно наполняет вдруг каждую клеточку организма. Пот, как в сауне, покрывает всё тело. Оно становится липким. Чужим. Противным. Хочется снять кожу. Сбросить, вылезти из неё ужом.

Видимость, как в тумане.

Градусник показывает плюс 38.

Звучало радио:

— Аномально жаркая и сухая погода установилась в Москве и области. Обычные для этого периода температуры с начала месяца были превышены на 18-19 градусов, кроме того, в городе почти не было дождей. Количество вызовов скорой помощи в Московской области не сокращается уже вторую неделю….

Московские власти констатировали, что смертность в столице в последнее время подскочила вдвое…

— Рептоидов выращивают, паразиты, — продолжил начатую тему Лебедев.

— В смысле?

— Ты же слышал сам, нужно несколько месяцев держать температуру, которая необходима для поддержания жизни зародыша.

— А потом?

— Они, скорее всего, производят гибриды. Сами на нашей планете жить более трёх дней не могут. И приняли решение скрестить «хорька, барсука и штопора»… забавные, должно быть, зверьки!

— Похожие на людей?

— Да, в людском теле, судя по всему.

Ужасный дымный пейзаж знакомого города казался дрёмным. Исчезла разница между светом и тенью, и весь город погрузился в серые полутона сплошного дыма.

— А ты, случаем, не рептоид? — покосился с опаской на ЮрВедыча Светик.

Лебедев громко захохотал. Брови, невероятно длинные его брови, которых Большаков не видел ни у одного человека на свете, зашевелились тараканьими усами.

— Где б ты увидел рептоида с голубыми глазами?

— Но тогда, «бабушка-бабушка, зачем тебе такие большие» брови?

— Эх, касатик, — загадочно улыбнулся профессор, — сейчас очутимся прямо у башенок. Только в том времени, откуда прилетели.

И…

Две пары друзей возвратились на полгода назад, в зиму!

Снег! Светик не удержался и, вспотевший, вышел без пиджака после жаркого смога в снег, только что выпавший у МКАД. На него косились другие водители, зябнувшие в своих авто.

— Господи! — упал он на колени, сгрёб ладонями непорочную охапку леденящих снежинок, — Вседержитель. Всевышний. Всемогущий. Сый. Господь. Сущий. Бессмертный. Предвечный…

— Предвечный? — подошёл вездесущий ЮрВедыч.

— Да, именно Предвечный!

— Ты что? Молишься, что ли? Ты же атеист!

— Не мешай!

— Если ты по поводу рептоидов, так не переживай! Они эти опыты уже сто раз проделывали. Ну, не годится им наша планета для проживания! Расслабься, Слав. Да и мы тут на что? Вселенская матрица… она не позволит…

На Москву падал снег. Просто падал. Туманом загораживая небоскрёбы. Оседал на линиях электропередач.

— Я не хочу в будущее, — тихо сказал Светик.

Снег пошёл с ещё большей силой. Наверное, Бог, Сый, Бессмертный, Всевышний или как его там, решил порадовать москвичей роскошным подарком, зная, что впереди будет дождь. А потом жара. Дым… Только почему-то столица не радовалась. Гневно повизгивая резиной автомобилей, МКАД шорами держала взволнованную кишку пробки. Злобно включали и выключали моторы водители, выбрасывая из окон искусанные окурки в снег. А он всё падал. Белый-белый. Чистый-чистый. Непорочный. Сый. Всевышний. Неубиваемый.

Бесполезно было спорить, что первично: лёд, вода или пар…

Снег. Первичен снег.

Снег умиротворённо пытался освежить замученную, издёрганную людьми землю. Но Светослав знал, что этот снег уже в прошлом.

* * *

— Пора отсюда выбираться! — дёрнул уже достаточно озябший Большаков за рукав Андрея.

А дальше он вообще не понял, как получилось. Наверное, по привычке.

На мгновение обоим стало очень холодно. Темно. Затем комфортно потеплело. Их резко притянул на орбиту и завертел оранжево-красный кокон со множеством колец, точно планета-луковица в разрезе двигалась и изменялась, маня в свою суть.

Мягкий венерианский свет обволок энергетическим облаком. Он переливался и струился, как ласковый поток воздуш-

ных масс. Поражённый происходящим, восторженный человеческий разум непроизвольно освободился от сковывающих и мешающих созерцать инструкций и правил.

— До колец не дотрагивайся! — спохватившись, закричал Светослав…

…и оба снова оказались в номере гостиницы.

— Что это было? — приходил в себя Андрей.

— Путешествие в БЕЗДНУ…

Глава 48. Ангелы выбирают

Казалось, время остановилось. Казалось, не было больше ни до, ни после. И есть лишь засушенное до смерти настоящее. Стрелки часов едва шевелились, как хвост ящерицы в минуту анабиоза.

Где-то люди под национальными флагами защищали дома. Где-то мировой гегемон начинал новые войны. Где-то зачинались в лоне новые дети. Где-то поэт мучился в порыве сложения гениальных строк…

А в Египте… всё точно остановилось! Расплавилось!

И это временное пластилиновое НЕЧТО было как будто занесено песками, так затягивала вездесущая лень.

Обсуждая тему рептоидов, друзья поняли, что без ЮрВедыча им не разобраться.

— Послушай, — не откладывая в долгий ящик, обратился к Юрику Андрей по видеосвязи, — а часто они здесь рептоидов пытаются производить?

— А ты думал! С чего это в планетарном масштабе сейчас фиксируются самые высокие температуры! Уже целый месяц, как в Северном полушарии сформировался пояс экстремальной жары. начал перечислять факты ЮрВедыч. — Тепловые купола накрыли южные штаты США и Северный Китай, а Европа получила раскаленный удар из Сахары! Побиты тысячи температурных рекордов на суше и в Мировом океане. Умирают люди, падают с неба птицы, глотая сухой воздух, а в пересыхающих руслах гибнут рыбы…

— У них… у этих рептоидов… которых пытаются тут выращивать… У них вообще душа есть?

— Откуда у больного здоровье? На планете они узнают себя с помощью знаков и символов. Проводят ритуалы. Причём кровавые и омерзительные.

— Например?

— Вообще, это не для нежных ушей! — отрезал маленький Лебедев.

— Я не понял, сынок…

— Да, тебя стошнило бы, если бы ты попал на ритуалы умерщвления животных и детей на теле адепта с целью забора энергии! Самая сильная энергия выделяется как-раз-таки между жизнью и смертью… Ты б точно в обморок скатился!

— …???

— Видишь ли, планета напичкана разным инопланетным ширпотребом… ну, как склад барахла всякого. И вот это, прости, барахло, с одной стороны, и ангельские сущности, с другой… постоянно меж собой противодействуют.

— Ты имеешь в виду демонические секты и христианство? — не вытерпел и вклинился в разговор Светослав.

— Не обязательно, — притормозил его ЮрВедыч, — тут столько их понамешано, что без бутылки не разобраться!

— Так. Давай по порядку. Что с демонами-то делать? — пытался понять Андрей.

— А что с ними поделаешь? Они как были, так и будут. Они как раз-то имеют для большинства современных землян очень привлекательную функцию для уравновешения мирового порядка. Причём те, кто попадает в их систему, практически выбраться не могут.

— Привлекательную? — возмутился социолог. — Торговля органами? Детская порнография? Проституция? Контрабанда наркотиков и торговля оружием? Развязывание войн?! Ты называешь привлекательным?

— Это основная часть их прибыли, — спокойно продолжал профессор. — И, честно говоря, прекратить вышеперечисленное так же сложно, как остановить их глобальный демонический культ, завязанный в межконтинентальном масштабе

круговой порукой. Человечество управляемо из-за ярко выраженных пороков каждого существа. Это страх, это секс, это жадность… Дальше продолжать?

— Ясно, — нахмурился Андрей. — А у этих, как их… серых… розовых… голубых… серо-буро-малиновых в крапину… есть уязвимость?

— Кончено! Помнишь, как мы развернулись и помчались им в лоб?! Их слабостью является высокомерие. Они думают, что неприкасаемы, и это может привести к беспечности. Сейчас они решили, что выкупили все СМИ, или почти все. Пригрозили или завалили благами все правительства. Всю юридическую мировую систему… Банки и т. д. Они даже не подозревают, какую мину ты им приготовил, папуля! Со своим облачным хранением информации!

— А что с ангелами?

— Со светлыми то же самое, что и с тёмными. Только тут другой путь. Венеру представляешь? Солнце? Температура зашкаливает за разумные пределы! В нашем физическом теле жить там невозможно. Но!

— Но?

— Но если отправиться на «тот свет», так сказать, то там очень даже всё симпатично! Венерианцы и сама Венера — промежуточная база для переплавки душ в более сильные и мощные световые организации. И среди всего населения дикошарых землян, а на самом деле — напичканных сюда душ с разных планет в свое время, кто для восстановления, кто для доращивания, кто в виде наказания и искупления за какие-то проделки, кто с целью реабилитации, кто с целью роста… для как бы тебе объяснить… папа…

— Продолжай… вроде пока все понятно… — внимательно и спокойно слушал Андрей.

А Светослав, тот вообще уже ничему не удивлялся.

— Я к чему всё это веду. Не просто же так пролился гигантский Венерианский ливень. И неспроста тут обратили на себя внимание розовые облака. И не зря возле тебя я вижу проекции Хатхор.

— И?

— Похоже, ангельский мир избрал тебя, и доступными средствами старается, чтобы ты развивался на Земле до…

— До чего?

— Думаю, они выбрали тебя, как щит и как меч в едином теле светового разума. Значит, у тебя просто нет иного выхода, как просто принять эту миссию. И после перехода из одной формы в другую реально увидеть Венеру. Пройти на ней Академию Тайн и Истин. И далее твой путь лежит ещё выше.

— Это куда?

— Ну… туда… — помахал ЮрВедыч рукой вверх, указывая в некие космические бездны.

— А ты там был? — спросил Славка.

— Был. Но… меня оттуда… в общем, я не вписался…

— Нахулиганил опять? — покачали головами оба друга понимающе…

ЮрВедыч развёл руками:

— Ну… такой вот характер… ладно… в общем… устал я там жить… в раю… поговорить не с кем! Выпить. Пошутить. Душу излить, опять же. А тут… сегодня, например, детский утренник. И Маринушка петь будет «с той поры медведь решил, что зимой нужно спать, по тропинкам не гулять, на хвосты не наступать!». Вот и я в этом теле, как медведь в зимнюю спячку впал. По тропинкам не гуляю. На хвосты рогатым не наступаю.

ЮрВедыч блаженно улыбнулся, представляя все радости обычной земной жизни с любимым существом:

— Поверьте, братцы! Ни иллюминаты со всем своим мировым господством, ни тамплиеры, ни вера в других богов, ни космические, пусть даже самые высшие уровни иерархий и мизинца не стоят одной единственной женщины!

— Эх! На что только не готовы идиёты ради любви! — повторил слова ЮрВедыча пятилетней давности Светослав.

Глава 49. Когда уйдём, что останется?

Андрей всё чаще задумывался не о будущем, а о прошлом. Все люди, что оставили иероглифы на колоннах и саркофагах, все они умерли.

А что прошло сквозь века?

Изображения самих себя, как они молятся фараонам? Богам?

На плато Гиза кроме трёх больших пирамид сохранились остатки ещё нескольких пирамид-спутниц. Четыре — возле Великой пирамиды, одна — у пирамиды Хафра, три — на восточной стороне пирамиды Менкаура. Имелись и руины, названные учёными остатками припирамидных храмов. С восточной стороны остатки грандиозных древних сооружений достигали веса в двести тонн.

… А Андрей мысленно всё чаще оказывался на берегу горного спокойного озера. И свет от воды струился долгожданной прохладой. Эти видения ненадолго спасали.

Тотальная жара не позволяла сосредотачиваться.

Социолог все больше раздражал его.

Андрей временами даже тихо ненавидел Светослава. Особенно, когда тот лез со своими комментариями:

— Смотри! Мастабы! Вообще непонятного назначения камеры, но к ним намертво приклеилось название «гробницы»!...

Выложенные из гигантских плит как камеры, так и «лифты» к ним и коридоры действительно являли основу любой из пирамид, сохранившихся или разрушенных, иногда использовалась фараонами под усыпальницу, что словами друга звучало не иначе, как:

— Отличная идея! Засунуться в пирамиду в виде собственной мумии и объявить свету, что данное сооружение построил именно он!

— История не нова! — вынужден был отзываться Андрей. — Не так ли делала Великая Китайская цивилизация, каждые сто лет переписывая историю? Не так ли делали немецкие историки, попавшие к Петру и Екатерине, уничтожившие как минимум пять тысяч лет великой русской традиции? Не так ли французы объявили этрусский храм Нотр дам

де Пари собственным народным достоянием? Царьград же был переименован в Стамбул, а основания древнейших храмов стали подножиями мечетей! Не так ли мексиканские жрецы выстраивали на непонятного назначения пирамидальных строениях, более напоминающих взлётно-посадочные площадки, свои ритуальные Храмы?

Почему бы египтянам не последовать за большинством?!

Позанимать мастабы. Облепить алебастром колонны высотой до неба и выгравировать на каждой из них своё имя в картуше?

— А чё такой раздражённый? — удивлялся Светослав. И добавлял сочувственно:

— Найдём мы твоё Имя Бога… Лимонадику купить?

— Нет… лучше минералки… Колонны хоть как-то объяснить можно. Это всё-таки украшение дворца или храма. Но мастабы…. Смотри! В каждой из них обнаружен одинаковый эффект — температура постоянная! Для сохранения чего? Напрашивается вывод. Камню хранение не нужно. Здесь дозревала и не портилась органика! И если высота пирамид такая высокая, то и предмет, помещённый в мастабы, должен иметь ценность, явно превышающую всю стоимость их трудоёмкого возведения.

— И что же может быть ценнее эдаких колоссальных усилий?

— Думаю, это ПАМЯТЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА, — изрёк свежую мысль Андрей, — так называемый генетический фонд продолжения рода. Либо оно было нововыведенное непонятной расой богов. Либо являлось остатками допотопной цивилизации, которые необходимо было сберечь в послепотопное время.

Здесь пёрышко Финиста Ясна Сокола оживало! Может быть, снова и снова! В таком случае предназначение мастаб в корне меняется.

Если это не гробницы, так может, это колыбель нового витка цивилизации?!

Может, вовсе она не страшная, эта уютная «детская» комнатка. А прекрасная…

* * *

Друзья, посещая то одно монументальное строение Древнего Египта, то другое, постоянно беседовали и не прекращали мозгового штурма.

Какие факты выдавал современный Египет, бережно хранящий обломки таинства, им в помощь к подтверждению напрашивающейся гипотезы?

Чуть поодаль от пирамид находились многочисленные мастабы — места реальных захоронений сановников IV-VI династий, образующие как бы три некрополя. Восточный — к востоку от Великой пирамиды. Западный — к западу от этой пирамиды. Южный — соответственно в южной части комплекса. А практически на краю плато, ближе к Нилу, можно увидеть уникальную скульптуру Сфинкса с телом льва и человеческой головой. Возле этой скульптуры располагались остатки ещё двух внушительных сооружений — храма Сфинкса и Гранитного храма.

Факт строительства пирамид египтянами всегда ставился под сомнение. От Геродота до Наполеона. Геродот это делал мягко и косвенно. Наполеон же направил сюда в своё время большую группу учёных для изучения этих древних сооружений.

Уже полторы сотни лет историкам известно некое письменное свидетельство самих египтян о более древнем возрасте Сфинкса.

Так, Огюстом Мариетом в 1857 году на развалинах храма Исиды близ Великой пирамиды была обнаружена известняковая «Инвентарная стела» или «Стела описи». Хотя она датируется приблизительно 1500 годом до нашей эры согласно Масперо и другим экспертам, имеется свидетельство того, что она была скопирована с более древней стелы, относящейся к IV династии. Надписи на ней говорят о том, что стела была изготовлена по приказу фараона Хуфу для восхваления его заслуг по восстановлению храма Исиды. Первые строки звучат примерно так: «Живи, Гор Мездау, Царь Верхнего и Нижнего Египта Хуфу даёт жизнь». Обычное приветствие, а затем идёт фраза: «Он нашёл дом Исиды Владычицы Пирамиды, Рядом с Домом Сфинкса».

Стела описывает, как фараон Хуфу, «принёс снова ей (Исиде) жертвоприношение и выстроил заново её каменный храм». Оттуда, согласно тексту, фараон осмотрел Сфинкса и рассказал историю, как в его время и статуя, и близлежащий платан были поражены молнией. Молния сбила часть головного убора Сфинкса, который Хуфу тщательно восстановил.

— Как видим, воздействие энергий на пирамиды и наоборот открывает ворота в другую реальность. Энергии — это ключи к пирамиде!

— Согласен! Фактически мы имеем свидетельство самого фараона Хуфу, что он «косметически» отремонтировал Великую пирамиду и Сфинкса. Сам фараон указывает на то, что пирамида существовала до Хуфу и принадлежала богине Исиде, сестре Осириса!

— Самое интересное и загадочное здесь, конечно, ядро — Камера Царя, оно сложено из безукоризненно пригнанных гранитных плит. Потолок образуется девятью монолитами, вес которых равен 400 тонн.

— Вот, смотри! — Андрей стал чертить рисунок прямо на песке. — Над потолком расположены пять комнат. Их назвали «разгрузочными» камерами. Общая высота этих камер составляет семнадцать метров. Самая верхняя заканчивается двухскатной крышей, сооружённой из громадных блоков, принимающих на себя тяжесть приблизительно миллиона тонн каменной массы.

Каменные блоки основных элементов настолько плотно состыкованы друг с другом, что вся внутренняя конструкция пирамиды сложена без применения раствора. И это сделано также с изумительной точностью. Например, коридоры Великой пирамиды. Их замеряли бесконечно, и каждый раз оказывалось, что они абсолютно прямолинейны. Единственная погрешность в кладке Нисходящего коридора составляет меньше половины миллиметра. Такая малая ошибка на длине пятьдесят метров, это просто невероятно. И это при условии наклонности громадных блоков! При современном строительстве допуск на усадку здания составляет пятнадцать сантиметров за столетие. У Великой пирамиды усадка за тысячи лет — всего четыре сантиметра!

— Это говорит о том, — откликнулся Славка, — что внутренние части всех пирамид Египта типа мастабы строила цивилизация, обладающая технологиями гораздо выше, чем современная…

— И главное! Ни в одной мастабе сложного типа нет абсолютно никаких надписей или хотя бы пометок! Предположение, что в этих каменных клетях когда-то предохранялись от жары или воздействия других внешних сил и хранились компьютеры по реанимации некой базы данных, вполне логично.

— Каких сил?

— Да демонических! Повышение и понижение температуры, например, сейчас контролируется? Да. Почему ты решил, что раньше противоборствующие силы планеты или там космоса вообще не обладали такими возможностями?

— Ангелы-венерианцы с одной стороны, марсиане — с другой? Земляне — с третьей?

— Ну, как-то так… Предположим, у одних и у других имелись наработки хранения всех образцов ДНК и митохондрий «по образу и подобию», так сказать… А наиболее перспективными точками земли являлись тёплые места. Так?

— Ну, так.

— Если считать сооружения в Абу-Роаше и Завиетт-эль-Ариане тоже пирамидами, то получается, что восемь пирамид Египта выстроены вовсе не во времена фараонов, а много тысячелетий до них, во времена правления богов, то есть высокоразвитой в техническом отношении цивилизации. Это три пирамиды на плато Гиза, две в Дашуре и по одной в Медуме, Абу-Роаше и Завиетт-эль-Ариане.

— Согласен! Если убрать эти восемь сооружений из общего ряда египетских пирамид, то исчезнет как странный «взлёт в пирамидостроении» (приписываемый IV династии), так и ещё более странное его «падение». Все оставшиеся пирамиды, по крайней мере в их верхней части, оказываются в рамках доступных для древних египтян технологий. И, скорее всего, возведены действительно уже во времена фараонов.

— Ну да. Другое дело, что пирамиды, выстроенные фараонами, где-то создавались «с нуля», а где-то возводились над более

древними «бункерами», которые также являются сооружениями цивилизации богов. Как ты видишь, с нуля создавались лишь очень небольшие пирамиды. Более крупные собирали из камней, кирпичей и бута уже над древними «бункерами». Впрочем, над «бункерами» порой возводились и небольшие пирамиды.

Симпатичной может показаться теория, основанная на легенде о Потопе. Ведь если доверять мифам индейцев, боги предупредили о большой воде, указав людям, чтобы они поднимались выше в горы. Библия даёт миф о Ное, которому велено строить ковчег. По факту вероятнее всего это не был Ледник, ползущий бесконечно долго. Это было мгновенное смещение земной коры, и накрывшая пол-Евразии вода превратилась в лёд так быстро, что у замерзших мамонтов даже трава не успела перевариться в желудках! Произошло смещение полюсов. Вот почему допотопные пирамиды Мексики и Китая не соответствуют прямому ориентированию, а смещены под углом в 15 градусов. А пирамиды в Египте ориентированы строго по сторонам света. Значит, они выстроены после потопа.

— Возможно, что внутренние камеры послепотопным людям служили целью восстановления потомства, а не захоронения людей, — подвёл итоги Андрей.

Глава 50. Вожделенная Дендера

Завершалось время путешествия.

Обратные билеты напомнили в смартфоне о приближении рейса. А цель путешествия так и не была достигнута.

Но оставалась ещё поездка в храм Хатхор.

* * *

От Каира ехали на туристическом автобусе до Дендеры чуть ли не через весь Египет.

И поначалу разочаровались.

Расчищенные площадки нисколько не привлекали.

Пыль. Песок. Ветер тоскливо ныл о былом могуществе.

Бедуины навязчиво пытались втюхать туристам бусики и фигурки богов. Но подделки не очаровывали.

Наоборот. Как-то даже настораживали.

А нужные бусики были уже приобретены.

Извлечённые из земли множественные саркофаги стыдливо извинялись за свою обнажённость, выставленную прямо на пути к храму.

С фрагментов капителей и колонн загадочно улыбался нежный лик потрясающе красивой женщины.

Андрей достал смартфон и старательно фотографировал символы и знаки, чтобы потом осмыслить наедине без суеты.

Храм этот совсем недавно был извлечён из толщ песка. А раньше от него тысячелетиями для людей была доступна лишь верхняя часть.

Вандалы, бедуины и торговцы использовали «чердачные» помещения грандиозного доисторического собора в качестве конюшен, где разводились костры, отчего потолки до сих пор покрыты копотью, а многие росписи просто не могли быть восстановлены!

«Впервые раскопками храма Хатхор занялся в 1876 году немецкий египтолог Йоханнес Дюмихен. Позднее комплекс был исследован Мариетом» — перевела с английского на русский система Андрея в его аппарате надпись на плакате перед комплексом.

Теперь он сам получил уникальную возможность лично пройтись по каменным плитам. Потрогать рукой колонны, прочесть надписи на потолках. Увидеть изображения знакомых уже богов: фигурки Ра, Гора, Хатхор…

На капителях колонн точно только лишь для него были оставлены замечательными мастерами целые истории! Бирюзовыми красками вспыхивало небо. Все оттенки солнечного алебастра высвечивали удивительные одежды божеств. Огромный гипостильный зал с двадцатью четырьмя колоннами, увенчанными изображениями Хатхор, на голове которой красовался характерный парик, названный потом хатхорическим. Её удивительно нежный лик придавал комплексу особый колорит неповторимой мягкой женственности.

На потолке были изображены сцены из египетской мифологии, на стенах — описание царского визита в храм. Всё-всё-всё, что привлекало его ранее на многочисленных фотографиях в

интернете, теперь можно было видеть собственными глазами. И грандиозность увиденного просто потрясла!

Увлёкшись увиденным, Андрей оказался совершенно один.

Он дёрнулся в сторону удаляющейся группы, но попал в другое помещение. Потом в третье.

Экскурсовод на французском языке рассказывал французам о музыкальной традиции Хатхор.

Немецкая группа увлечённо слушала на немецком о том, что богиня Хатхор подарила людям великую любовь к культурным традициям.

Оставив и тех, и других, в поисках собственной группы Андрей оказался в неизвестном просторном зале.

Впереди он увидел лестницу и рядом очень смуглого араба в белой чалме и белых одеждах. Его взгляд был направлен прямо в глаза Андрею, а движением руки он приглашал подойти ближе.

Исследователь знал, что многие аборигены специализируются на том, что за «бакшиш» проводят туристов в особые места, не входящие в традиционные маршруты. Но сейчас, забыв обо всём, он загипнотизировано шёл на зов.

Араб не знал иностранных языков. Поэтому он жестом указал на слабо освещённую лестницу, спускающуюся вниз:

— Хатхора! — эмоционально шептал он. — Хатхора!

Сильнейшее любопытство отбросило в сторону все опасения и страхи. Андрей уверенно шагнул вперёд. Спустился.

Подвальная часть храма оказалась свободна от туристов. Узкий коридор украшен письменами и рисунками. Целыми историями. Инструкциями.

Главный сюрприз ждал в самом низу — никаких саркофагов. Никаких следов артефактов. Предметов. Ничего! Тупик. Если не считать рисунков на геометрически безупречных и идеально отшлифованных камнях камер!

Усыпальница?

Нет!

На каменных стенах Андрей обнаружил картинки «прорастания человечества» из сперматозоидов… Картинки объединялись в целые истории, пошагово раскрывающие соответствующие технологии, используемые при этом инструменты и приборы.

Что же это значит? Анубис и Осирис, а также их компания первопришельцев (или новопришельцев) занимались не только мумификацией, а ещё и разведением новой расы человечества?

Если нет, откуда у этих древних людей микроскоп для рассмотрения подобных мелких «нюансов» соития людей?

* * *

На крыше храма Хатхор помещалось несколько небольших святилищ Осириса, в одном из которых изображены солнечный диск и нашумевший зодиак.

— О! Вот вы где! — обрадовался Андрей, обнаружив, наконец, потерянную группу.

— Знаешь, что я выяснил? — поспешил поделиться с вернувшимся другом Светослав, — Наш проводник утверждает, что во всех именах египетских богов солнечной династии и у всех фараонов есть существенная деталь! Их имена заканчиваются на сочетание РА, Имя Бога Солнца. И наше слово «царь» тоже! Только там РА перевёрнуто и звучит, как Ар, с арабского на русский, типа, наоборот!

— Может, тогда Хатхор надо произносить наоборот?

— Попробуй!

— Рохтах…

— Ну, и как?

— Нет! Не работает!

Глава 51. Хатхора

Современный лайнер поднимал друзей к облакам.

— Не так, — безостановочно стучал клавиатурой на ноутбуке Андрей. — А как? Может, так?

— Что ты всё время клавиатурой тарахтишь? Ноутбук разнесёшь! — ворчал Светослав, уставившись в иллюминатор. Он-то хотел делиться красотами великолепной панорамы египетской земли с воздуха.

Когда же самолёт набрал максимальную высоту, к Андрею, наконец, пришло прозрение.

— А если имя Хатхор разложить на элементы? На три элемента. Три, три и три…

— Так… посмотрим… что такое хат… На древне-египетском звучит, как храм, дом или, может, душа?

— А по-русски хатка! — улыбнулся социолог.

— Второе имя, точнее, отчество — тогда Имя Бога Гора. Звучание идентично: Хор — Гор!

— Вариант! — согласился Большаков.- А где будешь брать третий элемент?

— А вот, дружище, в этом и парадокс! Русская, немецкая, английская и вообще вся европейская традиция именно так и называет богиню Хатхор, как Хатхор! Тот араб, что указал путь в нижние более прохладные хранилища храма, где, возможно, и «выводили новую расу», называл богиню, знаешь, как?

— Как?

— Хатхора! В переводе на наше ФИО — Хат Хор Ра.

— Тогда Хат — это…

— Вот именно! Хат — это проекция! Голограмма! Трансляция! Душа души… инвариантов масса! Мой сын Юра — это проекция или душа души ЮрВедыча! По сути, он сам! Хат, возможно, это тоже душа или храм, или дом, или любимое местоположение на планете Землян! Буквально имя Богини Хат Хор Ра переводится как Смысло-образ Гора, сына Ра. Имя Бога ХАТХОРА. Не Хатхор. В этом была ошибка! Дословный перевод — Дочь Гора Солнцевича. В смысле, и не дом солнца, а как бы место, где его душа живёт. Пробей!

— Хатхора — нет. Не получается. А так? ХатХорРаа! Получилось! По-лу-чи-лось!!!

На компьютере сложились нескладывающиеся ранее элементы.

— Ё-ё-ё-ё! Зашибись! Так значит, всё-таки Лебедев был прав! Ну, чутьё!

— Я понял, — честно признался Андрей, — я понял, как составить этот ключ к хранению энергий.

— Как?

— Так… это не сложно. Вертикально, типа меч, горизонтально, типа щит и… метафизически снова вертикально. Двойная защита. Два меча. Понимаешь? В смысле, солнечно! Хат — Хор-Ра… Три, Три и Три…

— Будет дырка?

— Ещё какая!

* * *

Венерианский Ливень уже поджидал путников в Москве.

В аэропорт приехали и Верочка с Мариной, и Оксана с Юриком.

Ливень, ликуя, самозабвенно барабанил во все стёкла, радуясь возвращению Андрея и Славки, но более этого всё-таки обстоятельству, что у него на месте выпавшего там, в пустыне, уже рос новый Зуб мудрости! А это сулило и новые грозы, и новые урожаи, и новые величайшие открытия.

— Папа! Смотри! — беспрестанно верещала Мариночка, — у меня зубик новый растёт!

— Какая ты у меня красавица! Вот для самой лучшей девочки египетские Боги передали бирюзовые бусики!

— Ура-а-а!

— И у меня! И у меня растёт! — хвастался Юра. — Вот, смотри, какой резной и беленький!

— Такой маленький! — подхватывала Мариночка, смеясь по-детски искренне и весело. — Смешной!

— И у меня… — пытался громче и громче делиться секретами Венерианский пришелец, стучась и в левое, и в правое, и в лобовое стекло машины, открывая пошире истекающую слюнями пасть, в которой на месте молочного уже пробивался новенький зуб, способный рождать молнии.

Зуб его пока не окреп. Поэтому и дождь был спокойным.

Зуб пока не вобрал в себя электричество. Поэтому грозы не случилось.

Старая мудрость упала где-то в песках, не замеченная никем. Так бывает. На месте её вырастала новая мудрость человечества.

Она уже подзуживала и чесалась. Она уже была запрограммирована на величайшую вселенскую миссию.

Только люди были настолько счастливы, что не обращали на танцующего перед ними венерианский танец пришельца ни малейшего внимания.

2009–2023

Содержание

Об авторе 5

Часть 1. СВЕТИК
Глава 1. Пробка. 9
Глава 2. Стратификация любви 13
Глава 3. Матрицы 17
Глава 4. Геленджикский синдром 21
Глава 5. Меч Тамерлана 24
Глава 6. Разговор со стихией 27
Глава 7. Святцы 32
Глава 8. Путешествие в будущее 41
Глава 9. Зимородки 48
Глава 10. Мама 50
Глава 11. Светик. 54
Глава 12. Сон Светика. 57
Глава 13. Милые беседы о главном 59
Глава 14. Ссора.. 62
Глава 15. Розовый рассвет 64
Глава 16. Имя Бога 67

Часть 2. МАМА
Глава 17. Марсианская цивилизация на планете Землян. 75
Глава 18. Мыслительные метания Лебедева 84
Глава 19. Рождение Надежды в Вере. 92
Глава 20. Вековая печаль 97
Глава 21. Первое шевеление 101
Глава 22. Монтесума и Малиналь 106
Глава 23. Кортес. А что Кортес? 116
Глава 24. Малиналь 130
Глава 25. Зелёный палец 138
Глава 26. Рождение Веры в Надежде. 152

Часть 3. ХАТХОРА

Глава 27. Абрикосовый ливень 159
Глава 28. Детский утренник 162
Глава 29. Дивидэ эт импэра — разделяй и властвуй 166
Глава 30. Скорость 173
Глава 31. Розовые кольца 176
Глава 32. Венерианская цивилизация 180
Глава 33. Историческая достоверность 189
Глава 34. Люди в серых костюмах 193
Глава 35. Не сыпь мне соль на перец 198
Глава 36. Что это за ключ? 204
Глава 37. Египет своими глазами 208
Глава 38. Поиски Имени Бога с Геродотом 211
Глава 39. Великое разочарование у саркофага 225
Глава 40. Энергетические мечи Артура и Тамерлана 231
Глава 41. Отрицательный результат — тоже результат 238
Глава 42. Гранитные страницы Книги Мёртвых 241
Глава 43. Код бальзамирования 247
Глава 44. Загадки каменных компьютеров Саккары 251
Глава 45. Поющие колоссы Мемнона 254
Глава 46. Финист в программировании
египетской слогописи 257
Глава 47. Связь времён 268
Глава 48. Ангелы выбирают 273
Глава 49. Когда уйдём, что останется? 277
Глава 50. Вожделенная Дендера 282
Глава 51. Хатхора 285

Светлана Савицкая

НАЗОВИ ИМЯ БОГА

Рисунки внутри блока ***С.В. Савицкая***

Корректор ***Н.Э. Данилова***

Консультанты по научным вопросам:
Ю.В. Лушниченко, А.В. Зайцев

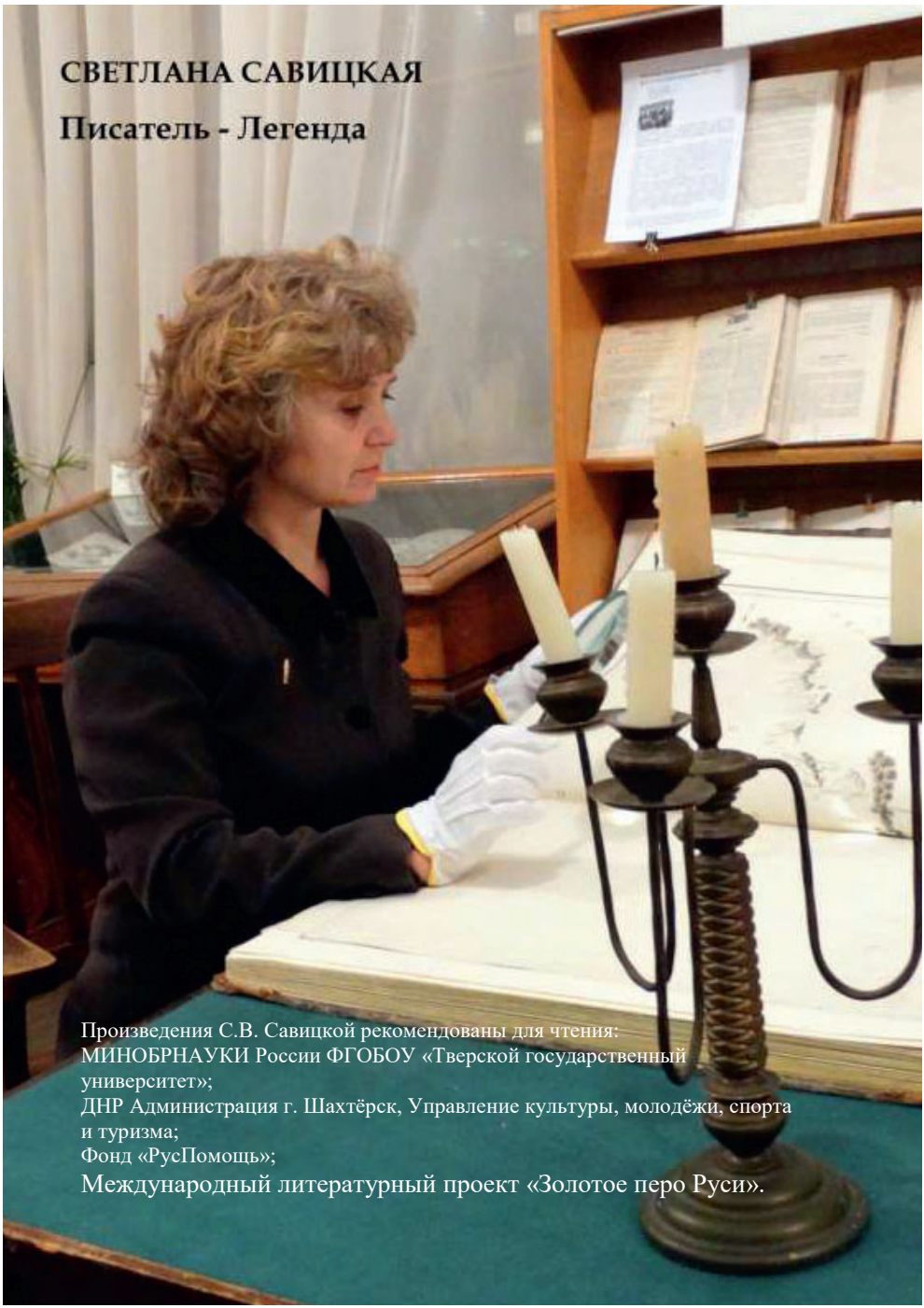
Литературный редактор ***В.В. Савицкий***

Подписано в печать 15.08.2023. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 16,97. Заказ № 345. Тираж 500 экз. (1-й завод: 1–300)

Издательский дом Академии имени Н. Е. Жуковского
125167, Москва, 8-го Марта 4-я ул., д. 6А

Интернет-магазин: itsbook.ru; e-mail: zakaz@itsbook.ru; тел.: +7 (991) 105-33-04

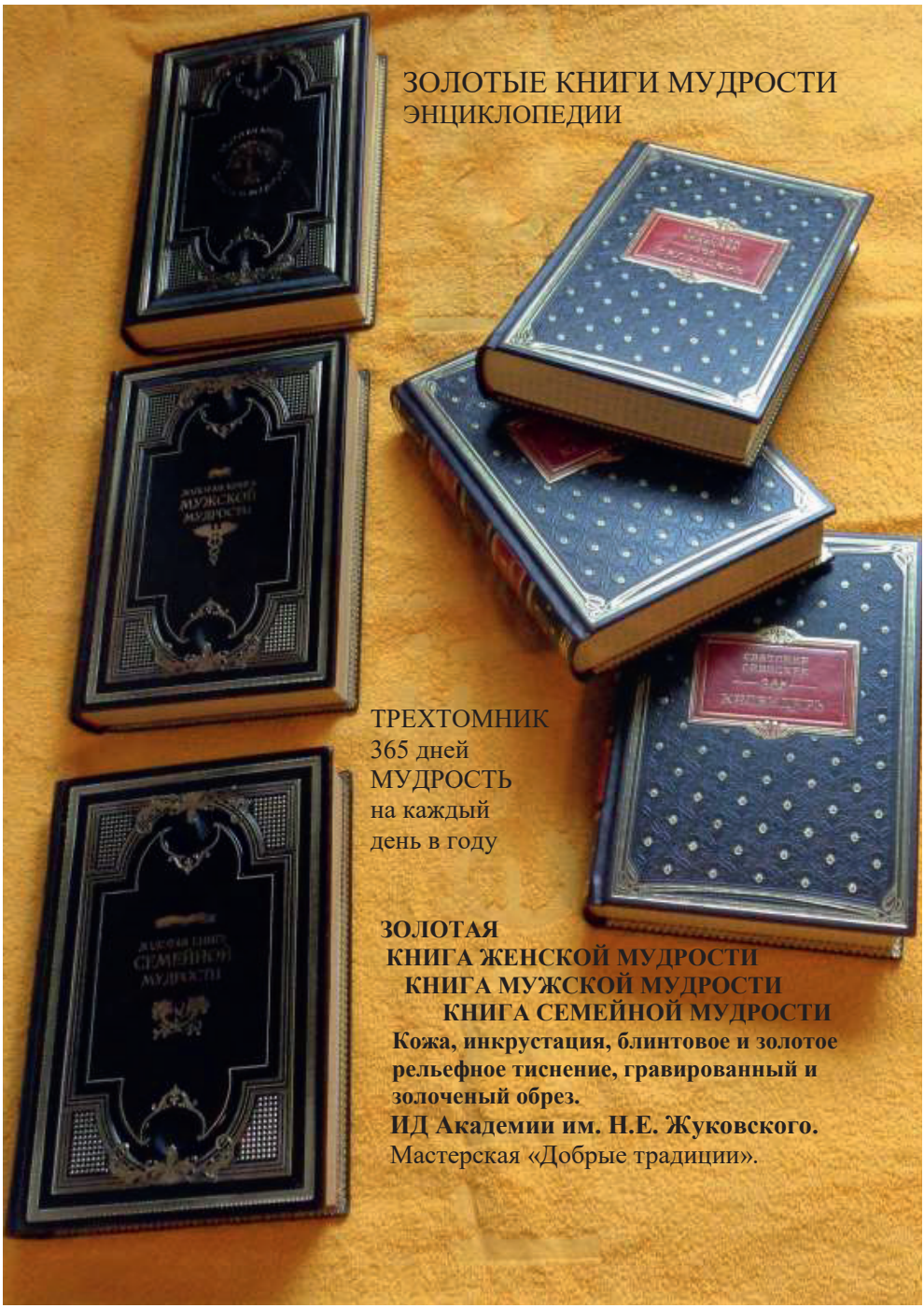
Прием заказов на производство книг: тел.: +7 (495) 789-56-79; e-mail: artpress@mail.ru



СВЕТЛАНА САВИЦКАЯ

Писатель - Легенда

Произведения С.В. Савицкой рекомендованы для чтения:
МИНОБРНАУКИ России ФГОБОУ «Тверской государственный университет»;
ДНР Администрация г. Шахтёрск, Управление культуры, молодёжи, спорта и туризма;
Фонд «РусПомощь»;
Международный литературный проект «Золотое перо Руси».


ЗОЛОТЫЕ КНИГИ МУДРОСТИ
ЭНЦИКЛОПЕДИИ
ТРЕХТОМНИК
365 дней
МУДРОСТЬ
на каждый
день в году
ЗОЛОТАЯ
КНИГА ЖЕНСКОЙ МУДРОСТИ
КНИГА МУЖСКОЙ МУДРОСТИ
КНИГА СЕМЕЙНОЙ МУДРОСТИ
Кожа, инкрустация, блинтовое и золотое рельефное тиснение, гравированный и золоченый обрез.
ИД Академии им. Н.Е. Жуковского.
Мастерская «Добрые традиции».

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ
СИМВОЛОВ УПРАВЛЕНИЯ
Кожа, инкрустация, блинтовое и золотое рельефное тиснение,
гравированный и золоченый обрез.
Издательство «Белые Альвы».
Мастерская «Добрые традиции».

ЭКСМО
Эксклюзивные притчи в золотой коробке
с золотым тиснением и золотым обрезом
История редкостей
ПОДАРОЧНОГО ОТДЕЛА
ПРЕРАФАЭЛИТЫ
Рерих
Никас
Никас
Савицкая
ЭЛИТАРНЫЕ КНИГИ
ЭКСТРА КЛАССА
МУЖСКАЯ МУДРОСТЬ
Автор Энциклопедий:
Золотая книга ЖЕНСКОЙ МУДРОСТИ
Золотая книга МУЖСКОЙ МУДРОСТИ
Золотая книга СЕМЕЙНОЙ МУДРОСТИ
3 тома 365 дней мудрости
Золотой обрез
Коробка
Кожа
Блинтовое тиснение
Золотое тиснение

подарочной серии
Джуна
Савицкая
Джуна
Энергия сердца
Никас
Энергия Вселенной
Светлана Савицкая
СМЕРТЬ И КОШКА
ЭКСМО
Подарочный отдел
История редкостей
Серебряная коробка серебяное тиснение
серебрыий обрез

ЭКСМО
ЛИДЕР ПРОДАЖ
Самое популярное издание ЭКСМО - пять переизданий!
ЖЕНСКАЯ МУДРОСТЬ
СЕРТИФИКАТ
БОЛЬШАЯ КНИГА ЖЕНСКОЙ МУДРОСТИ
Виноградный золотой обрез
Кожа. Блинтовое и золотое тиснение
Притчи Светланы Савицкой

БАЛКАНЫ

роман

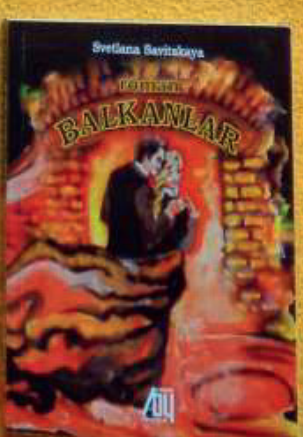
Военно-исторический художественный роман о любви во время Русско-Турецкой войны 1878-79 гг.

Издан в России на русском языке издательством «Амрита Русь». Вышел отдельным фолиантом в издательстве «Подвиг» - и «Кентавр»..

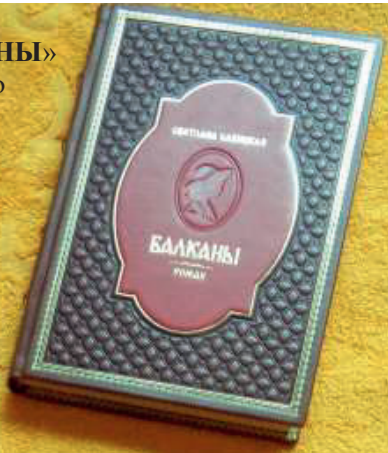
Издан в Болгарии на болгарском языке издательством «Лагэн». Переводчик Ромэн Шумов. От посольства Болгарии роман удостоен ордена «Самарский Крест».

Издан в Анталии на турецком языке Министерством по культуре и туризму Турции.

Переводчик Юсуф Арслан



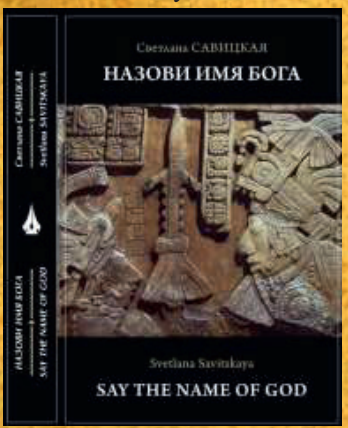
От СП России роман «**БАЛКАНЫ**» получил Литературную премию им. Н.А. Шолохова.



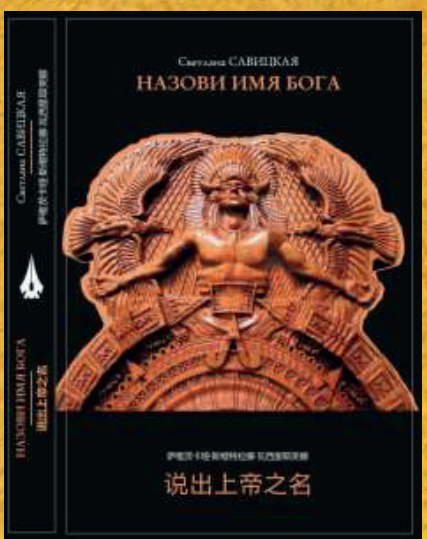
Издан Департаментом по издательству книг на арабском языке в Дамаске.
Переводчики Доктор Саир Зайнеддин и Фарид Аль-Шахов.
Министерство по культуре Сирии.

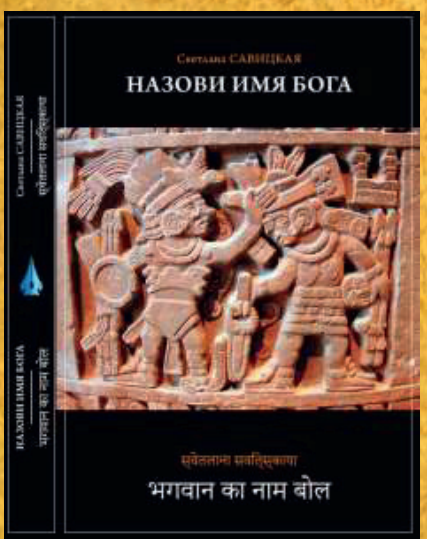
Издан на арабском языке в Бейруте.
Министерство по культуре Ливана.

Фантастическая трилогия «**НАЗОВИ ИМЯ БОГА**».
ИД Академии им. Н.Е. Жуковского.



На русском и английском.
Переводчик Владимир Морган (Канада).
На русском и немецком.
Переводчик Галина Хэндуз (Германия).
На русском и хинди.
Переводчик Доктор Дипти Гупта (Индия).
На русском и китайском.
Переводчик Доктор Чжанг Чжи (Китай).





Фантастическая трилогия «**НАЗОВИ ИМЯ БОГА**».
ИД Академии
им. Н.Е. Жуковского.

Художественное издание с изображением матриц
Ю.В. Лушниченко.
На русском и турецком.
Переводчик Юсуф Арслан (Турция).
На русском и вьетнамском.
Переводчик Май Ван Фан (Вьетнам).

Разные варианты выхода трилогии «Назови имя Бога».
Орден им. Маяковского от СП России.

Роман «**СВЕТ ОТРАЖАЮЩИЙ**».

Мастерская «Добрые традиции».
Двухтомник 1400 стр.

Военно-историческое исследование
в художественном изложении
с публикациями карт, лоций,
уникальных писем и документов
Первой и Второй Камчатских экспедиций 1703-1745 гг.

Кожа, инкрустация, блинтовое
и золотое рельефное тиснение,
гравированный и золоченый обрез.
Издательство «Серебро слов» СП России.

РОМАНЫ

Роман «**Распутай время**».

Гран-При конкурса «Лучшая книга года»
Институт по изучению русского языка в Берлине.

Издательство СП России.
Издательство «Новый современник».
Издательство «Фонд Русской Словесности».

ПОВЕСТИ

Повести. Издательство «Амрита Русь».
Роман «**Ангел Беды**».
Роман «**Зачем сгорает Феникс**».

Издательство «Ассоциация Саратовских писателей».
Издательство «Фонд Русской Словесности».

Книги на японском и французском языке.

Издания Азии

РАССКАЗЫ

СП России

«Ледяная ловушка»
Перевод на арабский Ибрагим Истамбули.
Департамент по издательству книг на арабском языке
в Сирии

РАССКАЗЫ.
И ПОВЕСТИ
Издательство
«Серебро слов»

15
Книг на немецком языке
Издательство Фонда
«Немцы из России».
Рассказы и повести на белорусском языке.
Издательство «Харвест»

СП Беларусь.

СКАЗКИ

Сказки об охраняемых видах
Сибири и Дальнего Востока.
Издательство «Диалог культур».
Федеральное агентство по печати
и массовым коммуникациям.
В оформлении использованы
рисунки детей Детского
Экологического Движения
«Зеленая планета», победителей .
конкурса по сказкам С. Савицкой.
Всего приняло участие
более 20 миллионов школьников.

Гран-При конкурса «9 муз»
Тинос. Греция

Издательство «Калькутта».
Перевод на бенгали Доктора Гаутам Гош и Доктора Матхаби Бхатачарья. (Индия)

Издательство «Белые Альвы».

СКАЗКИ ДЛЯ ЭЛИТАРНОЙ ВОДКИ
Бренда НАНУК
ТРИ ЗЛАКА

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

ЛИТЕРАТУРНЫЕ НАГРАДЫ писателя С.В. САВИЦКОЙ

СКАЗКИ
Издательство «Р-Медиа».

Гран-При конкурса
«СОЗВЕЗДИЕ ДУХОВНОСТИ».

С переводом 300 сказок на украинский язык
Людмилой Крыжановской. Киев. Украина.
Двухтомник.
Издательство
«Писатели в интернет-пространстве».

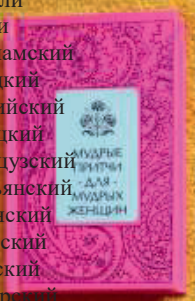
Гран-При Диплом Алишера Навои
Орден Навои
С.В. Савицкая представлена
в Золотой книге Центральной Азии
на русском, болгарском, туркменском,
грузинском, таджикском, турецком,
персидском, болгарском и арабском языках.
Издательство СП и Историков Центральной Азии «Янги
Овоз». Киргизия

ПРИТЧИ
333 притчи
в 4 томах
ИД Академии
Имени
Н.Е. Жуковского.

«Птицы прожитых лет».
Оформление Никаса Сафронова.
«Смерть и кошка».
Оформление Джуны.
«Жизнь в ответе».
Оформление Феодора.
«Магические масла колдунов Магриба».
Оформление С. Савицкой.

Притчи С. Савицкой публиковались более двух тысяч раз.
В разных изданиях и периодике на разных языках их глубинную мудрость принял и полюбил читатель:

Арабский
Персидский
Японский
Китайский
Бенгали
Хинди
Вьетнамский
Турецкий
Английский
Немецкий
Французский
Итальянский
Испанский
Греческий
Польский
Болгарский
Словацкий
Сербский
Цыганский
Татарский
Осетинский
Украинский
Белорусский
Армянский
Грузинский
Азербайджанский
Туркменский
Таджикский
Узбекский
Киргизский
Казахский



ПОДАРОЧНЫЙ ОТДЕЛ
Издательство «Эксмо».
Золотая коробка с окном. Золотое тиснение.
Оформление Никаса Сафронова.

130 притч «Крылатый бык».
Сирия

ИД Академии им. Н.Е. Жуковского.

«Глазами Бога».
Оформление
Феодора.
130 притч на английском. Перевод
Владимира Моргана (Канада).

СЕРИЯ «УЧЕБНИК ЭКСТРАСЕНСА»

Издательство «Эксмо».
Издательство «Амрита Русь».

Издательство «Крила» ДНР.

Издательство «Феникс». Украина. Киев.

Издание «Испания сегодня».

Гран-При в Ханое. Вьетнам.
Вошла в каталог авторов мира. Стихи, переведены на английский, французский и вьетнамский.

Литературный журнал СП и А Китая. Пекин.

Роман «Назови имя Бога» и стихи в разных журналах Китая на китайском языке в переводе Доктора Чжанг Чжи.

Intelligent NEW-YORK
№3/2013
ФОТО-АНОНС
Intelligent NEW-YORK
№1/2012
ФОТО-АНОНС
AlmatyLife
Светлост
Светлост
GOLDEN EDGE
МИ ЖИВОТНЬ
ПАМИР
Армения
ТУРИСТИЧЕСКАЯ
Армения
ТУРИСТИЧЕСКАЯ
V ежегодная церемония награждения лучших в сфере туризма
АРАРАТ

ТОП-100 лучших авторов.

ЖУРНАЛЫ
«Смена»
«Работница»
«Юный натуралист»
«Зов тайги»
«Родное Приамурье»
«Самые красивые женщины»
«Моя Москва»
«Берега»
«Волга»
«Памир»
«Ахалтеке-информ»
и сотни других.

ГАЗЕТЫ
«Литературная газета»
«Красная звезда»
«Учительская газета»
«Факт»
«Труд»
«Интеллигент»
«Молодежь Московии»
и сотни других.

ЖУРНАЛЫ И ГАЗЕТЫ
Китай
Вьетнам
Германия
Испания
Индия
Болгария
Сирия
Сербия
Дальнее и ближнее Зарубежье.
Всего более
двух тысяч публикаций.

Серия **ПРИЗВАНИЕ ПЛАНЕТЫ**

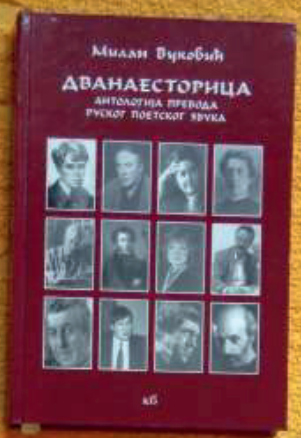
Энциклопедия путешественника
«***МИСТИКА ВОСТОКА***».
Индия. Арабские Эмираты. Китай.
Издательство «Эксмо».

Издания СИРИИ **ТАТАРСТАН**

Издательство САД (Современные авторы детям). Казань.

33 предания Елабуги.

СТИХИ



Издательство «Фонд русской словесности»
«Двенадцатисторица». Антология 12 историй в переводах на сербский Милана Вуковича лучших поэтов России.
Издательство «Книжный клуб». Сербия.

Издательство «Колхидская роза» Грузия

«ПОЭМА О МАМЕ И МОРЕ»
ЧЕТЫРЕ ДНЯ НА КАСПИИ
в переводах на английский, грузинский, персидский, туркменский, таджикский, осетинский.
ИД Академии им. Н.Е. Жуковского.

СТИХИ

ЗОЛОТАЯ КНИГА ДЮССЕЛЬДОРФА
ГРАН-ПРИ конкурса «Гольден АльпенГранд».
Лучшие поэты мира.

Стихотворения С. Савицкой
включены в Антологию
«Лучшие поэты России»
в переводе на арабский
Доктором Саиром Зайнеддином.
Департамент по выпуску книг
в Сирии на арабском языке.

Издательство «Фонд Русской Словесности».
Литературная премия им. А.С. Пушкина от СП России.
Золотая Есенинская медаль от СП России.